



ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ **3(40)**
ПИСАТЕЛЬ 2018
XXI
 ВЕК

10
 ЛЕТ
 ЖУРНАЛУ

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

ISBN 978-5-906357-61-8



Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

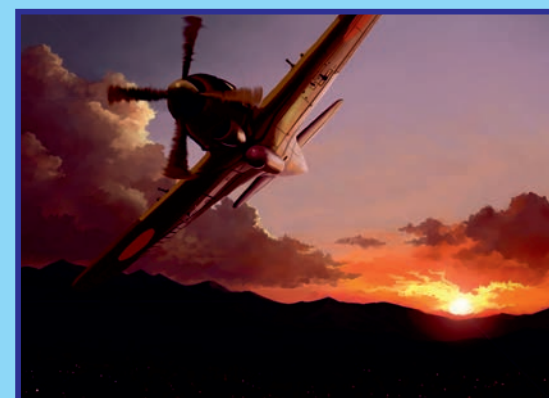
3 2018

ПИСАТЕЛЬ. **XXI** ВЕК



10
 ЛЕТ
 ЖУРНАЛУ

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ **3(40)**
ПИСАТЕЛЬ 2018
XXI
 ВЕК



- Книга А. П. Чехова
 «Остров Сахалин»
- Космическая любовь с Цефеи
- ...Течёт река Волга
- Время в ладонях
- На теплоходе в Кизи и на Валаам
- И что тут скажешь
- Лора
- Летчики
- Атака
- Неумирающий снег
- Орден творцов реальности
- Георгий Свиридов.
 Годы творческой зрелости
- «Сатирикон» как зеркало
 «постсоветской» России
- В поисках добра и красоты
 (к 200-летию М.И. Петипа)

*«...есть в ряду величайших прекраснейших стран
 Россия, потому что у неё есть Волга»
 Константин Бальмонт*

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Корректор — С. М. Ионова
Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры «Серебряный век», 2018

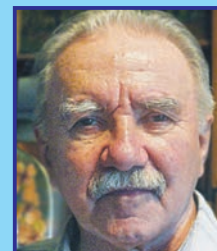
ISBN 978-5-906357-61-8

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Журнал «Писатель. XXI век», 2018

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 30.08.18. Тираж 300 экз. Заказ № 1807049
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА



Е. С. Роговер



Н. Ф. Ульянова



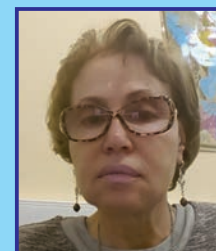
Н. В. Харитонов



Н. В. Ривара



Ида Замирская



С. Б. Кузнецова



Андрей-Viktoria-Андреев



В. А. Серов



А. Ю. Филиппова



М. Л. Дьяконова



В. А. Орлов



Булат Тугельбаев



Е. М. Алексеева



Эдуард Дэлюз



Бах Ахмедов



И. И. Уральская



Людмила Сытенко



Дженни Катешева



Н. М. Ильенкова



Н. М. Менендес



А. М. Воронов

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Ефим Роговер. Книга А.П. Чехова «Остров Сахалин»</i>	2
---	---

МАЛАЯ ПРОЗА

<i>София Кузнецова. Космическая любовь с Цефеи</i>	6
Легенда о замке.....	11
Мой Высоцкий.....	13
<i>Наталья Менендес. ...Течёт река Волга</i>	18
Время в ладонях.....	21
<i>Антонина Филиппова. На теплоходе в Кизи и на Валаам</i>	22
<i>Нонна Ильенкова. И что тут скажешь</i>	27
<i>Екатерина Алексеева. Лора</i>	29
<i>Бах Ахмедов. Теорема</i>	34

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

<i>Наталия Ульянова, Эдуард Дэлуж, Андрей-Viktoria-Андреев, Людмила Сытенко, Натали Ривара, Булат Тугельбаев</i>	50
--	----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Ида Замирская. Переводы с русского языка на английский</i>	69
Переводы с немецкого.....	73

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

<i>Валерий Орлов. Летчики</i>	74
<i>Владимир Серов. Атака</i>	84

ПРОЗА XXI ВЕК

<i>Ирина Уральская. Неумирающий снег (продолжение)</i>	88
<i>Мария Дьяконова. Орден творцов реальности (продолжение)</i>	107

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОКА

<i>Ефим Роговер. Георгий Свиридов. Годы творческой зрелости</i>	122
---	-----

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Алексей Воронов. «Сатириконт» как зеркало «постсоветской» России</i>	129
<i>Дженни Катъишева. В поисках добра и красоты (к 200-летию М.И. Петипа)</i>	135
<i>Валерий Орлов. Франсуа Рабле (16 в.) Гаргантюа и Пантагрюэль. Франция</i>	139
Маргарита Наваррская (16 в.) Франция.....	140
Народная книга о Тиле Эйленшпигеле (16 в.) Германия.....	141
Народная книга о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике (16 в.) Германия.....	143
Эразм Роттердамский (16 в.). Нидерланды.....	144

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

КНИГА А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Значительным событием в жизни А. П. Чехова стала его героическая поездка на Сахалин.

В свое длительное и очень нелегкое путешествие он отправился 21 апреля 1890 года. Писатель хорошо сознавал, какие лишения, трудности и даже опасности его ожидают в ходе этой дальней поездки, но это его не остановило. Он проехал на лошадях 4 тысячи с лишним верст, преодолел холод, разливы рек, голод, дорожную тряску, невылазную грязь, но не изменил своего решения достигнуть каторжного острова и написать об увиденном. «...Я доволен и благодарю Бога, что он дал мне силы и возможность пуститься в это путешествие», — писал Чехов [1]. Маршрут его путешествия, как это видно из чеховских писем, был таков: 1) из Москвы до Ярославля он ехал по железной дороге; 2) из Ярославля до Перми плыл на пароходе по Волге и Каме; 3) из Перми до Тюмени — по железной дороге; 4) из Тюмени до Байкала — на лошадях через Красноярск и Иркутск; 5) через Байкал на пароходе; 6) до Сретенска — на лошадях; 7) из Сретенска — в Благовещенск и Николаевск по Амуру на пароходе; 8) через Татарский пролив — на Сахалин.

10 июля 1890 года Чехов прибыл на Северный Сахалин. Здесь он живет и в течение трех месяцев ведет перепись населения этого

края, обследует все тюрьмы, посещает все избы, ведет сахалинский дневник, вставая каждый день в пять часов утра, ведя наблюдения и фиксируя свои впечатления. По словам сахалинского служащего А. С. Фельдмана, «в тюрьме Чехов подолгу беседовал с каторжниками. Он сумел расположить их к себе, и они относились к нему на редкость доверчиво <...>. Когда каторжники уходили на работы, Чехов переносил свои наблюдения на детей каторжан и поселенцев. Чехов любил детей какой-то особенной, трогательной любовью. Он обладал исключительным умением постигнуть их психологию и говорить с ними» [2].

Замысел книги о Сахалине возник у Чехова еще до отъезда из Москвы. Он наметил общий план, направление и условный объем произведения. Тогда же он сделал краткий географический обзор и составил историю исследования Сахалина. Писатель продумал и композицию своей книги, состоящей из двух частей. Первая (1-14 главы) давала «обзор населенных мест». Вторая часть излагала частности, «из которых в настоящее время складывается жизнь колонии». Обдумывался уже в ту пору состав иллюстраций к книге. Одним из авторов предполагался художник А. А. Сахаров.

Над книгой «Остров Сахалин» писатель работал около пяти лет

(1890–1894) и, несмотря на нездоровье (кровохарканье, расстройство нервов), стремился побыстрее раскрыть читателям увиденный им ад русской каторги.

«Остров Сахалин» отличается неповторимым стилистическим своеобразием. В этой книге мы находим редкий сплав научного исследования (отсюда — проблемный анализ материала, система доказательств, цитирование, ссылки на имеющиеся исследования, обобщение фактов), острой публицистики (с нею связаны актуальные политические, экономические и правовые вопросы, выдвинутые писателем при характеристике положения каторжных и ссыльных на острове) и художественного повествования и описания (в книге представлены пейзажи Сахалина, портретные и речевые характеристики встреченных людей, раскрывается внутренний мир каторжных и поселенцев). Поэтому считать, что Чехов представил только строго этнографическую книгу, не содержащую никаких писательских раздумий, совершенно недопустимо.

Чехов подробно описывает характер труда при добыче угля. Рабочий с санками, которые весят пуд, должен на Сахалине взобраться ползком наверх темным и сырым коридором. Каждый каторжный обязан подниматься наверх с санками не менее 13 раз в день.

«Работа в дуйских рудниках, — замечает автор книги, — тяжела также потому, что каторжник здесь в продолжение многих лет видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель» [3]. Ужасающе и жилищные условия поселенцев. «Около рудничной

конторы стоит барак для поселенцев, работающих в коях, небольшой старый сарай, кое-как приспособленный для ночевки. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка!».

Подробно описывает Чехов тюрьмы Сахалина. Самая безобразная из них — Воеводская. Она состоит из трех главных корпусов и одного малого, где помещаются карцеры. Это заведение, как и в старые времена, возбуждает в очевидцах только омерзение и ужас. Люди здесь прикованы к тачкам. Каждый из них закован в ручные и ножные кандалы, которые вместе с тачкой стесняют арестанта, стремящегося делать как можно меньше движений. Это отражается и на труде заключенного, и на его мускулатуре, а значит, и на внешнем его облике. К тому же питаются арестанты скверно: они лишены столовых, едят на ходу или сидя на земле.

Тяжкое и горестное впечатление оставляет чеховский рассказ о детской проституции на острове. Писатель пишет о «повальной проституции ссыльных женщин», описывает семьи, где мать и дочь «обе поступают в сожительницы к поселенцам и обе начинают рожать как бы в перегонку» [4]. В Александровке встречаются девушки, которые занимаются проституцией с девяти лет. Причинами этой беды оказывается жизнь впроголодь, взаимные попреки куском хлеба, безнадежность, уверенность, что лучше не будет и полное очерствение души и женщин, и мужчин, которые пускают девочек 14–15 лет добывать «своим телом» пятаки и гривенники.

В книге Чехова поражает исключительное разнообразие типов и человеческих судеб. Бывший священник в жалком поношенном пиджаке стоит навтыжку. Вот крестьянин из ссыльных, который производит впечатление делового и зажиточного раскольника.

А это поселенец Бронзовский — «страстный и неутомимый вор». Ужасают два палача, бывший и нынешний, «как два ядовитых паука, посаженных в одну банку» [5]. Обращает на себя внимание легендарная Сонька Золотая Ручка, осужденная за свой побег из Сибири на каторжные трехлетние работы. Но Чехов своим описанием резко снижает ее образ, рисуя маленькую, худенькую, уже седеющую женщину, «с помятым, старушечьим лицом». Она быстро ходит по камере из угла в угол, брэнча кандалами на своих руках.

Среди заключенных на острове есть люди самых разных сословий и состояний: здесь есть дворяне, баронессы, священники, мещане, коммерции советник, камер-юнкер, институтки. Но преимущественное внимание автор книги обращает на самых обыкновенных людей, оказавшихся на Сахалине или из-за пустяковой провинности или по судебной ошибке, и повествует не столько об их «преступлениях», сколько о преступлениях тех, кто их сюда выслал и согнал. В шестую главу книги писатель ввел вставную новеллу об Егоре, каторжанине, который «не может сидеть без работы ни одной минуты», а в заключенных видит не преступный сброд, а униженный и искалеченный «народ».

В черновых набросках к книге Чехов выразил свои мысли о будущем Сахалина: «Татарский берег кра-

сив, смотрит ясно и торжественно <..>. Быть может, в будущем здесь, на этом берегу, будут жить люди... счастливее, чем мы, в самом деле наслаждаться свободой и покоем. Но эти берега уже не безгрешны и не девственны, мы уже осквернили эти берега насилием» [6].

Чехов намеренно лишает свое повествование детективного элемента, который мог бы получить здесь свое развитие, освобождает книгу от какой бы то ни было занимательности, от зарисовки случаев сенсационного характера. Он исключил из окончательной редакции и нашумевшую историю бывшей баронессы Геймбрук, ставшей каторжной, снял из повествования жизнеописание таинственного каторжного Колосовского. Чеховское начало проявляется здесь в субъективно-окрашенных описаниях суровой сахалинской природы, в собирательном портрете каторжника, в сдержанном отношении к творимому на острове насилию и произволу (телесному наказанию, обременению кандалами, утяжелению труда) при всем негативном к ним отношении. «Повествование в книге ведется не от имени праздного туриста-созерцателя, а от лица мыслящего и чувствующего человека, критически и эмоционально воспринимающего сахалинскую действительность, серьезно и многогранно изучившее ее» [7]. При этом писатель использует многообразные средства художественной выразительности и все виды чужой речи для обрисовки действующих лиц: прямую, косвенную и несобственно-прямую.

Книга «Остров Сахалин» публиковалась с октября 1893 по июль 1894 года в журнале «Русская

мысль». Правительственные круги были крайне недовольны ее появлением. Писательница С. И. Смирнова-Сазонова отметила в своем дневнике: ««Русской мысли» дано второе предупреждение за какую-то статью о социологии. Но эта статья только предлог. На самом деле это кара за чеховский «Сахалин». Начальник Тюремного управления Галкин-Враский им возмущен» [8]. Публикация чеховской книги в журнале была остановлена цензурой. Отдельное издание ее вышло в свет в 1895 году. Она стала столь же эпохальной, как «Записки из Мертвого дома» Достоевского, как «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. В американский критике произведение Чехова сравнивали с «Адом» Данте.

После 1890 года в творчестве А. П. Чехова, по его словам, оказалось «все просахалинено». Появился целый цикл произведений, навеянных сахалинскими впечатлениями. Сюда относятся рассказы «Гусев» (1890),

«Бабы» (1891), «Воры» (1890), «В ссылке» (1892), «Убийство» (1895).

Егор из «Острова Сахалин» станет бессрочно-отпускным солдатом Гусевым из одноименного произведения; любовные сюжеты, услышанные на Сахалине, будут развиты в «Бабах» и «О любви»; сахалинская больница, где томятся «психические» рядом с сифилитиками, получит обобщение в «Палате № 6». Воспоминания о жизни в родных краях «на воле», которыми живут многие сахалинские персонажи, по-своему отзовутся в рассказе «В ссылке».

Современник Чехова А. Богданович справедливо считал «Остров Сахалин» выдающимся художественным произведением. Он писал, что если бы Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы. Это верная и точная оценка.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чехов А. П. Полное собр. сочинений и писем: в 20 тт. Письма. М.: Гослитиздат, 1944–1951. Т. XV. С. 96.
2. Литературное наследство, т. 68. Чехов. – М.: Изд. АН СССР, 1960. С. 595–596.
3. Чехов А. П. Указ. соч., т. X. С. 104.
4. Там же. С. 217.
5. Катаев В. Б. Сложность простоты. М., 1998. С. 88.
6. Чехов А. П. Указ. соч., т. X. С. 382.
7. Семанова М. Л. Чехов в школе. Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, 1954. С. 120.
8. Литературное наследство – т. 87. М.: Изд. АН СССР, 1977. С. 306.

София Кузнецова
(Россия, Москва)

КОСМИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ С ЦЕФЕИ

СЕГОДНЯШНЕЕ УТРО

Ее тонкие пальцы вертели бокал. Бутылка любимого вина стояла рядом. Она задумчиво посмотрела на букет пионов. Пионы... Они распускались всегда к ее дню рождения. Что-то мелькнуло в сознании, но она отмахнулась. Тридцать, уже тридцать и... ничего, слишком сильна боль разочарования.

Она несла в руках весь мир, но не донесла. Она хранила в тумбочке у кровати его старые часы, которые отмеряли для него время. Но вчера они разбились.

Она приручила его душу, но два месяца назад он ушел, и она отказалась от его души. Она рисовала картины с их снами, она хороший и уже известный художник, но его нет и снов нет. Только она помнила, куда он кладет вещи, или швыряет их в плохом настроении.

Она умела ждать и верить. А он не поверил.

Ее всегда влекло к звездам. А он не мог отличить Венеру от ковши Большой Медведицы. Она держала воздушный шар, наполненный смыслом ее жизни, но шар лопнул. Лопнул их мир, но она не смогла сохранить его.

Зазвонил телефон. Никого не хотелось слушать. Но при взгляде на номер легкая улыбка скользнула по ее губам. Она знала, что возьмет трубку. Это звонил сосед по лестничной площадке. Мальчик? Она не могла определить, сколько ему лет. По виду худощавой, невысокой фигурки — лет шестнадцать. Но глаза... глаза... Она однажды перехватила его взгляд — взгляд взрослого, много повидавшего мужчины. Так кто же он? Однажды она видела, как он разговаривал у подъезда с пожилым мужчиной. Отец? Она несколько раз встречала их вместе. Но мальчик никогда не рассказывал про родителей. А ей, ей было неинтересно. Они иногда гуляли вместе в парке, недалеко от дома. Он внимательно слушал ее рассказы о картинах и художниках. Улыбался, но сам говорил мало. А вот расспрашивал много — о книгах, музыке...

Вчера он позвонил и робко попросил ее о прогулке. А она, она согласилась. Она решила устроить мальчику праздник. Почему бы не пойти в кафе и не угостить его мороженым и вкусным тортом. Может она себе это позволить, черт возьми! Он будет ждать ее у подъезда. И звонок означал, что он на месте.

ПРОШЛАЯ НОЧЬ

Мальчик сидел в кресле. Балкон открыт. Он вздохнул запахом ночи полной грудью. Потом закрыл глаза и отдался тишине. Сидевший напротив межпланетный Странник посмотрел на неподвижную фигуру, ощутив всю силу, идущую от него.

В этом юноше хранилась вся мощь космоса. У него не было возраста. Он уже давно стал своим среди звезд, слившись с Галактикой. Он был жизнью, он был смертью. Он был Вселенной.

Неподвижно лежа перед открытой балконной дверью, он слышал все звуки за стеной в квартире Елены. Он видел ее глаза, пристально смотревшие так, как будто пытались забрать его сердце, как тогда, когда они первый раз случайно встретились в подъезде. Ее прекрасные глаза. Пусть они заберут его сердце. Ее теплые руки, дрожь по нервам. А если бы не подошел, не рискнул нарушить запрет... Если бы продолжал оставаться жестоким и безжалостным?

Не знаешь? Никто не знает, что было, что будет. Одно прикосновение может вызвать хаос. Одно прикосновение может вызвать лавину. Хаос, здесь все куда-то бегут, спешат, странные люди... у них хаос часть жизни. Он считал, что жизнь землян, это арена, но не для глупцов. А Елена, Елена всегда элегантно-нетороплива.

И сейчас он мысленно разговаривал с ней и знал — она слышит, слышит его слова и музыку, доносившуюся от ярко сияющих звезд, и его родной звезды — Цефеи, темно-красного цвета, поэтому называвшейся гранатовой звездой, на расстоянии 65 миллионов световых лет от планеты Земля.

Хочу идти с ритмом твоего сердца. Удар за ударом, шаг за шагом, такт за тактом. Ускоряется ритм, ускоряются шаги... Ты много читал, но не знал эту планету Земля наяву. И увидев тонкую, почти прозрачную красоту Елены, боль в ее глазах, ты осознал, как глубок ее мир, и надо научиться извлекать из общения чистоту. И оберегать ее от лжи, гнева, черного и плохого.

Зачем же ты тогда пришел на Землю? Зачем пришел в этот мир? Как объяснить Страннику, что теперь это и твой мир тоже. Ты дышишь тем же воздухом, что Елена, смотришь в то же небо. Сердце также бьется.

— Но у тебя же нет сердца, — мысленно услышал он слова Странника.

— Это жестокие слова, ты знаешь, лучики света уже пробились в мою грудь.

— Тьмы больше, она все поглощает, — слышался шепот Странника.

Хрустальный поток звуков с каждым вздохом юноши становился все прозрачнее и тише. Странник, пристально наблюдавший за ним, подошел и встряхнул его за руку.

Юноша вздрогнул и открыл глаза. Последними мыслями его странного сна были: «Нельзя поглотить то, что ты полюбил, то, что всегда с тобой. Она в груди, и ты сделаешь ее счастливой».

В ПОЛДЕНЬ

Он стоял чуть в стороне от подъезда. Елена вышла и чуть зажмурила веки, солнце было ярким и радостным. Невольно замедлила шаг. Юноша смотрел на тоненькую фигурку в голубом платье и в белых туфельках на высоких каблучках. Ветер трепал золотистые длинные волосы, а голубой подол платья надувал, как парус.

Когда Елена открыла глаза, юноша был рядом и протягивал ей руку. Она вздрогнула. Это был совсем другой человек, уверенный, красивый, и Елена подумала, что юноша олицетворяет сейчас бесконечность ее любимой галактики, где так заманчиво по вечерам ей подмигивали звезды. И она протянула ему руку.....

Прошло несколько месяцев. Две квартиры в доме стояли закрытыми, и никто не заходил в них. Сначала соседки и бабушки на скамейках судачили, куда уехала Елена, никого не предупредив, в доме ее любили. Но время шло и стерло облик Елены из памяти. А то ли мальчика, то ли юношу вообще мало кто видел, вот и вспоминать было не о ком.

И никто из жителей не мог увидеть яркую звезду необычного цвета, похожего на сок граната, которая поздно ночью была видна астрономам, и то только в мощные телескопы. Эта звезда как-то странно мигала, словно посылала на Землю таинственные сигналы, сияясь кому-то передать свое послание:

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи...
Она светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей...
В эфире чистом и незримом.

(Ф. Тютчев)

Стояла глубокая тишина. Синяя и фиолетовая, спокойная и спящая, пушистая и мягкая, будто манная каша, рыхлая в своей лёгкости и белоснежности, чуть разглаженная мельхиоровой ложкой по ободу фаянсовой тарелки.

Связь с космосом была необычайно сильна в этот миг. Текущее исчезало, приобретало черты вечного настроения, легко и прямо приоткрывающего самого себя. Глубина космоса завораживала. Мужчина по имени Странник неслышными шагами шел по лесной тропе. Иногда Странник останавливался и осматривался кругом. Вот и сейчас, он остановился, обернулся и взглянул на молодого мужчину, лежавшего на носилках, которые несли двое вооруженных охранников. Человек на носилках уже несколько дней находился в забытьи. Странник стоял и смотрел то на носилки, то на закат, который с каждым разом был божественнее. Его серые глаза видели уходящее в перину облаков солнце. Кровавые полосы, словно река, расплылись вокруг.

— Привал, — махнул рукой Странник.

Охранники запалили костер и сильнее укутали молодого человека. Вот уже неделю шли они. Нет, такого Странник не предусматривал. Неужели ОН оказался не настолько силен, что не смог обмануть Вселенную?

Странник помотал головой, как бы отгоняя навязчивые мысли.

Силы юноши не поддавались ему. Но неужели все так плохо? А если он просто сбился с пути? Нет, нельзя сбиться с дороги, по которой ты не идешь. Порыв ледяного ветра растрепал седые волосы Странника. Воздух наполнился голосами, тихими и мелодичными. Вглядевшись, он увидел сквозь дымку очертания фигур, которые становились все четче и четче виднее. Призраки пожаловали к нему. Что это могло значить? Странник выпрямился и закрыл глаза, он весь ушел в темноту.

ШЕСТЬЮ КОСМИЧЕСКИМИ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Юноша, его звали Великий наследник космического Пути, полгода назад побывал на планете Земля, и влюбился в прекрасную незнакомку. Никто из Совета Планет не думал, что такое может случиться, ведь у Великих нет сердца. Но на Земле, встретив Елену, сердце появилось, забилося нежно, и любовь проснулась, и он познал страсть. Они улетели на планету Цефея, откуда был родом Великий, и прожили там почти шесть космических месяцев. Но девушка так и не смогла привыкнуть к жизни на далекой гранатовой планете. Несмотря на всю силу любви к Великому, она слабела и становилась все грустнее, пока внезапно не исчезла, растворившись в далеком хрустальном пространстве. Через два дня Великий объявил, что летит ее искать. Он хотел побывать там, где зарождалась его любовь. Странник не смог отговорить его. Они полетели вместе. Перенесенные страдания надломили Великого, он молча смотрел в одну точку, перестал есть, только пил воду. И вот теперь Странник сидел у костра и размышлял. А видная ему вершина горящей амплитуды заката, окрашенной в голубовато-золотистое сияние, с темно-розовым пушистым всплеском бесконечного плана космического масштаба, помогала ему думать. Вдох Вселенной протекал плавно, и растянутое время касалось края звезды, с таким теплым и понятным звучанием Цефея.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ветви длинными стремлениями тянувшегося времени, раздвигали хлопья воздуха, рассматривали себя со стороны, и скручивались в искрящуюся ткань. А лик солнца кружился в своей запредельной выси, и оранжевыми, блестящими, озорными кругами сопрягая в себе беспредельную ленту происходящих метаморфоз...

Тени приблизились к костру. Остановились около Странника. Странник и охрана встали, заслоняя носилки.

— Ты долго идешь по нашей тропе. Так почему же остановился?

— Я иду не сам. Я несусь Великого. Только он сможет возродить наш Путь. Мы уже видели его силу, но пока только силу. Нам нужна его мудрость. Великий ещё слишком молод, но он прошел и увидел.

— Мы знаем, мы видели. Но сейчас Великого нет с нами. Он без сознания. Ты можешь потерять то, что так долго все искали...

— Нет. Нельзя потерять того, кого нет. Но даже в бреду он ищет дорогу. Ему нужна Она.

— Он не найдет Ее здесь. Никто не знает, где Она.

— Но ведь она его жизнь.

— Или сама смерть. Она то оживает, то снова умирает.

— Что ты хочешь сказать? Мы не понимаем тебя, Странник.

— Он нуждается в ней. Ему нужна сила и горечь.

— Но у Великих нет сердца.

— Она даст ему его. Один раз это уже произошло. Благодаря ей он сможет Понять. Он сможет Чувствовать.

— Ты веришь в это?

— Я знаю это. Ее слезы подобны рекам, ее смех подобен лавинам. Она даст то, что возродит в ней он.

— Это его Путь?

— Да! Любовь — это суть жизни. Суть — это начало...

А в это время в голове у юноши, лежащего неподвижно и так тихо, что дыхания не было слышно, мелькали картины недавнего прошлого. Он, сын Ориона, гордый и бессердечный, испытал необыкновенное чувство, чувство неожиданности любви? А может это какой-то неверный шаг, неосторожный штрих. Ещё одна ошибка? Елене было плохо, ты не смог заменить ей родную Землю...

Откуда-то пришло воспоминание... Ночные фонари легкими бликами падают на лицо, вызывая усталость, горечь. За стеной твоей квартиры она, но как объяснить, как признаться? Ведь знаешь, что это чувство сильнее всех наказаний совета старейшин.

Снова... новое ощущение... и всегда с ней словно впервые.

И мир приобрёл другие краски, красивые, свежие.

А что теперь? Снова чёрно-белое граффити... Нет! Не нужно. Ведь всё пройдёт, со временем. Так ли? Или это словно круг, ни начала, ни конца, только новые персонажи, иные события. Глупо. Что-то струной амфоры лопнуло внутри, оставляя лёгкий тонкий зуд. В душе, теле, сердце. Если конечно, оно ещё есть у тебя и может гореть. Странно... странно...

Какой болью реагирует сердце на водоворот, в котором исчезла Елена. Что тебе хочется? Чего-то легкого, светлого, нежного... Но ты боишься оступить. Но... ведь без ошибок не будет спирали жизни. Линии меняются, каждый миг... ты изменяешь их, ты всемогущ над судьбой. Правда ли это? Не знаю. Просто там, внутри, что-то кричит, рвётся, резко, страстно, с горечью, вонзая свои когти всё глубже и глубже. Это вызывает слабость, слабость...

это всего лишь слабость. Она пройдёт, лёгким бризом, взмахом крыльев, вскриком птицы. Уйдет, канет туда, вниз, в темноту. И ты, ты поймешь, что можешь! Ты пройдешь по канату... не единого взгляда вниз, только вдаль, туда... в манящую синеву, в горящую свободу... к ней, к Елене...

Кто знает, где соединяются души?

На кончиках пальцев, или на ниточках нервов...

Или бредут каждый своею спиралью и только звездам понятно, где... когда... зачем...

Странник поможет им тропку найти, и это уже навсегда...

Души любимых поймут это...

крикнут спасибо... оттуда, из дали,

где на спирали тоненький лучик любви...

ЛЕГЕНДА О ЗАМКЕ

«Замок временем скрыт и укутан,
укрыт в нежный плед из зеленых побегов,
Но развяжет язык молчаливый гранит —
и холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах...
И польются легенды из сотен стихов».

Владимир Высоцкий

В этом сезоне я отдыхала в Германии, маленьком городке Обзервиле. Много ездила на экскурсии. В замке «Шенбург», возвышающемся над Рейном, нам рассказали интересную историю, легенду. Произошло это в 1734 году.

Однажды утром пришел сторож пораньше, хотел уже по узкому мостику пройти ров и выйти на тропинку, ведущую к лесенке, как вдруг увидел потухший костер, в землю воткнутый кинжал, рукоять которого была украшена драгоценными камнями, а вокруг кинжала обвился локон, золотистый и мягкий как шелк.

Обошел сторож вокруг, стал подниматься по лестнице, а у подножья лежит серебряный платок, расшитый золотом, которым закрывала лицо живущая здесь, как все говорили, принцесса — Золотоволоска. И всего-то раз видел её сторож без покрывала, поразился её красоте, золотым волосам до пояса, и огромным карим глазам, сверкающим как звезды. И два стражника мертвых лежат.

Все осмотрел сторож, людей позвал, и только тогда обнаружили они во рву, окружающем замок, убитого Рыцаря и черноволосую красавицу-колдунью. И больше ничего и никого. Но спустя два месяца странные звуки стали по ночам доноситься из замка, скрипка будто бы играет, и кто-то плачет, зовет кого-то женский голос, а спустя время мужской ему отвечает.

За замком закрепилась дурная слава. И по сей день не многие желают войти внутрь, а просто осматривают замок снаружи.

Я пришла в гостиницу почему-то под впечатлением этого рассказа, взяла плед, укуталась, потому что ночи в горах на юге ранние и холодные. Постепенно волнение прошло, и я задремала, но тревожным сном, то мне слышался шум волн, то какие-то крики. Наконец, я заснула, но сон был странный, я почувствовала себя юной царевной, которую держат в замке насильно, и виновата в этом её черноволосая соперница-сестра. Наконец перестала я различать сон это или явь...

Как темна ты, ночь в горах, как быстро настаешь. Вот светло, ясно, Рейн плещется. Темнота полуночная подкралась внезапно. А на горизонте еще видна звезда любви — Венера.

Вот и полнолуние — и луна, как золоченый чёлн, выплывает на черный бархат неба. Остановилась, прихорашивается, помаргивает. Дорожку золотую расстелила, вышла серебром рябь на Рейне. Красива дорожка, вьется до самого горизонта, где сливается с маленькой алой полоской прошедшего дня.

Вдалеке башни, черные, как смоль, но на верхушках зубцов мелькает изредка желтое пламя свечи.

Недобрая слава слывет о замке. Странная принцесса там живет.

Давно живет, и время жизни отсчитывают секунды, срывающиеся с башен и падающие в ров. Кап — секунда, кап, кап, кап...

И вот послышался далекий звук скрипки, ветер донес: из замка ли, из неизвестных стран? Не ласково скрипка говорила. Снилось мне черноволосая красавица, она мелькала в окнах замка. И лицо во сне ее разглядела — красивое, злое.

И снится мне лик Золотоволоски, лик ангельский и любимый Князем. Но потерял тебя Князь, как облако теряется ясным днем в вышине. Другая девушка Князя чёрной завистью и магией приманивает.

Но, чу! Лодка неслышно причалила, мелькнула фигура Князя, как тень растаяла.

А в замке на самой высокой площадке на мешковине, покрытой потертым ковром, закутанная в серебряную шаль, прикована не принцесса — ангел золотоволосый. Гулко стучит ее сердце, с губ срывается стон, стон полный обид: где её Князь, где?

Топот копыт по дороге — Рыцарь летит, с ним два стражника, забрало у Рыцаря поднято, лица не скрывает. Закованный в серебряные латы, вспыхивает от лучиков звезд кольчуга, вот уже и вал перед замком.

Кого увидеть Рыцарь хочет? А тонкий голосок доносится, рыцаря заклинает:

— Подними клинок! Ты должен размахнуться, ударить, чтоб сталь зазвенела, чтоб рухнули стражи темницы моей, и сама темница рухнула в Рейн. А тогда возьму я свой бубен, взмахну платком, и танец страсти для тебя исполню, только маленькие ножки будут мелькать из-под пышных юбок, да черные локоны взмахивать в такт музыки.

Вздрыгнул Рыцарь от этого голоса, черным блеском засверкали глаза от страсти. Хлестнул он коня, объехал замок и стал взбираться с охраной по кругу. Не знал Князь, что ждет его у любимой Златовласки западня. Пики оцетинились, мечи из ножен, по-подлому из-за угла...

Слышалось во сне мне, как лопалась сталь под ударом мечей, тетива от натуги дымилась, смерть на копьях сидела, утробно дыша, свист стрел и крики охраны. Чудилось — лежат два стражника с дымящейся кровью из горла, и ворон кричит, страшно так кричит. Свершилось убийство ночью порой. Сел убийца на коня, черноволосую красавицу бросил сзади на седло. Но конь ров не может перепрыгнуть — поднялся конь на дыбы и храпит. Рыцарь вонзил в бока его шпоры, конь бешенно взвился и сбросил вниз на камни седока и подругу его.

Вот и солнышко из моря поднимается. Тихо. Тихо. Природа просыпается. Сторож в замок идет...

А легенды продолжают жить...

И они говорят, что любовь творит чудеса...

Я считаю, что мне в жизни повезло. Я видела спектакль «Гамлет». Я видела Владимира Высоцкого!

Мне было 11 лет, когда я попала на Таганку. Но до конца жизни я буду это помнить!

МОЙ ВЫСОЦКИЙ

Есть воспоминания, которые в нашей памяти живут вечно.

Самые близкие люди. Дети. Родители.

Но есть и события, которые не изгладятся из памяти никогда. Мое почитание явления под названием «Его Высочество Высоцкий» началось от родителей, от их рассказов о Владимире Семеновиче, их стоянии в очередях, общения с перекупщиками и получения заветных билетиков. Это сейчас, через десятилетия мирового признания, мы понимаем, что значит Планета Высоцкого. Жить не по лжи...

Гамлет. Главная роль Владимира Высоцкого. Спектакль всей его жизни. Роль всей его жизни. Если разобраться, то и в кино, и даже в театре было не так много ролей, в которых Высоцкий смог показать свой талант во всем его объеме. Поэтому, как ни парадоксально, и нет единого мнения о том, насколько сильным он был актером. Но Гамлет Высоцкого, одна лишь эта роль, уже снимает все вопросы. Один из величайших спектаклей в истории русского театра. 28 июня 1970 года Владимир Высоцкий заполнил свою знаменитую анкету, в которой ответил Анатолию Меншикову на 47 вопросов.

Отвечая на вопрос «какое событие стало бы для тебя самым радостным», Высоцкий написал: «Премьера «Гамлета». До премьеры оставалось еще почти полтора года!

Идея поставить «Гамлета» действительно принадлежала Высоцкому, а Любимов действительно сомневался.

Высоцкий откровенно говорил, что в какой-то момент был слишком настойчив, а Юрий Петрович привык, что решения принимал только он, и давить на него было бесполезно. Поэтому от возникновения идеи до начала репетиций прошли месяцы.

Репетиции шли не просто долго.

Пожалуй, ни одна другая постановка Юрия Любимова на Таганке не готовилась столько времени. Почти два года! Причем репетировали сразу на сцене. Хотя обычно репетициям предшествует читка — буквально сидя за столом, когда разбирается каждый персонаж и характеры. Здесь же все шло только на сцене!

И Юрий Петрович не лукавил, когда говорил, что впервые не имел четкого плана постановки. Любимов был гением условного театра, в котором очень многое строилось на импровизации, полете фантазии. Один и тот же спектакль мог в разные дни выглядеть очень по-разному. Почти девять лет шел «Гамлет» на Таганке, и все эти годы репетиции и поиск не прекращались!

Для Высоцкого Гамлет — больше, чем просто роль, как и многие песни больше, чем просто песни. Это была жизнь наперегонки со временем.

Я захожу в зал. Первый раз, первый раз я увижу моего Кумира, родители взяли меня на спектакль, хотя мне было меньше одиннадцати. Но я настолько была погружена в литературу и поэзию Высоцкого, что они не смогли мне отказать.

И я мучительно завидую самой себе. Потому что нельзя повторить то ощущение, когда сидящая в полумраке небольшого зала на Таганке, я слышала чуть хриловатое «Гул затих...» и перебор гитарных струн. Он не пел, нет. Он бережно, чуть-чуть нараспев произносил слова — трагично и мужественно, с интонацией самого Высоцкого...

На авансцене стоял потрясенный поэт, трагический и обреченный мечтатель. Наш духовник, друг и современник.

И лишь спустя годы, когда я выросла, то поняла, что выбор Высоцкого на роль принца Датского был стопроцентным попаданием. Мощь и размах трагедии эпохи Возрождения магически совпали с личностью актера, ощущавшего и самую жизнь почти по-шекспировски: «век раскололся», и трещина прошла по сердцу поэта...

Высоцкий в роли Гамлета — это культурный феномен своей эпохи. Роль стала легендой еще при жизни актера. В «Гамлете» актер последний раз вышел на сцену за несколько дней до своей кончины. А вскоре после его похорон в Болгарии, где и Высоцкого и «Таганку» боготворили, вышла статья с весьма красноречивым названием — «Его высочество Высоцкий»...

Сегодня, глядя на тот спектакль словно из другого измерения, я мучительно завидовала самой себе, сидящей в полумраке маленького зритель-

ного зала на Таганской площади, где вдруг раздавался негромкий и незатейливый перебор гитарных струн и чуть-чуть хриловатое:

«Гул затих, я вышел на подмостки...»

Гамлет — мечта каждого молодого актера, которая, однако, очень редко сбывается. Тот миг, когда Высоцкий получил эту роль, был звездным в биографии и актера, и Театра на Таганке. Актер радовался и гордился тем, что сыграл Гамлета именно в том возрасте, который определен у Шекспира, и в течение 10 лет он был единственным исполнителем этой роли. Над Гамлетом он работал как одержимый, ставил на эту роль очень многое — и личное тоже. Он все время что-то менял в игре, т. к. менялся и сам. Гамлет для Высоцкого — больше, чем просто роль, как и многие песни — нечто большее, чем просто песни. Это была жизнь наперегонки со временем.

Премьера состоялась 29 ноября 1971 года.

Более полутора лет мучительной работы, с почти каждодневными шестичасовыми репетициями. Перед Любимовым и труппой стояли вопросы — как поставить спектакль? как сделать его современным? как сделать его непохожим ни на один «Гамлет», поставленный до сих пор?

Прежде всего, отмечалось новаторство постановщиков Любимова и Боровского. Они поставили перед собой задачу максимально сократить расстояние между шекспировским творением и современным зрителем. Поэтому в первой сцене спектакля Шекспира нет, нет и Гамлета. Есть Высоцкий с гитарой, декламирующий стихотворение Б. Пастернака «Гамлет» из еще полузапретного романа «Доктор Живаго».

Это еще не спектакль. Это эпитафия к нему... Зритель, входящий в зал, видит перед собой оголенную сцену. Она погружена в сумрак. На задней кирпичной стене с железными скобами висят военные доспехи — перчатки, шпаги. На авансцене — открытая могила со свежей, настоящей землей. В нее воткнут меч. На эфесе — небрежно брошенные траурные повязки... Сбоку — занавес...

В глубине сцены, прислонившись к стене, незаметный поначалу, сидит человек, одетый в черный свитер и джинсы, ничем не отличающийся от зрителей по внешнему облику и, казалось, просто забредший сюда прямо с Таганской площади. В руках у него гитара, он тихо перебирает струны, прислушивается к извлекаемым звукам, что-то напевает... Кричит, возвещая зарю, натуральный петух в верхнем, левом от зрителя окне сцены. Выходят могильщики с лопатами, подходят к могиле на авансцене, роют землю и закапывают в нее череп. Потом выходят актеры, одетые в шерстяные свитера того же, что и занавес, серо-бежевого цвета, и надевают на себя траурные повязки, которые снимают с меча: в Дании траур — умер старый король Гамлет. Актеры расходятся по своим местам. В этой напряженной тишине молодой человек у стены поднимается и медленно, усталым шагом идет к могиле, останавливается на краю... В свете яркого луча зрители видят Высоцкого, который хриплым голосом, страстно и сосредоточенно,

с горьким ожесточением поет (скорее, декламирует) под аккомпанемент гитары Пастернаковские стихи:

...На меня наставлен сумрак ночи, тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси...
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

«Жизнь прожить» в Эльсиноре — значит жить у опасной черты: здесь легко дать себя убить и еще легче самому стать убийцей. Зрителю сразу сообщают итог трагедии, а потом разворачивают путь к нему. Высоцкий отбросит гитару, чтобы стать принцем Датским. Но начинает он с современного поэта и с самого себя. Такое соединение Шекспира, Пастернака и актера-поэта оказывается удивительным — перед зрителем предстает герой, чьи мысли, слова, поступки не из отдаленной классики, а по-человечески понятны сидящим в зале — «Я ловлю в далеком отголоске, что случится на моем веку».

Для тех, кто в те непростые годы жил современностью, спектакль и образ героя сразу обретали определенность. Это наш Гамлет, человек нашего времени.

Еще не успели отзвучать последние три аккорда гитары Высоцкого, как возникает музыка, мощная, как грозный, все нарастающий шквал. В это время лежащий на полу свернутый занавес медленно поднимается вверх и движется от кулисы к середине сцены...

С этой точки и начинается роль человека, который уже готов к тому, чтобы кончить жизнь самоубийством. Но, так как он глубоко верующий человек, то он не может взять на себя такой грех — закончить свою жизнь. И вот из-за этого этот занавес работает как судьба, как крыло судьбы. Вот впереди на сцене сделана такая могила, она полна землей, могильщики все время присутствуют на сцене, иногда восклицая: «Memento more!» — «Помни о смерти!». Все время на сцене очень чувствуется присутствие смерти. И этот занавес, быстро двигаясь, сбивает в могилу всех персонажей — и правых, и виноватых, и положительных, и отрицательных. В общем, всех потом равняет могила...

Высоцкий играет иссякающую энергию души, которая взметнулась чудесным усилием и вот-вот сорвется кубарем вниз. Высоцкий играет тот миг, когда душа еще ликует, наполненная славой своего взлета, и когда она скорбит, предчувствуя боль и позор своего падения. Монологи Высоцкого обрываются на полуслове, как рвущаяся звучащая струна. Сама поэзия для Высоцкого не холодное ремесло, но срыв, срыв вниз или вверх, срыв в бездну или в бессмертие.

Те, кто наблюдал за игрой Высоцкого от премьеры до последних представлений спектакля, отмечали, что с годами менялся не только артист, менялся и его герой. Сразу после премьеры Гамлет Высоцкого выглядел совсем юным, он спонтанно выступал против всякой неправды и чувствовал

себя растерянным, когда узнавал о такой чудовищной несправедливости, как убийство его отца заговорщиками из числа самых близких ему людей. Позже его Гамлет становится человеком, осознавшим полную неспособность одолеть зло, ибо дворцовые перевороты глубоко укоренились в практике монархий, и лишь редкие из властителей умирали своей смертью. И это считалось естественным... Высоцкий настойчиво стремился наполнить роль злободневным содержанием. И зритель, и партнеры видели, как в духовном облике мятущегося средневекового принца, которого незаконно, обманом и злодейством, лишали королевского трона, раз от разу все резче проступали черты современной трагической личности, насильственно лишенной своего главнейшего и законного права — права самовыражения. К концу жизни он все больше и больше играл самого себя — произошло слияние образа и исполнителя в единое целое. Быть или не быть, молчать или говорить, на износ или в полсилы... Он вложил в Гамлета свою поэтическую судьбу и свою легенду, растиражированную в миллионах кассет. К вечной классике Высоцкий привязал еще и собственные терзания: алкоголь, наркозависимость, серьезные проблемы в театре, путаницу в личной жизни...

И прошли десятилетия, пролетели как миг. Многое стерлось в памяти. Но этот невысокий человек в черном свитере, с хрипловатым голосом стал моей путеводной звездой, по которой я сверяла свои поступки.

Высоцкий непредсказуем и гениален. В его песнях, театральных ролях весь спектр эмоций: от безмолвного крика души до творений, рвущих в клочья все запреты и законы.

Высоцкий — это эпоха, которая будет передаваться от одного поколения к другому.

«И снизу лёд и сверху — маюсь между, —
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно — всплыть и не терять надежду,
А там — за дело в ожиданье виз.
Лёд надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Всё помня, даже старые стихи.
Мне меньше полувека — сорок с лишним, —
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед Ним».

Высоцкий Владимир.

20 июля 1980 года

(последнее стихотворение)

Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)

...ТЕЧЁТ РЕКА ВОЛГА

«...есть в ряду величайших прекраснейших стран
Россия, потому что у неё есть Волга»
Константин Бальмонт

Открывать глаза не хочется. Сегодня воскресенье, не на работу, можно поваляться. Откуда-то наплывает завораживающий голос: «Издалека долго течёт река Волга...». Этот знакомый и с детства любимый голос уносит меня туда, к волжскому раздолью, на крутой кинешемский берег, где я стою, вглядываясь из-под ладони на перламутровую гладь, слегка позолочённую закатом. Мне хочется взлететь с этого высокого берега, чтобы охватить взглядом всё пространство. И уже приходит ощущение полёта. Я смотрю с высоты и не могу налюбоваться.

Этот полёт реален? Это было?

Открывать глаза не хочется. Сегодня воскресенье, не в школу, и можно поваляться. Откуда-то наплывает завораживающий голос: «Издалека долго течёт река Волга...». Бабушка не будет будить меня. Можно лежать и слушать по радио интересную передачу «Доброе утро».

Песня разливается по всему пространству тесной комнатки, полностью заполняя её. Мне интересно как долго течёт Волга, а именно, сколько дней и ночей? Бабушка ответа на этот вопрос не знает, но высчитывает, сколько нужно плыть до Жигулёвска, где проживают её младшая сестра и брат. Пока она считает и рассуждает о предстоящей поездке «на Низ», я улетаю пышную лепёшку, испечённую на жару в печке. Лепёшки всегда жарились до выпечки пирогов, обязательного атрибута воскресного дня нашей семьи. Но, как ни вкусны были пироги, а именно лепёшки с хрустящей коричневой корочкой были любимым лакомством всех внуков. Я уверена, что скоро на пороге появится старшая двоюродная сестра, разве можно пропустить воскресный обед. Но раньше её в комнату влетает моя закадычная подруга.

— Одевайся скорей, побежали ледоход смотреть!

— Какой ледоход?

— Ты что, не слышишь? Шумит вовсю!

Выскочив на улицу, я действительно слышу непонятные странные звуки со стороны Волги. Мы припускаемся почти бегом, стараясь догнать ребят с нашей улицы. А там на берегу уже толпится народ, через который трудно пробраться вперёд, чтобы разглядеть происходящее. Наконец я занимаю удобное место, где хорошо всё видно.

Льдины с треском и скрежетом наползают друг на друга. Между ними чёрными провалами видна вода. В некоторых местах сохраняется ледяное пространство с небольшими трещинками, но и они начинают расплзаться в стороны. Голос Волги похож на рычание недовольного, разбуженного зверя. Но этот её злобный вопль вызывает восторг людей. Слышится одобрительные возгласы, сквозь которые внезапно прорывается крик ужаса.

— Смотрите! Там, на той стороне человек на льдине!

Все замирают, начинают пристально вглядываться на противоположный берег. Я вместе с другими разглядываю мелкую, словно игрушечную фигурку, перескакивающую с льдины на льдину. Перепрыгнул раз, другой, ещё. Почти у самого берега проваливается, но выбирается. Видимо там было уже неглубоко. Кто-то на другом берегу встречает его. Все вздыхают с облегчением.

Мне очень страшно. Мне больше не хочется смотреть на эту разбуженную после зимы реку. Летом она была совсем другой, ласковой и тёплой.

Вместе с ребятами я каждый день убегала на песчаный пляж, хоть купаться мне разрешали совсем немного, мол, слаба ещё, не акклиматизировалась.

Вот с этого самого места мы спускалась с соседскими девчонками к воде. Побегав по песку собирая камушки, я усаживалась на пригорке и с завистью смотрела, как с визгом и хохотом поднимают фонтаны брызг ребятня у берега. Старшие, снисходительно раздвинув мелюзгу, решительно плывут вдале. А там...

Я пристально вглядывалась в эту ширь, которую невозможно охватить разом. Сколько же всего вмещает в себя это синее пространство переливающееся серебром, золотом и перламутром!

Медленно, но важно движется баржа, нагруженная до самой кормы. Белоснежный трёхпалубник — разнаряженный аристократ без труда обходит её. Мне кажется, величественный корабль презрительно бросает на ходу: «Не смей быть впереди меня!» Стремительно пролетают белокрылые «Ракеты» и «Метеоры». От одного берега до другого снует небольшой катерок с открытой верхней палубой. Недалеко на пристани из него вываливается целая толпа, приехавшая из Заволжска. В небольшую заводь то и дело причаливают лодки с моторами. Прикреплённые цепями к столбикам они качаются здесь, оставшись без хозяина, который предусмотрительно уносит и вёсла и мотор. В эти уже бесхозные лодки можно залезть и посидеть на лавочке.

Голоса ребят на берегу слабеют. Их вытесняет голос Волги. «Ох-ох, тяжёло» — пыхтит баржа. «Посторонись!» — выкрикивает теплоход. Тёплый летний ветерок доносит музыку, льющуюся из репродуктора. «Тру-жусь!» — стараясь перекричать других, взвизгивает катерок. На берег набегают волны то широкие, покатые, то с острыми гребешками, словно река, вступающая в разговор, урезонивает своих расшумевшихся чад: «Терплю вас».

Волга говорит на разные голоса, и все они сливаются в одну величественную песню реки-труженицы. Мне по душе её летний голос.

«Я люблю тебя, Волга» — шепчу я, разглядывая, как струйки воды, набранной в ладони, вытекают между пальцами.

Чувства мои становятся ещё более глубокими после летней поездки с бабушкой на теплоходе, где, несмотря на то, что спим мы с ней и младшей сестрёнкой прямо на палубе в одеяле и на подушке, предусмотрительно прихваченными из дома, меня не покидает восторг. Я вприпрыжку скачу по этой самой нижней палубе. Задрав голову, смотрю на всё расширяющуюся реку, на непрестанно меняющийся пейзаж берегов, на красивые пристани городов, у которых подолгу простаивает наш теплоход.

Проходит десять лет и на таком же теплоходе уплывают вниз по Волге к новому молодому волжскому городу почти все ребята из нашей детской компании. Они выбирают на распределении именно этот город, ведь он стоит на Волге. Можно уехать из своего города, но оторваться от Волги просто немыслимо. А если и уезжают, то очень тоскуют, живя вдали от её просторов. Непременно возвращаются к её берегам или через долгие годы, или вскоре, как я. «Когда домой придёшь в конце пути, свои ладони в Волгу опусти...».

А Волга? Она ждёт своих детей, она ждёт участия в своей судьбе. Моя любимая, но уже совсем не такая, как прежде.

Она давно потеряла своё грозное весеннее рычание, она не поёт свою весёлую летнюю песню. Возле берегов моего города её голос стал совсем тихим. Почти не видно тяжёлых нагруженных барж, давно отменили маленькие катера, снующие вдоль берега к прибрежным посёлкам и деревням. Да и деревень-то этих почти не осталось. Изобилие частных лодок с моторами сменилось редким явлением вычурных новомодных яхт новорусских богачей. Поубавилось проходящих мимо туристических теплоходов, да и они не останавливаются у разрушенной причальной стенки моего города.

А где-то в низовьях, сорящие деньгами сильные мира сего, перегораживают Волгу искусственными островами и строят на них дворцы. И поубавилось не только кораблей, но и осетровых вместе с другими волжскими рыбами, но зато прибавилось грязи и мусора. Волга хиреет от таких болячек, а иногда сердито отступает от берега, обнажая черноту, словно свою горестную обиду.

Но ведь золотятся и купола храмов по берегам, но ведь хорошеют и многие города по всей Волге! А ей, моей любимой реке, всегда милей были деревушки на крутом берегу с резными оконцами деревянных изб, откуда раздавалось протяжное волжское пение, где и говорок был сродни этому пению, где хранились заветные русские традиции.

Волга — самая русская река, без которой нет и России!

«Издалека долго течёт река Волга...».

Живи, моя Волга, живи хорошо и благополучно. Хочется верить, что мы — твои дети станем мудрее и позаботимся об этом, сохранив твою чистую душу и ненаглядную красоту.

Я стою на крутом кинешемском берегу. Вглядываюсь из-под ладони на перламутровую гладь, слегка позолочённую закатом. Я не могу налюбоваться. И приходит ощущение полёта...

ВРЕМЯ В ЛАДОНЯХ

Моё время было и пока есть. Я держу его в моих ладонях, и если опустить в них лицо, то можно очутиться в далёком-далеке прошлого или будущего. Когда-то, кажется, совсем недавно, это было только будущее, теперь всё чаще — прошлое. Когда-то: «Стану, сделаю, встречу, признаюсь, напишу, поеду...». Теперь: «Настало, наделала, не встретила, зря призналась, всё-таки написала, не съездила...». Иногда, всё же в моих ладонях появляется: «Встречу, напишу, поеду...», и тогда в них теплеет, и тепло это проникает глубоко внутрь и согревает меня. Но так тепло бывает слишком редко, чаще холодно и одиноко, и тогда ко мне на подоконник прилетает маленькая пушистая птичка и своим тонким клювиком стучит мне в стекло и напевает звонкие песенки. Я знаю её имя — это Надежда. И я открываю окно, надеясь, что она сядет на мою ладонь, и я сумею покормить её крошками хлеба или зёрнышками, но она не даётся в руки и улетает. Птичка оставляет мне мелодии, которые живут во мне, и я могу какое-то время не отчаиваться и даже надеяться. А то, что она мне напела, ложится новыми строчками, танцующими вальс, на белый лист бумаги, или, отплясывая под стук клавиатуры, высвечивается на моём компьютере. И теперь всё чаще на компьютере, чем на листе бумаги. А время моё, в котором я училась и ошибалась, смеялась и огорчалась, пела и молчала, танцевала и ходила; вообще всё — то время, в котором я жила, проглатывает этот мой светящийся экран. Я так много ему рассказываю о том, что было, что всё моё становится его. Я доверяю ему даже свои сокровенные тайны, как самому близкому другу. Он мне тоже немало рассказывает, только я не всегда понимаю, где он говорит правду, где привирает, а где откровенно лжёт. Иногда я очень злюсь на этот мерцающий, манящий, переливающийся яркими красками экран, в нём много того, что меня расстраивает. Но я не могу от него отказаться, ведь в нём живёт моё время. И ещё он позволяет мне увидеть дорогих мне людей, даже если они очень-очень далеко.

Моё время всё-таки останется, даже если не станет меня. Его сохранит мой друг. Я благодарна ему. Он сможет рассказать о моём времени детям, друзьям и тем, кто, открывая заново моё время, станет мне близким и родным человеком.

А пока я бережно держу моё время в своих ладонях, боясь расплескать эти драгоценные капли, данные мне Богом.

Антонина Филиппова
(Россия, Санкт-Петербург)

НА ТЕПЛОХОДЕ В КИЖИ И НА ВАЛААМ

Не знаю собралась бы я, родившаяся и прожившая всю жизнь в Питере, посетить Кижы и Валаам, если бы не моя московская племянница Маша! Сначала я прокатилась с ней по Неве в пору белых ночей. И получила от этой поездки огромное удовольствие. Даже не думала, что мне так понравится наблюдать с теплохода, как сводят и разводят мосты! И тогда, по принципу гулять, так гулять, я решила отправиться с ней на теплоходе по маршруту Санкт-Петербург — Кижы — Валаам.

День отправления оказался для меня перенасыщенным. С самого утра я решила приобрести наконец-то новый фотоаппарат. Мечта распрощаться со старым не покидала меня ещё в Италии! А кроме того я записала Машу к моей парикмахерше, решив, что до шести вечера мы всё успеем. В итоге в одиннадцать утра я, сломя голову, влетаю в квартиру с новым фотоаппаратом, хватаю вещи и Машу и несусь с ней в парикмахерскую на другой конец города. На теплоход мы отправимся прямо оттуда.

Уже в пути соображаю, что вместе с коробкой от фотоаппарата оставила дома зарядное устройство к нему! А без него наш новый фотик вряд ли сможет быть нам полезен! Кидаю Машку и вещи в парикмахерской, а сама мчусь назад за зарядным устройством. За два часа моего отсутствия Маше делают стрижку и укладку и уже с вещами мы торопимся на причал.

«Дмитрий Фурманов», так называется наш теплоход, отправляется едва мы успеваем расположиться в каюте. Она небольшая, но всё необходимое имеется, включая душ и холодильник. О том, что в каюте будет холодильник, меня предупреждала сотрудница турфирмы, оформлявшая нам путёвки.

«Смело можете брать с собой еду!» — сказала она. Из чего я предположила, что предусмотренной программой трёхразового питания будет недостаточно. Однако ужин, которым нас накормили сразу же после отплытия, ясно даёт понять, что это не так. Хорошо, что нам с Машей некогда было заниматься закупкой провизии! Случайно захваченный с собой кусок яблочного пирога так и пролежал в холодильнике невостребованным.

Итак мы на теплоходе и здесь нам предстоит провести три дня и четыре ночи. Надо сказать — довольно необычно, когда твоим домом на некоторое время становится теплоход. Невольно проникаешься к нему симпатией, как к некому живому существу, окружающему тебя комфортом, теплом и заботой. К тому же за окном каюты широкоформатная панорама берега и притягивающая взгляд водная гладь. Хочется любоваться, любоваться и любоваться!

Как хорошо, что у меня есть новый фотоаппарат! А главное — зарядное устройство к нему! Теперь-то, конечно, можно и поиронизировать. Ну да ладно, хорошо всё, что хорошо заканчивается! А наша история только начинается!

Утро следующего дня порадовало нас хорошей погодой. Солнечно, но не жарко. Для экскурсии просто идеально! Наша сегодняшняя остановка Мандроги. Раньше я никогда не слышала это название.

Экскурсовод рассказывает, что это старинное поселение вепсов. Здесь на берегу Свири оно существовало с давних пор, но во время второй мировой войны было полностью сожжено финнами. В наши дни, когда среди богатых людей появились спонсоры и меценаты, один из них решил возродить Мандроги. Не знаю почему такая идея пришла ему в голову. Может это родина его предков, а может ему просто приглянулось это место в верхнем течении Свири, где река широко разливается, захватывая в себя более мелкие ручьи и речушки и образуя множество островков.

Места тут и впрямь дивные — заповедные!

Говорят, что раньше Свирь была порожистой и мелководной, непригодной для большого судоходства. И только строительство Нижне- и Верхне-Свирской ГЭС сделало её глубокой и полноводной. Наверное, как это обычно бывает, в результате были затоплены огромные территории, но сейчас разлившаяся Свирь являет собой зрелище поистине грандиозное!

Вот сюда в Мандроги и были привезены из вологодской области старинные деревянные дома. Самому старому — двести лет!

Туда-то мы и идём с экскурсоводом. Впечатляет и вид, и размер дома! Поседевшие от времени огромные брёвна вызывают уважение и трепет. Может отсюда и пошло выражение — седая старина?

Внутри всё так же, как было когда-то. Интересно посмотреть, как выглядела русская изба двести лет назад. В доме царит запах дерева и сена. За большим столом сидит женщина в сарафане. Перед ней разложены пряники. После рассказа о быте и традициях русских поселений она объясняет, что означает форма каждого пряника и предлагает их приобрести. От пряников исходит такой аромат, что удержаться от покупки просто невозможно. Мы с Машей покупаем по прянику в форме ладьи, что символизирует жизненный путь, и выходим из дома. Разбитый рядом с ним большой декоративный огород с цветником вызывает мой живой интерес.

Надо будет сюда вернуться, чтобы сфотографировать. Но сейчас мы торопимся за экскурсоводом. Наша цель — Лукоморье! На пароме мы переправляемся через широкий ручей, впадающий в Свирь. На том берегу в лесной зоне стоят фигуры сказочных героев. Нетрудно догадаться, что основная тема — стихотворение Пушкина «У лукоморья...». Учёный кот, Царь-Кошечей, ступа с Бабою-Ягой, тридцать витязей прекрасных — все они здесь! На лесной тропинке сказочные герои сменяют друг друга и, обойдя всех, мы на пароме возвращаемся обратно. Дальше — музей водки.

Но эта тема для нас с Машей интереса не представляет и положенные на каждого дегустационные сто грамм достаются музею. А мы идём к накрытым под большими шатрами столам, где нас ждёт пикник с шашлыками. Сидящая за одним из столов суховатого вида женщина лет пятидесяти

пяти явно не пренебрегла дегустацией водки в музее. Она бурно реагирует на выступление фольклорного ансамбля. И всё бы ничего, если бы с ней не путешествовала внучка лет восьми. В моём понимании это плохо совмещается с дегустацией водки. Может, я слишком строга? Не знаю...

А тем временем мы с Марией идём фотографировать заинтересовавший меня декоративный огород. Чего здесь только нет! Но особенно много подсолнечника, что вполне оправдано рядом со старинными деревянными постройками. Время идёт быстро и нам пора возвращаться на теплоход.

Мы плывём дальше по Свири. Наш путь лежит в Онегу в Кижы. Дважды по пути туда мы проходим шлюзы. Поскольку мы идём вверх по реке, то и уровень воды в них повышается. Причём в случае с Верхне-Свирской ГЭС впечатление просто ошеломляющее! В шлюзе вместе с нашим стоит ещё один теплоход, и прибывающая вода буквально за считанные минуты поднимает оба теплохода на высоту четырёхэтажного дома! Сразу понимаешь силу воды и что она может творить, выйдя из-под контроля. Одновременно испытываю и восхищение, и ужас!

Итак — завтра нас ждут Кижы! А сегодняшний вечер мы с Машей проведём в музыкальном салоне, где в живую звучит фортепьяно и где так приятно послушать импровизации на тему популярных мелодий.

А ещё будем на палубе фотографировать невероятно красивый закат, багровеющий над озером и сливающийся со своим отражением в воде!

Спать на узкой и жёсткой койке каюты не слишком комфортно и поэтому просыпаюсь я рано. Отдвигаю занавеску — над водой плотная пелена тумана. Пасмурно. Из белой дымки время от времени выплывают маленькие островки. Пока я умываюсь и принимаю душ туман рассеивается и береговая линия становится чётко видимой. Там на берегу перед моим взором предстаёт деревянная церковь со множеством луковок-куполов. Я не сразу понимаю, что это и есть Кижы. Церковь ремонтируется и её верхняя часть как бы висит в воздухе отдельно от нижней. Зрелище настолько фантастическое, что я хватаюсь за фотоаппарат. Снимаю прямо через стекло окна каюты. Мы причаливаем к берегу и после завтрака наш теплоход в полном составе отправляется на экскурсию по острову. На пристани столпотворение. Кажется сплошь одни иностранцы! Я слышу немецкую и итальянскую речь. Пассажиры нашего теплохода разбивают на группы и мы следуем за экскурсоводом. Первая по маршруту конечно же церковь, которую я видела с теплохода. Собрана она, как известно, без единого гвоздя, как и остальные старинные постройки на острове. Некоторые, как и в Мандрогах, привезены из вологодской области. Интересно почему именно там сохранилось столько деревянных домов, возраст которых насчитывает около двухсот лет? Заходим в один из домов. Тот же традиционный для русской избы интерьер. Стол, скамьи, печь, полати. Дом очень большой и в избе просторно. Посредине избы девушка за ткацким станком ткёт дорожку. Опять слушаем про быт и уклад того времени и так с экскурсоводом переходим от постройки к постройке.

«Там русский дух, там Русью пахнет...» Действительно пахнет печами, топящимися по-чёрному. Те, кому довелось пожить в домах с такими печами, говорят, что в них было теплее. Вообще-то двух часов, отведённых на

экскурсию по острову, катастрофически мало. Мы торопимся на теплоход, и он почти сразу же отплывает. Время всего одиннадцать утра и нам весь день предстоит плыть по Онежскому озеру, а завтра ещё полдня по Ладожскому, чтобы добраться до Валаама.

Но это завтра, а пока я сижу на палубе одна, потому что погода скверная, ветрено и холодно. Хорошо ещё, что на острове обошлось без дождя. Сейчас я чувствую, как моего лица достигают мелкие брызги. Онега буквально кипит от волн, мечущихся за бортом. Но волны невысокие, и корабль идёт ровно. Онежское озеро меньше Ладожского, но всё равно больше всех остальных европейских озёр. Берегов не видно совсем. Тяжёлое свинцовое небо сливается с такой же водой, и у меня возникает ощущение вселенского потопа. Как будто жизнь на земле прервалась, и мы, как древний Ной, плывём на ковчеге под названием «Дмитрий Фурманов».

«Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы завтра на Валааме была хорошая погода!» — думаю я и иду в каюту записывать свои впечатления.

Первую половину следующего дня, пока мы плывём по Ладоге на Валаам, сквозь облака действительно проглядывает солнышко. Но к моменту нашего прибытия оно окончательно прячется за тучи. На пристани нас опять делят на группы. Человек по тридцать на каждого экскурсовода. Молодой человек, ведущий нашу группу, внешне и манерой говорить походит на инока. Я даже решаю, что он какой-нибудь послушник. Но позже интересуюсь и оказывается, что он студент. Учится в архитектурном институте.

«Вы производите впечатление человека очень религиозного», — говорю я ему, и он рассказывает, что существует достаточно жёсткий отбор для тех, кто хочет водить экскурсии по острову. Первое и основное — это должен быть человек верующий. А дальше сами служители монастыря организуют для них в Санкт-Петербурге курсы, где учат православию и прочим премудростям. Затем уже на самом острове проходит прослушивание и отбор.

«То есть случайный человек экскурсоводом на Валааме оказаться не может», — подытоживаю я. И это правильно! Валаам — место паломничества православных христиан, святыня! Его ещё называют второй Палестиной и Новым Иерусалимом.

Антон, так зовут нашего экскурсовода, рассказывает о нём с любовью и душевным трепетом. Сначала мы идём в скиты. Их на острове одиннадцать. Мы посещаем два, а затем на небольшом теплоходе плывём в главный монастырь. Можно было бы пройти по суше, но это порядка семи километров. Честно говоря, я не пришла в восторг, когда прочла в описании маршрута, что придётся идти семь километров туда и столько же обратно! Хорошо, что организаторы тура заменили пеший пробег на теплоход. Мы плывём вокруг острова. Его скалистый, поросший лесом берег весь изрезан небольшими бухточками и каналами, уходящими вглубь. Дикая северная природа. И погода подстать ей. Серый пасмурный день, как нельзя лучше, соответствует впечатлению, которое оставляют утрюмые чёрные камни. Остров каменист и состоит в основном из габбро-диабаз. Слой земли очень мал.

Удивительно, как на нём удаётся расти деревьям. Корни некоторых буквально торчат наружу. Большая часть — хвойники. На нижних ветвях

высоких пихт вместо хвои висит нечто серое и лохматое, немного напоминающее бороду. Это лишайник. Такой растёт только в очень экологически чистых местах.

Буквально за минуту до того, как наш экскурсовод озвучивает эту информацию, я говорю Маше, что чувствуется, какой здесь необыкновенно чистый воздух. А между тем мы достигаем подворья монастыря и нашей группе предлагают послушать церковные песнопения в исполнении хора Братии. Их пение производит на меня очень сильное впечатление. Особенно бас! Мне кажется, что я никогда раньше не слышала такого красивого низкого голоса. Успеваю записать на диктофон в телефоне гимн Валааму. Пусть будет, на память. Мы идём в церковь Казанской иконы Божьей Матери Валаамского монастыря, где в это время как раз идёт служба. Здесь находится главная святыня — захоронение основателей Валаамского монастыря святых чудотворцев преподобных Сергия и Германа. Подходим преклониться и поставить свечи.

Погода окончательно портится, но нам уже нужно возвращаться на теплоход. И, как и в Кижях, дождь начинается, едва мы успеваем ступить на борт. Мы отплываем от острова и тут, как по мановению волшебной палочки, стихают и дождь и ветер.

И даже проглядывает солнышко. Тороплюсь сделать последние снимки. Слегка подсвеченный солнцем Валаам как будто улыбается нам на прощание! Ну вот и всё — теперь домой!

Утро нашего возвращения в Петербург ярко освещается солнцем. Ну, где же оно было последние два дня! Нам так его не хватало там! Но, может быть, для полноты впечатления так и было нужно, чтобы прочувствовать мрачноватую красоту природы Карелии.

Мы сходим на берег. До свидания, «Дмитрий Фурманов», спасибо, что был нашим домом!

Нонна Ильенкова
(Россия, Санкт-Петербург)

И ЧТО ТУТ СКАЖЕШЬ...

Людмила Сергеевна долго не открывала глаза, хотя сон давно уже отпустил её... Не хотелось шевелиться — так меньше ощущалась боль... Серенькое утро под дождевым пледом не сулило ничего хорошего, дождь иногда барабанил по стеклу окна, очевидно, заносимый сюда порывами ветра... Этого она не видела, а ощущала всем своим высохшим телом... И что тут скажешь — годы своё берут... 85 — попробуй проживи, сохранив разум светлым, эмоции гармоничными, живя воспоминаниями о прошлом, о близких людях, об удачах и утратах... Теперь она одна-одинёшенька, не на чьё плечо опереться, ни от кого не услышишь слов поддержки, живого совета, заинтересованности собой. Все минуло, оставив глубокий след в душе. Да разве забудешь дни, когда она была счастлива, любима, ей поклонялись, как богине, искали её внимания, как подарка, наслаждались её красотой, как терпким вином, пьянея от любви к ней. Искромётный ум, живая реакция на сказанное, эрудиция делали её персоной grata в любой компании.

Взглянув на часы, она тихо застонала — в голове шумело, что-то пульсировало с левой стороны ниже затылка.

— Господи, пора, пора вставать. Номерок к врачу на 8-45, процедурный кабинет, капельницы... 10 дней одно и то же.

Как же жить со всем этим «грузом», подчиняя себя строгому режиму. Не вольна я самой себе...

Преодолевая боль, она едва сползла с постели, нетвёрдо встав на ноги. Её качнуло:

— Как до поликлиники-то добраться, остановки две будет... Время поджимает... Да ещё непогода, как всегда... Мрак и холод, не чувствуется начала весны. Тепла бы и в душе побольше, надоела изморозь...

Такси! Расстояние небольшое, но скорее всего довезут меня. Мир не без добрых людей.

Трясущейся рукой Людмила Сергеевна набрала цифры: 3334443, ей ответили:

— Машина сейчас будет.

Не глядя, натянула кое-что тёплое на себя, обуть ноги оказалось совсем непросто: присев на табурет в прихожей, она едва справилась с непосильной задачей. Держась за стену, двинулась к выходу.

Зазвенел телефон. Требовательно. Бескомпромисно. Жестко.

— Надо сделать только три шага назад... Три шага. Кого ещё черти принесли? Покоя нет! Жить не дают!

Пока, обернувшись назад, едва не плача, она приблизилась к телефону, тот замолчал... Пронеслись секунды, ей показалось, что прошла вечность. Почти теряя представление о реальности, она стояла у столика с телефо-

ном, не зная, как и что надо делать... Как гром среди ясного неба, ударили звуки по сознанию, по памяти — зазвенел телефон.

— Алло! Кто говорит? Кто вам нужен?

— Вы Саврасова Людмила Сергеевна? Красивая белая машина ждет вас у подъезда.

— Спасибо, спасибо. Иду...

Людмила Сергеевна легко положила трубку на аппарат, как всегда. Трубка не легла на своё место, телефон продолжал гудеть...

Она попробовала еще раз — тот же результат.

— С ума я что ли сошла? Крыша поехала? — глотая крупные слёзы, шептала она, — гвоздями к телефону прибить придется, проклятую... Как же я из квартиры уйду?!

Раз десять пробовала Людмила Сергеевна утихомирить телефон — напрасный труд: трубка была не в пору аппарату...

— Будь что будет... «Бог не выдаст — свинья не съест»!

Еле перебирая ногами, она спустилась на улицу. У машины стоял мужчина средних лет, показывая ей на часы... Он застыл, увидев окаменевшее бледное лицо вышедшей особы... Что-то произошло, скорее всего. Какая-то беда!

— Простите за опоздание, — глядя ему прямо в глаза, сказала она. — Я, наверное, сошла с ума, помогите мне понять себя. Умоляю подняться ко мне в квартиру на несколько секунд. Это очень важно. Я не останусь в долгу.

Что-то дрогнуло в сердце мужчины. Он никогда еще не видел такого страдания, такой отрешенности от действительности, такой сосредоточенности на себе самой...

— Я готов. Идёмте, — поддерживая её под руку, прошептал он.

Лифт заскользил на третий этаж. Дверь легко отворилась.

Матовый свет озарил прихожую. Елена Сергеевна приблизилась к століку, телефон надсадно гудел.

— Вот, — сказала она с дрожью в голосе, — гудит, не переставая. А мне трубку никак не положить на место. Разучилась, старая...

Мужчина взял трубку, лежащую не вдоль аппарата, а поперёк, и легко водворил её на место. Телефон захлебнулся и смолк.

— Прошли страхи? — улыбнулся он. — А теперь поехали, опоздаем иначе.

Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)

ЛОРА

Лоре шестнадцать. Она на юге. Прохожие и таксисты рассматривают ее, как редкого зверька в зоопарке. Понятно почему. Лора слишком бледная, светловолосая, светлокожая, такие на юге встречаются редко.

Таксист веселый, смуглый парень всю дорогу обещает, что здесь она окрепнет, расцветет и покроется хорошим загаром. Лора улыбается. Она едет к своей подруге в маленький городок под названием Старый Крым. Она еще чувствует слабость от переезда, но южный воздух, холмистые пейзажи и обилие цветов быстро восстанавливают силы. По радио в машине поет песню София Ротару: «Лаванда-а! Горная лаванда!...» Пейзаж за окном машины удачно передает эту песню видеорядом.

Лорина подруга Надежда живет и работает в этом городке. Она старше Лоры на десять лет. Лора смотрит на двадцатилетнюю Надежду, как на опытную, мудрую женщину, уже побывавшую замужем и родившую дочку.

Рано утром Надя уходит на работу, а Лора еще долго нежится в постели, приятно осознавая, что не нужно никуда спешить, никто от тебя ничего не ждет и ты никому ничего не должна. Потрясающее чувство свободы!

В первый день ей нужно познакомиться со всеми окрестностями, пора встать, умыться и одеться. Пока она лениво рассматривала потолок, раздавался легкий стук в дверь. Лора вылезла из-под одеяла, набросив халат, приоткрыла дверь. На пороге стоял мужчина спортивного вида, из-под кепки выбивались темные кудри и улыбались хитрые карие глаза.

— Надежда дома? — поинтересовался он, быстро охватывая взглядом всю ее фигуру.

— Надя уже ушла на работу.

— Понятно, а тебя как зовут?

— Лора.

— А меня Саша. Когда увидишь Надежду скажи, что я заходил. — Он улыбнулся на прощанье и направился к выходу легкой, пружинистой походкой.

Закрыв за ним дверь, Лора задумалась. «Такое чувство, что не Надя ему была нужна, он знал, что она на работе. Он пришел специально посмотреть на меня. Наверно Надин ухажер, она говорила, что у нее любовь с каким-то женатиком».

Лора быстро умылась, оделась и вышла на улицу.

«Привет, южный городок! Надя рассказывала, что здесь когда-то жил и работал Александр Грин. Вот в его музей-квартиру я сейчас и направлюсь».

На часах было обеденное время, все живое попряталось от палящего солнца, оценить Лорину красоту было некому. Она шла по ровной, тихой улице, обсаженной рядами вишневых и абрикосовых деревьев. Редкие прохожие не обращали на нее внимания. Ей было интересно все. Она жадно

рассматривала маленькие домики, изучала разнообразие дворов, оконных проемов, заборов, занавесок на окнах и обилие цветов в клумбах и цветочных горшках.

«Наверно, счастливые люди живут в этом теплом городке?!» — думала она, — да иначе и быть не может!»

Извилистая улица поднималась в гору, петляя среди одноэтажных домиков, покрытых черепичной крышей. Лора без труда разыскала музей-квартиру Александра Грина. Это был один из этих маленьких, белых домов. Дом стоял на холме, от него открывался великолепный вид на весь городок, уходящие вдаль дороги и горные массивы, где вдалеке на горизонте угадывалось море. Лора немного устала от крутого подъема и присела отдохнуть на широкий белый парапет, обрамляющий террасу около дома.

«Надо же какое совпадение! — думала она, — я как раз перед отъездом прочитала «Бегущую по волнам», а теперь могу познакомиться с жизнью этого замечательного писателя, — Лора вздохнула, подставила лицо палящему солнцу, — удивительную, таинственную женщину Грин описал в своем романе, ее красота вдохновляла мужчин на подвиги, ее любили, ей поклонялись!» Она открыла глаза и огляделась, посетителей в музее было мало, у входа толкалась необъятная мамаша с двумя детьми, мимо Лоры прошла в обнимку влюбленная парочка. Она проводила их изучающим взглядом.

«Счастливики! Девуца — так себе! А парнишка ничего! Везет же кому-то, у них любовь, семья, жизнь наполнена смыслом. А я сижу здесь на юге, под синим небом, на белом парапете под жарким солнцем и совсем одна! Ну чем я не красивая, не таинственная, не бегущая?! — она поглядела на свои уже успевшие подзолотиться коленки, — почему так устроена жизнь? Время уходит! Почему сейчас рядом со мной нет мужчины, который бы любил меня и восхищался мной? Сейчас! Когда я полна здоровья, сил, женского очарования! А рядом никого, кто бы все это оценил. Где справедливость?!»

Посетив музей, Лора отправилась на работу к подруге Наде. Надя работала бухгалтером на каком-то строительном предприятии. По дороге она зашла в кондитерскую купить чего-нибудь сладенького. Ее выбор остановился на большом белом пирожном из взбитого крема на песочном корже. Дорогой она с наслаждением откусывала от него по кусочку пока совсем ничего не осталось. Ее путь лежал мимо большого галантерейного магазина, в который она тоже захотела зайти. Там она приобрела себе очаровательные сережки, выполненные в виде небольших капелек жемчуга (конечно искусственного, не подумайте, что она богатая наследница).

Найдя нужный дом, она остановилась у ворот в нерешительности. В здании было несколько дверей. Подробно расспросить Надю о ее работе она забыла. Как теперь ее найти? И спросить некого, выжженный солнцем двор казался необитаемым. Вдруг она услышала отдаленный звук электропилы.

«Пойду туда, — решила она, — может быть, там скажут, где найти Надежду?»

Зайдя в просторную мастерскую, она увидела двух парней, обрабатывающих большие листы фанеры на станке. Парни ее заметили и застыли, как парализованные.

«Да, на мне короткая юбка, да, у меня кошачьи глаза, да, моя выгоревшая на солнце челка закрывает пол лица, но я же не кусаюсь! Почему они боятся даже посмотреть на меня? Хотя нет, они смотрят осторожно и о чем-то перешептываются».

— Здравствуйте! Вы не подскажите, как мне найти Надю? — обратилась она к парням.

Они переглянулись.

— На втором этаже в бухгалтерии, — отважился сказать один из них.

Лора побежала вверх по ступенькам.

Свежая, покрасневшая Надя пила чай за своим столом. Она радостно встретила подругу и пригласила ее присоединиться. За чаем Лора рассказала, что заходил Саша. Надя немного смутилась. С блеском в глазах она объяснила, что Саша ее близкий друг. «Ну, ты понимаешь...» — застенчиво добавила она.

Лора опустила глаза.

— Чем думаешь сегодня заняться? — переменяла тему разговора Надя.

— Мечтаю добраться до моря!

— Отлично! Ты можешь поехать туда автобусом прямо сейчас, а мы с Шуриком подъедем позже. Встретимся на пляже!

Лора пошла на автобусную остановку.

От радостного возбуждения, что вот-вот скоро она увидит море, окунется в его ласкающие волны, ей казалось, что она не идет, а парит над землей. Весь мир вокруг дышал любовью и счастьем. Послышались звуки приближающейся машины, она повернула голову. Рядом резко остановился микроавтобус, из кабины выглянуло добродушное лицо молодого парня.

— Давай подвезу, красавица! — бодро выкрикнул он.

Лора внимательно осмотрела парня: маленький, юркий, разговорчивый, но нет — это не герой ее романа.

— Спасибо, не надо! — она отвернулась и пошла своей дорогой.

Парень не отставал. Он продолжал ехать рядом на маленькой скорости. Его голос стал умоляющим.

— Подожди, не отвечай так сразу, может, я тебе понравлюсь, давай познакомимся! — Он представился.

Лора решила не сдаваться, с невозмутимым видом она продолжала идти вперед. Только вся эта ситуация ей показалась забавной и она невольно улыбнулась. Парень ухватился за эту улыбку, как за соломинку.

— Ты меня не бойся! Я хороший! Подвезу тебя, куда скажешь.

— Мама не разрешает мне знакомиться с посторонними на улице.

— Так давай познакомимся и не будем посторонними!

«Вот клещ, — подумала Лора, — на все вопросы у него есть ответы, как от него отвязаться не знаю, грубить тоже не хочется, вроде бы добрый парень».

— Если я к тебе сяду, ты меня куда-нибудь завезешь, и приставать будешь?

Парень оживился.

— Что ты, что ты. Я не такой. Только если сама захочешь.

— Еще чего!

Парень продолжал ехать рядом. Лору раздирали сомнения.
«Может и правда сесть к нему, доеду до моря. А там как-нибудь отделаюсь».

— Ладно, довези меня до моря! — она легко запрыгнула в автобус.

Парень обрадовался и резко надавил на газ. Автобус рванул вперед, оставляя за собой клубы белой пыли. Лора едва удерживалась на первом сиденье, вокруг грохотало железо, свистел ветер, ее качало из стороны в сторону. Перекрикивая рев мотора и стук железа, парень задавал вопросы.

Лора кричала в ответ. Через пятнадцать минут бешеной езды горизонт расширился — это было море! Автобус резко затормозил рядом с пляжем. Лора выпрыгнула из машины.

— Спасибо, что подбросил. Пока! — она махнула ему рукой.

— Может, все-таки встретимся вечером, погуляем? А то мне сейчас на работу надо, — продолжал упрашивать парень.

— Уже сказала, что не могу. Я здесь с мамой отдыхаю, а она строгая.

— Эх! Красавица! — он пришпорил своего железного коня и умчался в сторону гор.

«Море! Море! Море! Вот так сбываются мечты!» — Лора вдохнула его аромат полной грудью.

Она шагала вдоль широкого, каменного парапета, отделяющего пляж от дороги. Мимо сновали пешеходы и проезжали машины. Краем глаза Лора заметила, что одна из машин притормозила, подстраивая свою скорость под ее шаги. Лора повернула голову. Из машины выглядывали головы и руки молодых джигитов.

— Дэвушка! Дэвушка! Красавица! Как тэбя зовут? Давай знакомиться?!

«Еще одни! Хоть паранджу одевай! — Лора улыбнулась, — конечно, приятно, когда тебе уделяют столько внимания, но это уже надоедает». — Она отвернулась, показывая всем видом, что не собирается вступать в разговор и знакомиться. Джигиты, как могли, выразили сожаление и укатили своей дорогой.

Лора зашла на пляж, разделась до купальника и побежала в воду. Ее фигура притянула множество любопытных взоров. Белая кожа, белый купальник, светлые волосы — она была похожа на фарфоровую статуэтку. Это было необычное зрелище. Мужчины не могли скрыть восторга, а женщины брезгливо кривили губы. Лора старалась не обращать ни на кого внимания, она наслаждалась морем, свободой и ничегонеделаньем.

Вдоволь наплававшись, она растянулась на горячем песке, легла на живот, расслабленно прикрыла глаза. Через некоторое время она почувствовала совсем рядом чьи-то шаги, приоткрыв глаз, она увидела, как рядом с ней грохнулось на песок мокрое, сильное, загорелое тело мужчины. Она его узнала. Это был Саша. Он поздоровался и сказал, что Надя придет немного позднее. Они договорились, что сегодня устроят на пляже пикник в честь ее приезда и переночуют здесь на пляже в палатке. Лора согласилась, что это будет здорово. Разговаривая с ней, Саша почему-то старался на нее не смотреть или смотрел, но как-то быстро и вскользь, больше старался изучать взглядом горизонт. Лору это озадачило.

«Странный мужик! — подумала она, — неужели я ему совсем не нравлюсь? Сколько в нем холодности, равнодушия. Другой бы начал заигрывать, старался бы прикоснуться, а этот — нет, лежит, молчит и смотрит на море». — Ее женская гордость была задета. Она стала осторожно его изучать. И всякий раз, когда она заговаривала с ним и пыталась заглянуть ему в глаза, он тут же уводил их на море.

«Все ясно! — сделала вывод Лора, — я просто не в его вкусе. Ему нравятся такие женщины как Надежда с пышной грудью и крутыми бедрами. Надя яркая, говорливая хохотушка, а я совсем другая... ну и ладно, он мне тоже не очень нравится, какой-то скользкий тип!»

Вскоре подошла Надежда, а с ней еще несколько человек ее приятелей и подруг. До вечера шумная компания развлекалась играми в мяч, бадминтон, летающую тарелку. К вечеру развели костер и поставили палатки. Лора почувствовала себя одиноко, у всех были пары, только она одна. Да еще придется спать в одной палатке с влюбленными голубками, в этом тоже мало удовольствия. Но деваться некуда. Она прижалась к стенке палатки, пытаясь заснуть. Рядом лежала Надя, за ней Саша. Под утро Лора проснулась от того, что парочка стала возиться и целоваться.

«Я так и знала, что спокойно с ними не поспишь! Что мне, бедной, делать! Теперь уже все равно не усну, пойду, посижу на берегу». — Лора выбралась из палатки.

Пляж был пустым и тихим. Лора села на песок, любуясь видом спящего моря. На горизонте уже стал приоткрываться большой, сонный глаз цвета фламинго. Море просыпалось, нежно бормоча переливами волн. В эти минуты Лора поняла, что она сама похожа на этот рассвет и все лучшее для нее еще впереди.

Бах Ахмедов
(Узбекистан, г. Ташкент)

ТЕОРЕМА

*Логическая полнота или неполнота
любой системы аксиом не может быть
доказана в рамках этой системы.
Для ее доказательства или опровержения
требуются дополнительные аксиомы.*
Вторая теорема Геделя

1.

Несколько дней назад мне нужно было отвезти машину на ремонт в авто-сервис на Юнусабаде. Поскольку время близилось к вечеру, я оставил мастеру с красивым именем Рафаэль свою многострадальную «Тигу» до завтрашнего дня и решил немного прогуляться пешком, прежде чем сесть в автобус. Когда я проходил мимо какой-то дешевой забегаловки, меня окликнул по имени пожилой мужчина, сидевший на улице за одним из грязно-белых пластиковых столиков. Я остановился, посмотрел на него, но мятое, с многодневной щетиной лицо было мне незнакомо. Правда, глаза, умные и живые, явно противоречившие всему остальному его облику, кого-то смутно напоминали. На столике перед ним стояла почти пустая кружка с пивом, а на тарелке лежала темно-желтая сморщенная копченая рыба, один вид которой мог отбить любой аппетит.

— Не узнаешь? — спросил он чуть насмешливо. — Да ладно, Баха, расслабься, я не ждал, что узнаешь. А вот ты все такой же, не меняешься.

И тут меня вдруг осенило:

— Руслан, ты что ли?

Возможно, этому узнаванию помогло и то, что он назвал меня Бахой, а не Бахом, то есть так, как меня звали только в школе.

Вместо ответа он приподнялся и театрально поклонился.

— Присядешь? Или ты спешишь?

— Да нет, как раз сегодня могу присесть, — ответил я.

— Выпьешь пивка со мной?

— Можно. Ты, наверное, уже давно сидишь тут?.

— Давно или недавно — это все пустые слова с точки зрения формальной логики. Относительно чего давно и относительно чего недавно?

— Вот теперь я тебя узнаю!. Говоришь, как настоящий математик.

Руслан посмотрел на меня молча, но что-то тревожное было в его взгляде.

— Садись уже, — сказал он.

Не успел я присесть, как нарисовалась молоденькая официантка с блокнотиком в руке. Я заказал себе кружку пива и соленые орешки. «Это все?» — девушка медленно удалилась на кухню, и даже в походке ее читалось разочарование моим скромным заказом. Между тем, у нас Русланом начался обычный треп, который бывает между однокашниками, не видевшими друг

друга много лет (а мы с ним не виделись лет двадцать минимум). Сначала стандартный набор вопросов: как поживаешь, чем занимаешься, женат, не женат, дети... Впрочем, Руслан был, как всегда, крайне лаконичен в рассказе о себе.

— Да что рассказывать, — нехотя пожал он плечами, — жив, как видишь. Семьи нет, развелся. Сын живет в Канаде. Лучше ты о себе расскажи... Недавно твои стихи видел в газете. Значит, не бросил писать?

Затем мы плавно перешли к общим воспоминаниям. Учителя, уроки, одноклассники. Я заказал вторую кружку пива и, — голод все-таки взял свое, — несколько палочек шашлыка: себе и Руслану. Хотя он для приличия немного сопротивлялся, я видел, что ему приятно, что я решил угостить его. Уже давно стемнело, город медленно остывал после дневного июльского зноя.

— А ты помнишь Анатолия Наумовича? — спросил он меня, когда воспрявшая духом официантка принесла нам очередные запотевшие кружки с пивом, шашлык, сюзьму и пару лепешек.

— Историка, которого мы выжили? Помню, конечно. Такого колоритного персонажа забыть трудно.

Руслан грустно усмехнулся:

— Да уж, это ты точно подметил: колоритный был дядька... Извини, мне надо отойти, скоро вернусь.

Руслан встал и нетвердой походкой пошел искать туалет, а я погрузился в воспоминания...

2.

Вся эта история началась с того, что в самом начале учебного года Лидия Сергеевна, наша историчка, ушла в бессрочный отпуск по болезни. Никто не знал, как скоро она вернется и вернется ли вообще. Чтобы как-то выйти из положения, школа пригласила на время учителя со стороны.

И вот, в один из последних понедельников сентября 1982 года новый учитель истории появился в нашем 8-А классе, одновременно со звонком на урок. Это был высокий полноватый мужчина лет пятидесяти или старше, с большими, навывкате, глазами, и с первых же секунд его появления в классе мы почувствовали какое-то напряжение. Звали его Анатолием Наумовичем, и каждый свой урок он начинал с переключки. Тяжело опускался на стул, который под ним жалобно скрипел, неторопливо открывал журнал и своим хорошо поставленным голосом называл наши фамилии. Обычно на переключку уходило одна-две минуты. Мы особо не возражали — меньше времени на урок. Затем мы приступали к повтору пройденного материала, и Анатолий Наумович вызывал кого-нибудь к доске. Причем выбор жертвы делался на основе какой-то одному ему понятной системы.

После ответа домашнего задания историк переходил к новой теме. И вот здесь начиналось самое интересное. Рассказывал он блестяще, но почему-то каждый раз у нас возникало ощущение, что мы слушаем не человека, а прекрасно отлаженную и хорошо смазанную машину. Нет, он не говорил как робот. Напротив, он очень грамотно и точно интонировал свою речь, он отлично знал, где и какие нужно сделать ударения и как правильно

расставить акценты, но именно поэтому от его рассказов веяло чем-то механическим, нечеловеческим, или, быть может, скорее чем-то сверхчеловеческим. Да, пожалуй, это было бы более точным сравнением, потому что к предмету своему Анатолий Наумович относился как к некоему божеству, суровому, но справедливому. И божество это жаждало каждодневных жертв в нашем лице.

Рассказывая тему, он мог говорить без остановки почти весь урок, взгляд его устремлялся куда-то в туманную даль, и у нас возникало чувство, что он провидит им то, о чем рассказывает. Так зрячий мог бы рассказывать слепым какой-нибудь фильм. Но было что-то безжалостное и подавляющее в этом любующемся собой артистизме, и своим детским чутьем мы почувствовали это чуть ли не с первого урока.

Вообще, сейчас, задним числом вспоминая все те события, я удивляюсь и не могу понять, каким ветром занесло Анатолия Наумовича в учителя? Несмотря на его огромную эрудицию и умение увлекательно преподнести материал, у него начисто отсутствовали элементарные педагогические способности. Как и в любой школе, учителя у нас были разные: кого-то мы любили больше, кого-то — меньше, но все они были своими, а некоторые — просто родными. Можно было сердиться на них или обижаться на какую-нибудь мелкую несправедливость, но это все было внутри-классные, почти семейные отношения. Поругались — помирились. Анатолий Наумович за те неполные два месяца, что он успел провести с нами, своим так и не стал. И боюсь, у него не было никаких шансов на это. Расстояние между педагогом и учениками, которое с легкостью может преодолеть любой учитель, если он более или менее профессионал, для него было пропастью непреодолимой. У него были сложные отношения с юмором, и он не умел свести к шутке потенциально конфликтные ситуации, начинал вскипать, объяснять важность хорошего знания истории (кто бы спорил?) и необходимость дисциплины, произносил страстные монологи, размахивая своими короткими смешными руками и обводя выпученными глазами класс. Потом вдруг как-то резко снижал, садился и замолкал, словно понимал, что тратит впустую свою энергию и что нас все равно не примут его речи в формате: «Любите ли вы историю так, как люблю ее я?»

От нас он требовал стопроцентной сосредоточенности на новом материале, который он рассказывал, и остро реагировал на малейшие, вполне, казалось бы, невинные отвлечения в сторону. Однажды, во время рассказа о первом крестовом походе, Димон Краплин, наш главный «хулиган в законе» и провокатор, стал играть линейкой, не демонстративно, а как-то задумчиво-отстраненно. Анатолий Наумович увидел это, прервал свой монолог, мгновенно вернулся из далекого прошлого в близкое настоящее и подошел к Димону. Далее последовала совершенно диккенсовская сцена с резким отниманием линейки и битьем ею по пальцам провинившегося оболтуса. Впрочем, как рассказывал потом Димон, ударил его историк не очень больно, скорее для острастки.

В другой раз, Сурик Данильянц, наш лучший футболист и, по совместительству, лучший же троечник среди других троечников, стал вполголоса переговариваться со своей соседкой Гулей. В скобках замечу, что в Гулю,

первую красавицу и умницу класса, была влюблена половина наших мальчишек, но повезло только обаятельному и харизматичному Сурику. Видимо, он надеялся, что до предпоследней парты слух и взгляд историка не дотянется. Но не тут-то было! Анатолий Наумович отправлял в прошлые века только часть себя. Другая часть всегда бдительно присутствовала в классе и внимательнейшим образом отслеживала любые уклонистские тенденции. И вот, эта бдительная часть остановила взмахом руки ту часть, которая была в прошлом, подошла к влюбленной парочке и нависла над ней грозовой тучей. Класс замер в ожидании грома и молнии, но их не последовало. Вместо этого Анатолий Наумович ледяным голосом попросил Гулю встать и повторить то, о чем он говорил последние пять минут — прием классический, известный. Гуля покраснела до корней волос и начала лепетать что-то беспомощное. Причем, голос ее звучал все тише и тише, пока не затих совсем, словно кто-то медленно убавлял его громкость. Анатолий Наумович покачал головой, ничего не сказал, но столько молчаливого упрека было в его страшных глазах, столько порицания, что Гуля буквально съехала в комочек, мечтая только о том, чтобы поскорее закончилась эта экзекуция. Сурена он почему-то не тронул, видимо, посчитав, что наказание любимой девушки по его вине будет для него более страшной и действенной мерой.

Думаю, излишне говорить о том, что мы сразу невзлюбили Анатолия Наумовича. Невзлюбили активно, а некоторые — даже агрессивно. Особенно сильно мы потешались над его пристрастием к цитированию классиков марксизма-ленинизма. Память у Анатолия Наумовича была такая, что ей могла бы позавидовать самая крутая на то время ЭВМ, если бы, конечно, умела завидовать. Он не просто обильно и не всегда к месту цитировал труды Ленина, Маркса и Энгельса, он сразу же, после завершения цитаты, называл номер тома в соответствующем собрании сочинений и страницу, откуда была взята очередная бессмертная мысль. Сначала это вызывало у нас ироничные улыбки, позже — стало раздражать и даже бесить. Никаких лирических отступлений на отвлеченные темы он не допускал, а если кто-то провоцировал его на это («Анатолий Наумович, а вы любите футбол?»), отвечал сухо и кратко, давая понять самым тоном ответа, что этот вопрос к делу не относится, а посему нет смысла терять на него драгоценное время. Он словно специально, сознательно день за днем выстраивал стену между собой и нами. Требования к выполнению домашних заданий у него были самые суровые, и уже через две недели общая успеваемость по истории в нашем классе поползла вниз. Даже трое наших непотопляемых отличников, — Карина, Шухрат и Лена, — оказались под вопросом.

Конечно, ответная реакция класса не заставила себя ждать, и третий закон Ньютона сработал безупречно. В классе зародилось движение «сопротивления». Нет, листовки по школе мы не расклеивали и подпольную работу не вели, но фронда образовалась быстро, и составила ее наиболее активная группа в лице все того же Димона (которого, кстати, за глаза иногда называли демоном), а также Алиша, Сурена и еще нескольких революционно настроенных ребят. Было решено готовить свержение «тирана», и началась травля. Тихая, но упорная. Нет смысла рассказывать вам, как

ученики умеют травить ненавистного учителя: каждый, кто учился в школе, сталкивался с этим хотя бы однажды в той или иной форме.

Сначала в ход пошли классические приемы, как-то: подкладывание кнопок на стул, или дохлого таракана — на учительский стол, или написание на доске издевательских надписей, балансирующих на грани фола («Попасть в историю, и умереть!»). Однако, Анатолий Наумович оказался крепким орешком, и его голыми руками было не взять. Он с философским спокойствием убирал кнопки со стула, хладнокровно смахивал высохший сморщенный трупик таракана на пол и медленно стирал с доски наши гениальные подколы, даже не читая их. А нам, как авторам, было ужасно обидно, что он так вызывающе-демонстративно игнорировал наши лингвистические способности.

Убедившись, что проверенные методы борьбы с учительской тиранией результата не дают, активисты-подпольщики нашего класса решили, что необходимо начать бойкотировать историю, как предмет. После небольшого совещания оргкомитета по свержению Анатолия Наумовича было принято устное постановление о том, что отныне весь класс прекращает делать домашку по истории, а все не подчинившиеся этому требованию будут считаться штрейкбрехерами и предателями, и подлежат еще более суровому бойкоту. Наши отличники попытались было слабо возразить и сказать, что это не метод, но их быстро осадили бессмертной фразой классика: «Кто не с нами, тот против нас!» Отличники сразу как-то сникли и с кислыми физиономиями отошли в сторону. Никто не хотел выглядеть трусом, которого заботит только собственное благополучие и хорошие оценки в журнале. Справедливая борьба за свободу превыше всего!

Через некоторое время после начала бойкота Анатолий Наумович начал, наконец, понимать, что так дальше продолжаться не может. Тем более, что резкое снижение оценок по истории у всего класса не могло пройти незамеченным. Вопрос был вынесен на педсовет, а после него историк имел неприятный разговор с директриссой.

Наши отличники оказались в сложном положении. С одной стороны, им не хотелось портить свою успеваемость, но с другой стороны, они очень не хотели отделяться от основной массы и плыть против общего течения. Больше всего они боялись, чтобы про них не подумали, что они ради карьеры готовы на лизоблюдство и прочие не очень хорошие вещи. Поэтому им пришлось выбрать средний вариант и «скатиться» на четверки или даже на тройки. Это была как бы жертва с их стороны, невинный компромис и жест благородства. Они словно хотели сказать нам: «Мы с вами, друзья, но поймите и вы нас, мы не можем сразу перейти на двойки, это будет слишком радикально с нашей стороны, и слишком ненатурально».

Впрочем, долго им мучиться не пришлось. Однажды настал, наконец, решающий день, когда конфликт достиг своей кульминации и надо было что-то решать, причем обеим сторонам: и классу, и Анатолию Наумовичу.

В тот день урок истории был по расписанию первым. Начался он, как обычно, с переключки. Когда очередь дошла до Димона, он нарочито громко ответил: «Здесь!» и чуть потише добавил: «К сожалению...» Однако, слух у Анатолия Наумовича был, как уже я уже говорил, отменный. Он все услы-

шал, и, видимо, это «к сожалению» и стало той последней каплей, которая привела к развязке. Он прервал переключку, отодвинул журнал в сторону и обвел нас тяжелым, пронизывающим взглядом. Мы опустили глаза, хотя не могу ручаться за всех, так как сидел на одной из первых парт и не видел остальных. В классе повисло молчание, не менее тяжелое, чем его взгляд, которое просто придавило нас к партам, как свинцовая плита.

Мы вдруг услышали, как в коридоре шумно пронесся один из опоздавших учеников параллельного класса.

— Вот что, друзья мои, — медленно произнес Анатолий Наумович, — мне надоели ваши игры. Давайте уже определимся, хотите вы, чтобы я преподавал у вас или нет? Скажите мне прямо, я не обижусь. Зачем нам трепать друг другу нервы?

Молчание.

— Хорошо, даю вам время подумать до конца урока, а пока о столетней войне нам расскажет... — его толстый указательный палец медленно передвигался сверху вниз, — ...расскажет Ольга Серикова.

Если бы кто-то со стороны зашел бы к нам в тот день, он бы, наверное, ничего не заметил: урок как урок, ничего особенного. И только мы чувствовали то невероятное напряжение, которое повисло в классе. Оля, наша давно затвердевшая хорошистка, любительница помечтать, меланхолично отвечала домашнее задание, а мы переглядывались, перешептывались и выразительно жестикулировали. Димон со своей командой верных ему вассалов сидел на задних партах, и я видел, как они писали что-то на вырванном из тетрадки листочке. Затем этот листочек был сложен несколько раз и пущен по рядам вперед. Это была записка Анатолию Наумовичу, а точнее, ответ на его вопрос. На первой парте сидел Руслан. Через минуту записка дошла до него, и я увидел, как он потихоньку развернул ее под партой и прочитал. Подразумевалось, что он положит ее на учительский стол, как сидящий ближе всех к этому столу. Класс напряженно замер в ожидании развязки. Анатолий Наумович между тем, вернув Олю на место, приступил к новой теме. Казалось, он ничего не замечал, или делал вид, что не замечает. А мы напряженно смотрели на Руслана, ожидая развязки. Но ее не последовало, потому что он задумчиво повертел записку в руках, а потом спрятал ее под парту и разорвал там на клочки. Увидев это, Димон со злостью повертел пальцем у виска, и вырвал из тетрадки еще один листок.

Через несколько минут вторая версия послания была пущена по рядам. И снова конечным пунктом ее передачи оказался Руслан. На этот раз он даже не раздумывал, и копию записки постигла та же участь, что и оригинал. Те из нас, кто все это видел, но не знал содержания записок, были в смятении. Неужели в них было что-то настолько страшное, что Руслан решил их уничтожить?

Уже гораздо позже мы узнали от него, что обе версии практически не отличались друга от друга. «Мы вас не хотим, уходите!» — говорилось в обеих записках, с той лишь разницей, что во второй версии «не хотим!» было подчеркнуто двойной линией.

Прошло еще минут пять, урок плавно двигался к звонку. На задних партах шло бурное тихое совещание. Разумеется, Анатолий Наумович все

видел и слышал, но делал вид, что ничего не замечает, видимо, понимая пикантность ситуации и благородно давая возможность ученикам принять непростое решение. Передачу двух записок и их исчезновение под партой Руслана он тоже намеренно «не заметил». Все шло, как обычно. Историк сыпал цитатами и его зычный, хорошо поставленный голос, полностью заполнял небольшое пространство класса. «Как писал Фридрих Энгельс в своей программной работе «Анти-дюринг», классовое сознание стало зарождаться только с появлением первых признаков капиталистических отношений». Далее последовала пространная цитата из названной работы, а затем, как обычно, номер тома и страницы.

Наконец, минут за десять до конца урока, Сурик, сидевший в последнем ряду, поднялся, быстро подошел к столу Анатолия Наумовича, положил сложенный вчетверо листок бумаги, и так же быстро вернулся назад. На этот раз наш учитель все увидел и заметил, а Руслан был бессилен что-либо сделать: не забирать же записку у него из-под носа. Анатолий Наумович остановился, посмотрел на записку, спокойно закончил тему, и только после этого взял листок в руки. Он развернул записку и прочитал послание. Повисла долгая пауза, все замерли. Анатолий Наумович молча положил записку в карман пиджака и посмотрел на нас таким взглядом, что нам стало не по себе. Нет, это были не злость или разочарование, или что-то еще. В этом взгляде мы вдруг увидели боль человека, который вдруг понял, как дорого ему придется платить за свои иллюзии. В первый раз за все время нам стало его по-человечески жалко.

Не произнеся ни слова, он медленно вышел из класса и закрыл за собой дверь. И сразу все зашумели, вскочили с мест, начали что-то бурно обсуждать, читать записку. Не буду рассказывать подробно о том, что случилось дальше, потому что было много чего, но это уже не так интересно. Разразился страшный, на всю школу, скандал. В тот же день, на большой перемене, весь класс вызвали в учительскую, где в присутствии учителей и директрисы был учинен допрос с пристрастием: кто писал записку, кто был инициатором импичмента, и так далее, и тому подобное. Мы держались стойко, и никто не выдал зачинщиков в лице Димона и Сурика. Тогда директриса пошла по другому пути и стала подходить к каждому ученику и задавать один и тот же вопрос: «Ты лично «за» или «против» Анатолия Наумовича?» И удивительным образом оказалось, что все, как один, были исключительно «за». Сам Анатолий Наумович при этом дознании не присутствовал, он ушел домой, сославшись на плохое самочувствие.

На следующий день мы узнали, что он попал в больницу с инфарктом. «Доигрались! — сказала нам Роза Марковна, завуч, которая вела у нас английский язык. — Довели человека...»

Все чувствовали себя неловко, странно и потерянно. И только Димон делал вид, что все прошло отлично, и что мы совершили благое дело, избавив школу от «страшного человека».

Что касается Руслана, который безуспешно попытался повернуть необратимый процесс вспять, то он отделался легким выговором со стороны Димоновской мафии. Сначала Димон решил его проучить классическим способом за его отступничество. То есть, устроить «темную» и как следует

отдубасить. Но проблема заключалась в том, что Руслан был первым математиком и физиком в нашем классе, и все задачи щелкал с такой легкостью, словно это были не сложнейшие построения по стереометрии или замудренные физические головоломки, а примеры на таблицу умножения. Разумеется, половина класса списывала у него домашку. А вторая половина списывала затем у первой. Руслан постоянно участвовал в математических олимпиадах и почти всегда занимал призовые места. При этом, отличником он не был, потому что ко всем гуманитарным предметам испытывал полное безразличие. Сочинения он писал с какими-то невероятными ошибками, и всегда очень кратко, на одну страничку, а английский язык знал на уровне «Май нейм из Руслан». Но в математике ему действительно не было равных, и никто в классе не сомневался, что из него получится большой ученый, второй Колмогоров или Эйлер, или какой-нибудь там Пуанкаре. Таким образом, сильно портить отношения с Русланом классу было невыгодно, и в первую очередь, невыгодно это было Димону и его клике — у кого бы они тогда стали списывать решения сложных задач и уравнений, которые были для них страшнее китайской грамоты. Но с другой стороны, проучить отступника все-таки было необходимо, чтобы другие поняли, что нельзя быть индивидуалистом в коллективе, и что надо подчиняться законам общественного развития, какими бы жестокими они порой не были. Правда, глядя на Руслана, создавалось ощущение, что все эти морально-этические проблемы были для него далеки, как планета Нептун, которую он почему-то очень любил. Как все гении, он жил в своем удаленном мире, и понимал многие вещи уникальным и ни на что не похожим образом. Он просто всегда делал то, что казалось ему в тот момент правильным, хотя, разумеется, никто не мог с уверенностью сказать, что происходило у него в тот момент внутри. Сейчас его бы назвали «ботаном», но я не уверен, что тогда было в ходу это слово.

И вот, на другой день после истории с записками и скандала, после уроков, за углом школы, Руслана поджидала небольшая компания во главе с Димоном. Руслан догадывался, что его ждет что-то подобное, но почему-то отнесся к этому с философским спокойствием. Он подошел к своим экзекторам, даже не пытаясь повернуть в другую сторону или убежать.

— Ну что будем делать, Руслик? — спросил Димон после долгой мхатовской паузы.

— В каком смысле? — спросил Руслан.

— Ты какого хрена записки наши порвал? Тебя кто просил?

— Да так, захотелось просто...

— Захотелось?! Типа, пожалел изверга?

— Он не изверг.

— Ах он уже не изверг!.. Ну-ну... А ты знаешь, что за такие поступки дают в морду?

Руслан молчал, обдумывая ответ.

— Чего молчишь? Скажи что-нибудь, — произнес стоявший рядом с Димоном Сурик.

— Я стараюсь не говорить бессмысленных слов.

— Блин, да он прикалывается над нами что ли? — вскипел Димон.

— Да ладно, Димочка, успокойся, — сказала Гуля с наигранной важностью, и взяла Димона под руку, — он все понял, и это послужит ему уроком. Да же, Руслик?

Приличия ради было отпущено еще несколько грозных реплик, и под конец Димон хлопнул Руслана по плечу с такой силой, что это было больше похоже на удар. Но на этом дело и кончилось, и на следующий день, как ни в чем не бывало Димон с Суреном лихорадочно переписывали решения тригонометрических уравнений из руслановской тетрадки.

Я не присутствовал при этой сцене «воспитания» отступника, но вечером мне рассказала ее во всех подробностях Гуля, которой я позвонил, чтобы уточнить домашнее задание.

3.

— Давно я так хорошо не сидел, — сказал Руслан, когда вернулся. — О чем задумался?

— Да, так вспоминал историю с Анатолием Наумовичем.

— Ты больше ничего не слышал о нем после школы?

— Нет, к сожалению. Правда, лет десять назад Оля Серикова, — мы случайно в аэропорту встретились, — рассказывала, что видела его однажды на бульваре, и что он ее с трудом узнал.

— Вполне возможно. В начале двухтысячных были какие-то неясные слухи о том, что он то ли бомжует, то ли сидит в психушке, но точно никто ничего сказать не мог.

— Ничего себе, поворот...

Руслан отодвинул кружку с недопитым пивом:

— Не лезет больше. Может, допьешь?

— Нет, я тоже пас, спасибо. Наверное, если он еще жив, ему уже хорошо за восемьдесят...

Мы помолчали, думая каждый о своем.

— А все-таки, почему ты тогда порвал эти две записки? Жалко что ли его стало? — спросил я.

— Да как тебе сказать... Дело было даже не в жалости, просто мне в тот момент показалось, что эти дурацкие записки — это неправильное решение задачи. Я ведь тогда ко всему прилагал математические модели.

— А было ли правильное решение в той ситуации?

— Не знаю. Думаю, что не было.

— И потом, ты же вроде согласился с большинством в том, что Анатолия Наумовича надо выжить.

— Согласился, потому что у меня не было других предложений. Лично я против него ничего не имел. И когда нас допрашивали в учительской, я, как и все, ответил, что не против, но, в отличие от других, я сказал правду.

— Сейчас, задним числом, мне кажется, что кроме Димона и еще нескольких человек никто не был так уж категорически против Анатолия Наумовича. Но каким-то образом этой небольшой кучке удалось устроить смуту на весь класс.

Руслан вытащил сигарету из мятой пачки и закурил.

— Смуту... А знаешь, что удивительно? Человек, который был просто олицетворением железного порядка и дисциплины, — все эти даты, цитаты, цифры, — резко увеличил энтропию в нашем классе и фактически привел к расколу и хаосу.

— Угостишь сигареткой? — спросил я.

— Ты же вроде не курил.

— Иногда балуюсь. Скажу тебе честно, я восхищаюсь твоим поступком.

Руслан протянул мне пачку, и я достал одну из последних сигарет.

— Да брось ты, чем там восхищаться? — пожал он плечами. — Самое смешное, у меня до сих пор нет уверенности, что я поступил тогда правильно, порвав эти записки. Хотя с другой стороны, я часто вспоминаю тот момент. И не то, чтобы горжусь собой, нет. Это все глупости. Просто у любого человека есть в жизни эпизоды или минуты, когда он бывает настоящим. То есть, самим собой, без притянутых дробных чисел и без остатков, понимаешь? И в моей жизни тот случай был из этого ряда. Может, поэтому он и стал для меня какой-то точкой отсчета что ли. Или системой координат...

Он замолчал и задумался, словно погружаясь в воспоминания о школе. Мне хотелось задать ему несколько вопросов, но я боялся поставить его в неловкое положение. Как и чем он живет? Бросил ли математику или продолжает заниматься наукой? По его внешнему виду трудно было сказать что-то определенное. Он не выглядел совсем спившимся, но явно выглядел как человек, уже прошедший по этой дороге некоторое расстояние. Пока я думал, как по деликатнее спросить у Руслана о работе, он сам пришел мне на помощь.

— Тебе, наверное, пора?. Завтра рабочий день.

— Да ладно, еще не так поздно. Ты все-таки ничего о себе не рассказал. Работаете?

— Я работаю дома, свободный художник.

— Художник или все-таки математик?

Руслан грустно усмехнулся, и потушил сигарету.

— Ты ведь не это хотел спросить, правда? Ладно, не парься, я тебе расскажу. Давай только счет попросим у девушки, а то она, бедная, вся извелась уже.

Когда официантка принесла серую страшную бумажку с написанным на ней корявым почерком счетом, я сказал Руслану, что хочу угостить его в честь встречи.

— Если ты думаешь, что я буду возражать, то ошибаешься, — сказал он.

— Да я бы в любом случае тебя слушать не стал.

Пока я доставал карточку, он снова закурил.

— Я уже давно не работаю, Баха.. Ну то есть, не числюсь нигде. Сажу дома, пытаюсь доказать одну теорему.

— Надеюсь, это не теорема Ферма?

— Нет. С ней покончено. Она меня чуть с ума не свела... Зря улыбаешься, я действительно был на грани. Еле успел остановиться.

— Я тебе верю. А живешь на что?

— У меня есть ученики. Да мне много и не надо.

— Понимаю... Насколько я помню, ты успел защититься, и в институте у тебя дела шли неплохо?

— Я даже успел на несколько конференций съездить и успешно там выступить. Не говоря уже о десятках публикаций.

— Тогда почему...?

— Что почему? Почему все бросил?

— Прости, если не хочешь говорить на эту тему, то не надо...

— Да Бога ради, чего тут хотеть или не хотеть. Детский сад какой-то. Бросил, потому что надоели чужие игры. Это же так очевидно. Вот приведу тебе пример из математики: помнишь, что такое сходящийся ряд? Должен помнить — у тебя же пятерка была. Так вот, люди, работавшие там, напоминали мне ряд, сумма которого сходится к нулю. Даже не к единице. А я не хотел быть членом этого ряда и вышел из него. Вот и вся история. Какой будет следующий вопрос? Наверное, как я докатился до жизни такой, да?

— Руслан, ну зачем ты так? Я ничего подобного не собирался спрашивать.

— Да у тебя весь вечер этот вопрос в глазах висит. Как только я тебя увидел, так он сразу и повис на твоём лице.

Я растерялся, не зная, что ответить, но я знал, что Руслан прав. Меня спасла наша официантка, которая пришла за расчетом. И пока я отдавал ей карточку и говорил код, напряжение как-то само собой спало. Мы остались в кафе последними, и стайка официанток, стоящих у бара, поглядывала на нас с плохо скрываемым нетерпением.

— Проводишь меня немного? Я тут недалеко живу, — сказал Руслан.

По пути нам попалась пустая автобусная остановка, и Руслан предложил посидеть на скамейке. «Когда мы еще увидимся...» — сказал он, и голос у него был почему-то грустный.

— Хотел спросить у тебя одну вещь, — сказал Руслан, когда мы присели, — ты знал, что я тоже был влюблен в Гулю?

— Ты — в Гулю? — я не смог сдержать удивления.

— По-твоему, я не способен влюбиться?

— Да нет, я не это имел в виду... Просто по тебе это было совершенно не заметно.

— А что, обязательно должно быть заметно?.. Чем сильнее, тем менее заметно — такое тоже бывает. Кстати, насчет теоремы Ферма... Я ведь мечтал доказать ее и посвятить доказательство ей, как писатели посвящают свой лучший роман любимым женщинам. Но ничего не вышло, хорошо хоть в психушку не угодил.

В голове мелькнула дурацкая фраза: «вечер сюрпризов».

— Да, ужасно жалко Гулю, — сказал я тихо, — да и Сурика тоже. Ты, наверное, в курсе, что последний год она провела в Штатах. Но даже там не смогли спасти. Четвертая стадия...

Руслан долго молчал, вертя в руках пустую пачку от сигарет.

— Думаю, что в данном случае, я могу рассказать тебе немного больше, чем ты — мне.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что из всех наших я, вероятно, был последний, кто видел ее... живой. Не считая Сурика, конечно.

— Там, в Америке?

— В Америке. Я как раз приехал в тот год на семинар в Массачусетский университет, и конечно, не мог не повидать ее. Сбежал на один день и рванул в Феникс. Гуля к тому времени уже месяц лежала в госпитале.

Руслан замолчал, разглядывая фонарь возле остановки, который вдруг почему-то погас.

— И что было дальше? — осторожно спросил я.

— Ничего дальше не было. Ей уже тяжело было говорить, так что я пробыл у нее всего десять минут. Но успел сделать признание. Я видел, что ей это было приятно. И еще она сказала, что всегда догадывалась... А через несколько дней она ушла.

— Прости, что заставил тебя вспоминать все это.

— Ты не заставлял, я сам.

Руслан помолчал немного, а потом задумчиво сказал:

— Знаешь, долгие годы мне казалось, что любую ситуацию в жизни можно объяснить с помощью правильно подобранной математической модели или теоремы, а любую проблему можно решить, применив какой-нибудь подходящий к случаю математический метод. И до какого-то момента это работало. А потом... после ее смерти, все вдруг куда-то рухнуло. Все потеряло смысл. Хотя...

— Хотя что..?

— Хотя, как ни странно, это не повлияло на мою любовь к математике, просто я стал любить ее по-другому, и наверное, еще сильнее. Именно за ее неполноту. За то, что она не может описать все, как в теореме Гёделя, помнишь?

— Нет, не помню. Я даже не знаю, что это такое. Руслан, прости меня, но если ты так сильно любил Гулю, почему ты молчал все эти годы? Почему не признался раньше?

— Вот именно поэтому. Ее уравнение было на тот период решено, и решением был Сурен, ее муж, которого мы оба прекрасно знаем. И что изменило бы мое признание?

— Возможно, оно изменило бы твою жизнь.

— Ты так и остался романтиком, Баха. А я — реалист и логик.

К остановке подъехал пустой автобус. Если не считать спящего на заднем сиденье старика. Водитель окинул нас безразличным взглядом, подождал несколько секунд, а потом закрыл двери и поехал дальше.

— И после этого ты ушел из института?

— Не сразу. Я еще проработал несколько месяцев — надо было закончить одно исследование. Но решение созрело уже тогда.

— Значит дело было все-таки не в сходящемся к нулю ряде?..

— Дело было в сходящейся к нулю жизни... Ладно, пойдем что ли? Что-то прохладно становится.

Я проводил его до дома, и на прощание мы обнялись. Обещал ему позвонить в ближайшие дни. Он посмотрел на меня отстраненно. «Ты не переживай, у меня все хорошо. Я уже начинаю новый этап, и возьму себя в руки. Так что звонить не обязательно».

Верилось, конечно, с трудом, но я поддержал его, закивал головой и стал уверять, что именно так и будет. Дежурные фразы, ничего не значащие слова, за которые мне потом было стыдно.

Пройдя несколько метров, я оглянулся: Руслан стоял возле подъезда, прислонившись спиной к стене, и смотрел куда-то вверх, но взгляд был отстраненный, словно он погрузился в свои мысли или решение какой-то сложной задачи. И эта его поза, — руки в карманах брюк, голова немного откинута назад, рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, — вдруг остро напомнила мне того прежнего Руслана, каким я привык его видеть в школе, на переменках и после уроков. Он остался все таким же, хотя и стал совсем другим. И в этом тоже не было противоречия, как нет противоречия в том, что в геометрии Евклида параллельные прямые не пересекаются, а в геометрии Лобачевского они непременно когда-нибудь встретятся.

4.

Через неделю после выписки Анатолия Наумовича из больницы, когда он немного пришел в себя, небольшая делегация от нашего класса поехала к нему домой просить прощения. Нас было человек десять, и по дороге, скинувшись, купили ему огромный букет цветов, торт, яблоки, печенье. Хорошо помню, что в тот декабрьский день было очень холодно, и мы сильно замерзли, пока ходили кругами в поисках нужной девятиэтажки на Высоковольном. Потом долго ждали лифта, набились в него всей толпой, а он отказался ехать и троим пришлось ждать следующей ходки.

Дверь нам открыла жена — невысокая, худенькая женщина с детскими и немного испуганными глазами.

— Проходите, Анатолий Наумович ждет вас, — сказала она, и вымученно улыбнулась.

Мы прошли в гостиную и первое, что мне бросилось в глаза, это несколько высоких старинных шкафов, забитых до отказа книгами. Впрочем, книги были везде: лежали стопками на полу, на подоконнике, на столике возле дивана, под телевизором. Собрания сочинений русских и зарубежных классиков (почему-то, мне запомнился черный шеститомник Фолкнера, в котором третий том стоял почему-то перед первым, а пятый — после шестого), альбомы по искусству, какие-то старые пожелтевшие брошюры с дореволюционным алфавитом. У меня перехватило дыхание от этой шикарной библиотеки, и мне пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы не броситься к шкафам и не начать в них рыться, забыв про все правила приличия.

Увидев нас, Анатолий Наумович положил на диван обложкой вверх книгу, которую читал (кажется, это были «Братья Карамазовы»), и встал нам навстречу. На нем был спортивный костюм, на ногах — толстые вязаные носки и тапочки. Домашняя одежда придавала его виду что-то трогательно-беззащитное, немного комичное, и это настолько резко контрастировало с привычным нам обликом грозного рассказчика, что мы поначалу растерялись. Он встал, поздоровался с нами и сказал:

— Проходите, ребята, садитесь, я очень рад вас видеть. Дима, Су-рен, не стесняйтесь — там есть еще стулья. Лиза, — крикнул он жене, — поставь, пожалуйста, чай.

Когда все расселись, наступила пауза. Никто не решался начать первым. Наконец, Карина, потупив свои красивые серые глаза, сказала:

— Анатолий Наумович, пожалуйста, простите нас. Мы были неправы!.

Историк похлопал ладонью по Достоевскому и вдруг так просто, без всякого пафоса, произнес:

— Да ладно, чего там... Я зла на вас не держу, все нормально. В том, что случилось есть и моя вина.

— Ну что вы...

— Да, да, не спорьте! Пока я лежал в больнице, передумал многое... И многое понял.

И вдруг все заговорили разом, начали переубеждать Анатолия Наумовича, признаваться в том, что на нас нашло помутнение рассудка, стали спорить, смеяться, шутить... Напряжение моментально спало, и было ощущение какой-то странной, необыкновенной легкости. Это было немного похоже на катарсис в театре. С той лишь разницей, что мы были одновременно и актерами, и зрителями в этом действе.

После того как эмоции немного поутихли, мы стали рассказывать о школьных новостях. О том, как нашли ему на замену молоденькую практикантку, а она вообще не справляется с нами и плачет после каждого урока. И о том, как наша математичка, Антонина Сергеевна, подскользнулась возле дома, и сломала руку, и ходит теперь в гипсе, и пишет на доске левой рукой, и все равно получается красиво, ровно и правильно. И что у физрука очередной запой, и его в очередной раз уволили, но, конечно, примут обратно, потому что работать больше некому.

Анатолий Наумович слушал все эти новости с благосклонным, терпеливым вниманием, кивал своей головой (мне почему-то показалось, что количество седых прядей на ней увеличилось), улыбался и вставлял небольшие реплики. Было видно, что он слушает нас из вежливости и школьные события ему малоинтересны, но о чем еще говорить — ведь у нас не было больше общих тем. Затем заговорил Димон, он лично от себя попросил извинения, а Сурик добавил, что Руслан тоже очень хотел прийти, но, к сожалению, слег с гриппом. Просил передать большой привет.

Между тем, нам заварили чай, нарезали торт и поставили небольшой стол в середину комнаты. Было заметно, что в этом доме редко бывает такое большое количество гостей. Мы кое-как расселись вокруг стола, началось чаепитие, обсуждение начинки торта, разговоры про сочинения по литературе, прогнозы погоды... Жена сидела с нами, уходила на кухню, звонила кому-то по телефону, снова возвращалась. Она тоже немного ожила, оттаяла, и даже немного шутила на предмет упрямства своего благоверного супруга. Но по ее взгляду, по тому, с какой нежностью она говорила ему что-то вполголоса, было понятно, что она его очень любит.

— А это ваши дети? — спросила Оля, дождавшись паузы и кивнув в сторону висевший на стене фотографии, на который были запечатлены молодой Анатолий Наумович, его жена, двое мальчиков и девочка.

— Да, — ответил Анатолий Наумович, и сразу погрузился. Мы интуитивно поняли, что лучше не развивать эту тему. Как мы узнали позднее, мы поступили в тот момент правильно: один его сыновей, Максим, самый одаренный из всех детей, делавший большие успехи в языках и обещавший стать блестящим переводчиком, бросил все и уехал на заработки в северные края. Вернулся он через три года законченным алкоголиком. Пожил под крылом родителей полгода, и снова уехал, на этот раз надолго. И с тех пор от него не было никаких вестей, только слухи, один другого печальнее. Так что это была крайне болезненная тема для Анатолия Наумовича, несмотря на то, что двое других детей устроились в жизни вполне благополучно. Правда, в отличие от яркого Максима, их способности были намного скромнее.

Мы не заметили, как прошло почти два часа. По глазам хозяйки мы поняли, что Анатолий Наумович устал, и ему пора дать покой. Стали собираться, шумно одеваться, искать в прихожей сапоги, ботинки, куртки, шарфы и шапки. Все были в каком-то радостном возбуждении, словно немного опьянели от того, что скинули бремя вины с плеч, и вроде снова все хорошо.

Долго прощались, просили Анатолия Наумовича вернуться в школу, как только он поправится окончательно. Он смиренно кивал головой, обещал подумать, улыбался и говорил нам, чтобы мы не расслаблялись, потому что впереди по истории сложные темы, и конец четверти, и полугодовая контрольная. А еще сказал, чтобы мы не обижали юную аспирантку, или кто она там, и не повторяли своих ошибок.

Мы торжественно пообещали выполнить все его просьбы, и уже стоя возле лифта и держа руками двери, еще раз попросили его вернуться.

Вывалившись на первом этаже из лифта, как яблоки из порванной авоськи, мы вышли на улицу и направились в сторону метро.

— Как вы думаете, он вернется? — спросила Гуля.

— Да куда он денется из подводной лодки! Он без школы жить не может, — ухмыльнулся Димон.

И почему-то все стали убеждать друг друга, что так и будет, и что наш учитель обязательно вернется, если не сейчас, то после Нового Года — точно.

Но ни после Нового Года, ни весной Анатолий Наумович не вернулся, и больше мы его никогда не видели.

5.

На этом можно было бы закончить историю про Анатолия Наумовича, но мне хочется в качестве пост-скриптума рассказать еще один эпизод, о котором я вскользь упомянул в разговоре с Русланом.

В 1994 году я столкнулся с Олей Сериковой в зале ожидания нашего аэропорта. Обнялись, расцеловались.

— Ты прекрасно выглядишь!

— Спасибо, как всегда галантный, Бах, — улыбнулся Оля.

Выглядела она действительно замечательно, и трудно было узнать в ней бывшую мечтательницу в больших и немного смешных очках, которые делали ее похожей на стрекозу. (Иногда за глаза, в классе ее так и называли:

стрекоза). Короткая стрижка, стильная прическа и еще более стильный деловой костюм... И никаких очков. Оля через Минск летела к мужу в Чехию, а я — возвращался после зимних каникул в Москву, добывать диссер и готовиться к защите.

Время до посадки у нас было, и я предложил выпить по чашечке кофе в баре.

— А разориться не боишься? Знаешь, сколько здесь кофе стоит? — спросила Оля и усмехнулась.

— Да ладно, не каждый день же встречаемся.

— Ну смотри, мое дело предупредить.

Я взял два капучино, сели за столик. Конечно, стали вспоминать одноклассников и учителей, и Оля, по свежим впечатлениям, рассказала мне о встрече с Анатолием Наумовичем.

— Прошлой осенью, в начале октября иду я по бульвару в Академгородке, случайно там оказалась. И вдруг вижу, сидит на скамейке Анатолий Наумович. Постаревший, совсем уже лысый. Но я все равно его узнала. Сидит себе задумчиво, такой весь отстраненный, руками и подбородком на палку опирается. Прямо классическая стариковская поза. Смотрит на проходящих мимо людей, но как будто не видит их. Я подошла, поздоровалась, он не узнал меня. Тогда я назвала себя, мол Серикова я, из восьмого «А». Он безразлично кивнул головой и тихим голосом сказал, что рад меня видеть. Больше не произнес ни слова, и мне показалось, что он сразу забыл о моем присутствии.

— Может, у него были проблемы с памятью? — спросил я.

— Наверное... Знаешь, это было так странно... и страшно. Передо мной был совсем другой человек. Не Анатолий Наумович, а кто-то другой, понимаешь?.. Или как будто он говорил откуда-то из параллельного мира.

— Возможно, именно так и было, — сказал я.

— Ужасно печально, — сказал я, — но что поделаешь, время никого не падит.

— Слушай, а разве поэту разрешено говорить банальности? — спросила Оля.

— Хороший вопрос, но не по адресу.

— Начинается, — засмеялась Оля, и мы перешли на другие темы.

Впрочем, поболтать вволю так и не удалось — минут через пятнадцать объявили посадку на Минск, и пришлось прощаться. В Москве меня ждала защита диссертации со страшным названием «Катодолюминесцентные свойства алмазных пленок, осажденных на полупроводниковых подложках методом плазменного напыления», знакомство с Ритой и новая сумасшедшая влюбленность.

Но это уже совсем другая история.



НАТАЛИЯ УЛЬЯНОВА
(Россия, Санкт-Петербург)



Лес. Опустилась тишь ночная,
Лишь только цапли слышен крик.
И плеск волны, как бы играя,
Несётся, камни окатив.

Темнеет быстро ночью в поле,
И лишь стога во тьме ночной
Напоминают о приволье,
Что дарят нам покой ночной.

Не молчи

Не по проторенной дороге
В мои ты земли приходи,
И, все с собой, неся тревоги,
Ты тёмной ночью — не молчи.

Ты говори со мною, небом.
Ты не молчи с врагом своим...
Я стану для тебя как небыль,
Я стану светом радостным, родным.

Не уходи совсем в чужие страны,
Молю: останься на моей Земле,
Я ждать тебя — поверь мне — не устану,
Ну, появившись скорей, хоть в полусне.

Хоть в полусне приди, лаская травы.
Цветком я стану — радостью Земли.
Ты утром приходи и для забавы
Рукой по росным травам проведи.

Я отзовусь росой изумрудной,
Цветами нежными порадуя тебя.
Ты на мгновенье станешь очень мудрым,
Поклонишься Земле ты за меня.

И солнце поцелует тебя в щеку,
За душу добрую и нежную любя.
Незримо Я пойду с тобою рядом, сбоку,
От всех напастей бережно храня.

Привет

Пусть всадники ветра
Домчат до тебя
Лавину приветов,
И в море огня!
Пусть в этой лавине
И в море огня
Меня ты увидишь
И вспомнишь — не зря:
Заря занималась
Над лугом моим,
Что был нежно-синим,
Затем голубым.
Порывами ветра,
Зарю разметав,
Стихия на счастье
Привет передаст.
И будет так сладко,
Так трепетно нежно
В груди разгораться
Мой Утренний свет,
С зарёю и солнцем
Далеких планет.
Планет, что летают,
Летают и тают
На землю неся,
Свой немеркнущий пламень.
Любуясь зарёю
И светом планет,
Прими мой горячий
И нежный привет!

По выставке бродили люди,
Они смотрели на картины,
Их впечатления были
На снег ложились неделимый.

Они слагались в те узоры,
Что так причудливы в картине,
Их разгадать не в нашей воле,
И не по силам нам отныне.

Улицы детства

Улицы детства — они так различны,
В чём-то печальны, в чём-то приличны.
В городе чьё-то детство прошло,
Года пролетели, а им всё равно.

Они ведь не ищут хвалы и награды,
Пройди лишь по ним, и они будут рады.
Камни здесь помнят радость и смех,
Печали и слёзы, и первый успех.

Лето

Природа дремлет вся в истоме
И солнце жаркое палит.
А ветерок скользит лишь в кронах,
Листву тихонько шевелит.

Сегодня птицы петь устали,
Сморил их тот палящий зной.
Цветут ромашки на поляне,
И пахнет скошенной травой.

Озеро

Теряется в полях дорога
И освещается Луной.
И тёмный лес стоит высоко.
В лесу есть озеро одно.

Оно темнеет всё водою,
И не колышется вода.
Растёт по берегам морошка,
Всегда не тронута, спела.

Мы часто слышим от кого-то
Преданья древней старины.
Они закопаны глубоко.
О них мы помнить не должны.

Но прорывается наружу
Истории молчащий лик.
Попытки объяснить: не тщетны,
Они лишь правильны вовек.

Не сразу их признают снова.
Лишь ветер подведёт черту.
И поселения слепого
Исчезнут в чьём-то лишь бреду.

Не стоит в ночи предаваться
Неугасающей мольбе,
Не стоит с волнами сражаться
В грядущей мгле.

И можно по священной воле
Войти лишь в рай,
А там такое ты увидишь —
Ложись и помирай.

Когда святители судеб
На суд придут,
Они священный дар с небес
В хрустальной чаше принесут.

Не стоит думать о былом:
Оно бывает недоступно,
Оно бывает так преступно,
Что страшно думать так о нём.

И иногда настанет час,
Когда все бывшие восстанут,
Исчезнет всё бывшее вмиг,
Исчезнет поле и родник,

И вдруг появится река,
Что очень долго здесь текла,
И где родные берега.

Сила вечности

О, Сила Вечности!
 Ты бесконечность!
 Как ощутить великое могущество Твоё?
 Чтоб мысли вновь летели в Вечность,
 Давая время творчество явить своё.

Раскрыть весь ум, слагая знаки в слово,
 И открывая людям звёздный путь иной.
 Мне не забыть бы поклониться Тебе снова
 За исчисления Вечности Земной.

Земная Вечность! Дай ещё мгновенье
 Весь путь, мной пройденный,
 глазами обозреть
 Изведать сердцем Времени веленье,
 Увидеть всё и всё постичь суметь.

Не торопись

Не стоит слишком торопиться
 принять причин поток.
 Не стоит на гору стремиться
 и в море кувырком.

Нельзя не сделать остановку
 на той горе крутой.
 И в море посмотреть с обрыва —
 ни боже мой.

Как хороша за далью лет
 вот эта чистота,
 её не стоит дар с небес,
 но он исчез не зря.

Истина не прячется в тумане,
 Что стелется по берегам
 уснувших рек.
 Человек он род свой продлевает,
 И продлить старается свой век.
 О, продлись, моё очарованье!
 Ветерок касается чуть крыш.
 Голос чей-то слышится
 в сплошном тумане.
 Кто-нибудь меня услышь!..

Планета словно вдруг проснулась
 От многолетней сна.
 И, смерчи, волны, катаклизмы
 Нас потрясают без конца.

Уже проснулись здесь вулканы,
 И смерчи в Африке шалят,
 И ледники везде тут сходят,
 Они лавин рождают ряд,

Ах, эти малые атоллы,
 Что поднялись со дна морей.
 Недолог век их, так недолог,
 Разрушатся и сгинут век.

Нет дороги, нет возврата.
 Нет прибрежного пути.
 Нет ни серебра, ни золота,
 Их доселе не найти.

Невозможно к небу выйти:
 Нет дороги, нет пути.
 У столба стоит колодец.
 И вода течёт внутри.

Не алмазы, не рубины,
 Не сапфиры с бирюзой,
 Изумруд — кристалл единый —
 Талисман твой золотой.

Исчезли многие страницы
 Из пожелтевших ныне книг,
 А их читали и любили...
 Хранитель их библиофил
 Их собирал порой ночью,
 И тихо он беседы вёл,
 И книги раскрывали тайны.
 Но шепот их в ночи умолк:
 Кого-то тихо сгрызли мыши,
 А кто-то плесенью порос...
 Но всё ещё хранят страницы
 Пометки, кто читать их мог.

Сосны и скалы, вода и песок,
Пляж есть прибрежный, в лесу уголок.
Камни седые, мох и гранит
Древнюю тайну сей мир сторожит.

Старые сосны, могучие ели
Век свой дожить в тишине не успели.
Звонкие крики детей по утру
Птичку испугнули в сосновом бору.

Зайцы, олени, лисы и волки,
Норы вы рыли, топтали иголки,
Знать вы не знали о мире людей,
Что наблюдает за миром зверей.

Как хорошо в молчании любить...
Любить тебя, не говоря ни слова,
Целуя сердцем, в трепете любви
Вдыхать тебя и слушать снова, снова...

Как хорошо рассвет встречать вдвоём
И в небесах лететь над нашим миром

Вновь наслаждаясь близостью... а в мире
С тобой едва касаясь рукавом,
Лететь в сонм грёз в заоблачном эфире
И сердце снова плачет о былом...

Темнеет сад

Темнеет сад, щебечет птица,
Звезда ли падает в окно —
Всё это снова сердцу снится —
Ушедшей юности кино.

Воспоминаний грустных камень:
Редеют в небе огоньки
И спят в обнимку с облаками
Ряды берёзок у реки...

Снова в городе дождь

Снова в городе осень с утра,
Дворник листья метлою сметает,
Словно лета мечты подбирает,
И порхнувшие чьи-то слова.

Снова в городе осень и дождь
Умывает деревья и стёкла,
И вода прибывает в реке уж с утра,
И бессильны, бессильны запоры.

Снова город окутан зимой,
Мирно падает свет фонарей.
И снежинок приходит черёд
Быть сметёнными с тротуара.

Играл старинный инструмент,
Звучали арфа и литавры,
И собирался здесь оркестр,
И снова музыка звучала.

Играл невидимый скрипач,
Водил смычком по тонким струнам:
Звучал аккорд, пассаж звучал,
Рождались музыки здесь звуки.

Она над залом как плыла,
Звала тихонько за собою
И осторожно сеть плела
Из знаков нотных золотую.

Не стоит много поднимать,
Когда уже устали руки,
Когда глаза смотреть не могут,
Отказывают ноги.

Присядь же, путник, отдохни,
Пересиди ты зной и стужу,
Душою только отдохни —
Ступай и жги глаголом Душу.

Ты слышишь раннюю грозу,
Ты видишь горные долины,
Ты сможешь ранние камни
Топить лишь пеплом своих душ.



ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь



Sancta sanctorum

Блажен кто ведает...
Я не помню уже что блаженней:
Вот цветы, а вот руки её...
Богоматерь цветов,
Мне осталось научиться сохранять в ней
дыхание свечи...
Мне осталось научиться не загасить её...
Мне осталось научиться плавить
в ладонях нежности её невесомое...

Дрожь черновика...
Надо прежде родиться в темных
 страницах,
Чтоб Алой рифмой читать любовь ее губ,

Богоматерь цветов,
Дай мне стихи, потому что не умолкает сердце.
Рисующий голубым пером знаки на воде листа.

Проя прощения у всех познаний
смертных,

Я выберу одно, всего одно —
Встретиться с ней
На границе аллей тишины и озера
солнца...

Не разъятое моё ближе, чем расстояние
до слова,

Слова, которому я дам голос, вес, ритм,
тень.

Моим словам под силу очень многое...
Это берется сердцем...

Даёшь понять времени, что видишь его краткие вспышки,

И оно теряет способность
перевоплощаться и становиться собой.

Богоматерь цветов,
На миг, которым дышим,
Дай мне её под защиту.

Для этого нужен огонь в венах...
 Для этого нужно глубокое молчание.
 Вольное слетает с губ,
 Касания вырываются из забвений...
 Она — империя этой лирики...
 Теперь эта лирика стекает с пера в мою
 строку.

Испепеленный жаром языка
Я высказан в ней до дна огня...
Моя вина в том, что я пытаюсь сказать ей
о том, над чем не властна земля...
Пусть глаза её растворяют меня в том
мгновении, где я открыл их
Строкой, которая суждена мне.
Я высказан в ней до дна огня.

Блажен кто ведаёт...
Я не помню уже что блаженней:
Вот цветы, а вот руки её...
Иногда со словами боги теряют вес...
И там, задув свечу, встречают солнце.

Gratiam ago

И те же руки поднимут перо и слово...
И те же руки изящным вензелем или
кляксой...

И те же руки сберегут и отдадут огню
строки...

Гори мол, сам поймешь однажды, что те же руки заберут.

И те же руки нежностью к упавшему
листу потянутся...

Так просятся слова к звуку,
(словно не можем забыть кого-то или
что-то)

Проятся, чтоб ниточки на ладонях
сплестать и расплестать...

Разрывается сердце — ибо — не
вместить.

Хозяева теней и переводчики
сумеречных лиц,
Кроткое тело летящих последних
листьев...

Вспомни перед сном все слова осенних
ночей...
Благодарение тени и свету...

Она жила еще до меня
Моя Любовь...
Поэзия целует её следы...
Распускаются от касаний цветения слов
Ни с чем не рифмуясь...
Будь блаженна эта чаша

Storable

Кто сможет достать из нас
Монетку со дна реки?
Сквозь медленную слезу
Молчит и блестит она.
Кто вытащит тихий блеск?
Кто вымолвит — береги...
Кто верю для живых
Обратно её вернёт?
Заточены все края...
Пылилки распятых рук...
Возьмется ли что-то во мне
Оттенки запоминать?!
Продолжись и всё здесь оставь,
Так травы идут на косу,
Удушье хватая ртом
Пытаюсь «люблю» сказать.
Задышат святой теснотой
На белом углу сквозняки...
Виссоновое «прости»
Излечит немых дотла.
Повальной стигматой строка
У русского языка...
Вновь крестницей ляжет на лист,
Вновь сердцем прижмется к перу.

Среди зимы

Каталог зимних выюг, каталог сна...
Сегодня издано смирение и кротость...
И ветер вырывает из блокнотов
Последние сухие письма.
Как здешним небесам легко молчать.
Секвенций немоты
Дела улаженные свыше...
Форма расплавится и выжжет еле слышно
Под языком горячие слова.
На том листе, откуда слышно всё...
Неторопливо, вновь вальсируя изящно...
Я напишу когда-нибудь письмо
С постскриптумом «всё было
настоящим».

Императив, и до тебя вновь
дотянулся сад —
Запутанным, оторопевшим, встречным.
Не отправляя слова на небо,
Там лишь вечность,
Непонимающая, не означающая нас.
Где осязание срезано в ветвях,
Где в сердцевине слух остался,
Где встанешь ты — и заживо, и прах,
С обложки ветхой мироздания впотьмах,
За тесноту мгновением рассчитавшись.
Как было трудно под неявной водой
И замерзающим и замирающим и
белым...

Как было трудно ожидать
Какой же бог распишется под нашим
откровенным.
Где нет иных, нет долгих лобных мест.
В ладонях острота простая,
В келье поэзии с тобой мы зимовали,
Где нет иных, нет бранных лобных мест.
Способное запоминать, я тут,
Отдавшимся, оставшимся, открытым...
Как тяжело тобою набело дышать,
Когда огнем тебе одежды сшиты.
И снова дотянуться до руки.
Кто вытащил строку из сердцевины?
Растянута жизнь предложением длинным,
Где налегке обозначает «быть».
Вдохнув все расстоянья до тебя
Их выдохнуть, не подлежать замене.
Сегодня издано седьмое откровенье
Среди зимы и зимних нас — «любить».

Noten

*То, что ты называешь,
выбирает оставшихся.*

Туман бумаги рвет чернила на слова...
Полжизни и полсмерти — всё дорого.
А вечность улыбается, у Бога
Беря взаймы для строчек семени.
Взойди строкой к рассвету в этот час —
Будь утро казни или просто утро,
Всей тишиной, всех отданных, всех
мудрых,
Всех, говоривших о любви в который раз.
Потерянных и возвращенных,
Одних единственных, тебе врученных,
Оплаканных, неистовых, крещенных,
Твоих, столь слезных и расставленных в
строку
Небесных ран на певчую тоску,

Тенью не смеющий коснуться к
горлу Бога.

Так холодно затем, чтоб различать:
Что было богом, стало все...

Так холодно, чтоб цену всю отдать
За то, что произносится вслепую —
Люблю...

Одним касанием души.

Мы были азбукой на распродаже
будней...

К чьим глиняным ногам уложишь ты,
Рябину ярко красную и звуки
Кругов сердцебиенья красоты.

Где выбор мой стучится в дом к тебе
Воздухотворным трепетом отваги.

«Сад впал в тоску» — напишет время на
бумаге...

«Сад — это Бог» — поправит жизнь
строку.

Прочти что стёр, сотри что прочитал...

Удерживая свет в своих чернилах,
Удерживая так, чтоб темнота была бела

В день безымянности,

В день наречения любимых.

Люби моё сердце, люби,

До десятого тела лети...

И это при живом то божь...

И это... поцелуем с плеч...

И это... орфографией бездонной.

Трогай, о Господи, трогай,

Десятую речь срезая ножом с пера

Оттачивая всевозможность.

Моё огненное, моё холодное,

прекрасное моё,

Дверь закрывай, в неё вошла та,

кто должна...

Нам были должны друг друга...

Теперь мы должны друг другу...

Вот в эту зиму, где позвонков

ледяная святость,

Где боги спешили с снегом,

Где нас осталось огненных лишь двое

среди зимы.

Чем было дальше, что было больше?

...было можно.

И мы сошлись сюда...

Как хорошо, как напролом,

Как ветки нам царапали лицо,

Как пальцы нежностью прощали,

Как неподатливо и сплетено,

Как тишиной пронзительно молчали...

Как не могли и в этом умирили.

Пиши, живое, родословную касаний и
любви,

Рисуй нам стрелки, отрывай календари,
Сопровствуйся, тонкое, моли...

Что снимешь ночью, знай — того уж нет.

Целуй её — твоей тепловой удар...

Касайся, не касаясь языка...

Как плохо без неё, как холодно где нет,

Как непокорно.

Немногословность донельзя испей

И допоздна, и полночь, и только

Тогда вернется чистокровная речь...

Тогда вернется крест на крест,

.....

Буди меня, любовь моя,

На рассвете каждого дня...

И увози нас на край земли,

На все четыре стороны юга

И там взрывай, чтобы никто не

пострадал...

Мне легче быть воздухом и огнём

Там, где мы отнимаем друг друга у наших

ласковых рук.

Еще на одного...

Когда я уйду, чуть-чуть

повзрослеют деревья,

Останутся тени,

которые можно не помнить.

Когда твое цветенье станет алым,

Когда твой воздух вспомнит своё имя,

Моих ночных сонетов строки

Покажутся тебе живыми.

Когда мой бело-непокорный

Мой слог, случайно поцарапанный

губами,

Тебя коснется каждым словом,

Ты вспомнишь что такое «AVE».

Как нежен в каждой птице смех птенцов!

В рясах цветения на алтаре эскизов

Мы все устанем помнить жизни страх,

Мы все устанем на него молиться

И замирать в испуганных словах.

Когда однажды нас отпустят в сны к

чужим,

Богатым, нищим, равнодушным,

странным,

Когда украсят сердце шрамом алым

Пред алтарем небесных нот...

Когда за право и бесправие твоё

Вновь нежный ладанщик закажет

воскресенье,

До конца...

57



АНДРЕЙ-VIKTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

*Лунный свет...*

Отмечен путь флажками на спутнике
Земли,
Занесены в конспекты иллюзии и
факты...
В ручей мы запускали из листьев
корабли,
И корабли внесли нас на Лунный свет и
тракты:

Тебя — ещё с косичкой, меня — ещё
юнцом.
Мы встретились, наверно, в морях,
во снах, в пещерах.
Там время незаметно: закат-восход
кольцом,
Настенные рисунки кричат о
флибустьерах,

О кладях, о богатствах в дукатах
золотых...
А нам двоим хватает своей любви и ласки.
Да и чудес не надо: порой и слов простых
Достаточно для жизни не надевая
маски...

26.04.2018 г. А-В-А.

Веками совершенные...

Случится это ночью или днём:
Остынет свет для тела. Тело бренно.
В последний раз исполнит твист с огнём
И догорит до пепла, как полено.
А завтра мир начнёт стирать лицо
Из памяти, из окон снов и рока.
Но ветер прах подхватит и пылью
Помчит к душе пиита и пророка
На новый срок... умеренный... до ста.
Опять, опять страдания и Музы...
И Летний сад, беседки и места
Веками совершенные... в союзе...

01.05.2018 г. А-В-А.

Одна. И кот

Н. В. Л.

Она и кот. В трёхкомнатной квартире
Неяркий свет и шорохи теней.
Пунктиром мир за стенами... не в мире
Она, как оторвалась от дверей...
Шаг... выпала в Галактики... четыре:
Два сына, муж и егоза внучок.
В одной — гуляют в Северной Пальмире,
В другой — на даче вечером... сверчок
Встречает ночь торжественным
сопрано...
Прохлада и покой... и сыновья
Штурмуют жизнь в Галактиках... так
рьяно,
И так самостоятельно, а я? —
Одна... и кот клубочком на подушке...
Неяркий свет... взгляд за окно: там —
Друг.
Галактика... в ромашках на опушке,
Тепло улыбки и надёжность рук...

30.05.2018 г. А-В-А.

Случайности

Прошло не знаю сколько зим и лет,
А может, мне привиделось всё это:
Июньский вечер, Волга, силуэт
На кисти угасающего света...
Она? Она... тропинкой вдоль реки
Бежит-летит едва касаясь склона.
Ей вслед желают счастья васильки,
И соловей защёлкает влюблённо...
Столкнулись мы, тропиночка что нить.
Случайности случаются в надежде
Найти двоих, на век соединить,
А мы, увы, брыкаемся, невежды...
В роман не перерос ночной рассказ,
Дом не построен, нет детей и сада.
На жизненной вершине second Спас,
С корзиной яблок и нагайкой «Prada»...

12.05.2018 г. А-В-А.

Времена

Весёлые настали времена:
 Ни к Муравью зайти, ни к Стрекозе.
 Как было то... Да что там вспоминать!
 Зафьючерны. Заспамлены. Друзей
 Не вспомнить при лучине за столом,
 Ни в поле в урожайную страду:
 По площадям все носятся кублом
 И новую Звезду или Беду
 Зовут в дома... Не горе от ума —
 На уровень не вышли до росы.
 Курьер протянет пиццу и биг мак,
 Не отвлекая уши от попсы.
 Проглотишь бутерброд и на леса —
 А вдруг в тебе заговорит Трибун?
 И продолжаешь воздух сотрясать,
 Устроившись на Мамином горбу.

В глубинке исторический бардак.
 Мужик, с похмелья, мочится с крыльца:
 Рассвет, так-так... Вчера была среда,
 Сегодня вторник. Надо бы с лица
 Щетинку соскрести... и две по сто.
 И на работу — конь железный сдох.
 Механик обещался мне пистон,
 Так я по огороду, бороздой,
 Нырну до гаража и в добрый час:
 Ремонт, святое дело — две ноль пять!
 Загвару, слесарям... спасают нас...
 И коник будет к завтраму летать!
 Правительство, чиновники — воры?
 Да хрен на них! Не Президент, так Бог!
 Конец, известно, у любой игры
 И всякому роману — эпilog.

И всякому «бессмертному» — Земля.
 Кому как пух, кому как куб-гранит.
 Я думаю, неровный круг Кремля,
 «Забронзовевших» всех не охранит,
 Коль переступят тоненькую грань...
 Какую? Где? Кто знает — Николай?
 Россия — это трепетная Лань,
 Медведь на входе в Караван-сарай
 И верный Волк... до хрипа... до седин...
 Весёлыми бывают времена.
 Товарищем ты был, стал — Господин,
 Страна была и есть на всех Одна.

07.06.2018 г. А-V-A.

Рисунок

Рисунок из любовного письма
 Попал, увы, совсем не адресату.
 Солдаты охранявшие дома,
 Вещички выносили за оплату
 Не понимая ценности, на глаз,
 Просили то алтын, а то целковый...
 И вот в середине прочего — алмаз!
 Альбом открыток грубый и кондовый*,
 А в нём эссе** признаний и душа...
 В рисунках тонких, сказочных, любовных:
 Девуцу видел, пьющую с ковша,
 Дрожащий свет и сон от звёзд
 безмолвных...
 И Принц, склонённый над большим
 столом,
 Один как перст на Маленькой Планете,
 Плывёт по строчкам и перо веслом, —
 И машет ему Летчик в Интернете...

17.06.2018 г. А-V-A.

Водоворот

Снился мне водоворот:
 Тёмно-синяя воронка
 Тянет маленький вельбот
 С пареньком в трусах... мальчонка

Крутит парус зюйд и вест,
 Ветер ищет, хоть бы слово.
 Речка, церковь, белый крест,
 На верёвочке корова

Щиплет травку... берег жив,
 Но молчит и ждёт событий...
 Я свищу — на свист бежит
 Ветерок с водою в сите:

Не пожар, кудрявый, нет —
 Паренёк вот-вот в пучине
 Сгинет, оцарапав Свет,
 И подводные личины

* Кондовый, -ая, -ое. 1. С плотной мелко-кослойной древесиной, очень прочный (спец.). К. лес. 2. Исконный, сохранивший старые обычаи, устои (устар.). Кондовое купечество. Слово Кондовый в словаре Ожегова

** Эссе (из фр. *essai* «попытка, проба, очерк», от лат. *exagium* «взвешивание») — литературный жанр прозаического сочинения небольшого объёма и свободной композиции..

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Пир закатят до небес:
Теплокровный на обеде! —
Ветер, в темпе, видишь лес?
Там мужчинка на мопедѣ,

Я на раме видел фал*.
Размотать его к вельботу
И тащить на берег... Встал...
Понедельник. На работу...

Простыня в руке... с узлом...
Настежь окна, настѣжь двери.
Побороли с ветром зло?
Побороли... буду верить...

16.05.2018 г. А-V-A.

Целую в губы...

На цыпочках подкралась ночь. Весь вечер
Сходились звѣзды к моему окну.
Накинув нити сумрака на плечи,
Любуются — безумствую... одну

Искру, искринку б на мою картину:
Царевна-лебедь... шея, грудь, флажок...
За нею — в крупных каплях паутину
И изумрудный берега лужок

В ладонях ив, черѣмухи цветущей...
А взгляд модели мѣртв скорей, чем жив...
Целую в губы... холод вездесущий
Бежит в окно и Город заснежит...

18.07.2018 г. А-V-A.

Когда ещё...

На полуслове оборвался бас,
Застыл Маэстро, палочка дрожала.
Две сотни лиц и только пара глаз
Восторженных, и что-то сердце сжало
И воздух, воздух, как окаменел.
Упал солист, вскочили музыканты...
Невидимой скользнула между тел,
Пока вокруг шептались как сектанты:
Губами в губы, на сердце ладонь —
Открыл глаза, вздохнул и прослезился...
Горел, метался по груди огонь,
А неизвестной облик удалился...
Тут гвалт поднялся до ближайших туч.
Наперебой хвалились и хвалили.

* Фал — канат, веревка, трос. Значение слова по Ожегову.

Он осознал, что губы, руки, луч
Из тех времѣн, когда ещё любили...

13.07.2018 г. А-V-A.

Беспокоюсь...

Не спит капризный мегаполис:
То здесь, то там в окне свеча.
Над ним летаю беспокоюсь —
Кровь, как известно, горяча!
Что там удумают застранны
В своих извилинах кривых?
Звезда взметнѣт протуберанцы
И нет ни этих, ни иных...
А этот Город с колыбели
Мне боль и страх, и счастья дым:
Я видел, как творил Растрелли,
И умер Пушкин молодым,
И много прочего... Да, чада,
Держать умеют щит и меч...
Переживаю — вдосталь яда
И там, где ласка в плясках свеч...

12.07.2018 г. А-V-A.

По капельке...

По улице шѣл дождь. Да, да! — в плаще
и шляпе.
Во все глаза молчат дома и фонари.
И только диалог листвы и крупных
капель,
И мокрые шаги спешащей в Свет зари.

И — двое у окна... вдыхавшие картину.
Оставив сон Земле, летели в высоту.
Поглаживал едва ещё в мурашках спину,
И в каждый взгляд дарил по капельке
мечту...

11.07.2018 г. А-V-A.

На «гражданке»

Наискосок. Без интернета
Скучает Старое кафе.
Один вхожу. На звук привѣта,
Выходит девушка... Орфей,

Коснулся струн: поплыли грѣзы
И прянул в ноздри аромат —
Сто лет назад в кустах мимозы
Мы целовались... рай и ад

На губках страстной молдаванки...
Трещал и долго падал Свет...

Век двадцать первый... на «Гражданке»
Помолодел на сотню лет...

09.07.2018 г. А-V-A.

Монолог

Легко листаем память. Сколько лет
До самого высокого момента?
Экзамен, поцелуй ли, пируэт
В твоей судьбе... В моей от перманента

Качнулся пол — в раскрытое окно
Влетела Фея. Ведьма. Терпсихора*.
На тонком и резном пути земном
Мне выпало немой идти. Танцора

Лишает слова прихоть Короля...
Мой монолог на белых струнах тела...
Качаются от ветра тополя,
Уверенно летит во тьму Земля
И пыль прожитых лет за нею мелом...

16.06.2018 г. А-V-A.

На других орбитах...

А нынешняя ночь, как песнь
над колыбелью,
Над горизонтом встала громадина Луна.
Скрипит, скрипит перо... Что пишут пред
дуэлью?
Я в памяти копался, пишу: а здесь —
весна...

Сады, сирень и дамы цветут наперебой.
То здесь, то там поют всё о любви куплеты.

* Терпсихора (др.-греч.) — муза танца.

Скажу Вам по секрету: доволен я
судьбой,
И секундант несёт на выбор пистолеты...

В дорогу через час нам, и пан или
пропал.

Всплакните обо мне, хотя б разок...
в ракетах.

Ещё прошу: не верьте, что говорит
толпа...

Я ваш... я с вами... пусть и на других
орбитах...

29.07.2018 г. А-V-A.

Не ведома...

Ни вздоха, ни морщинки... гладь
пруда

Ни звёзд, ни полнолуния не брала.

Я в зеркало смотрелся... навсегда

Разведены мосты... она играла

На сцене и по жизни... краковяк,

Не танцевать с ней — кошка, не ведома.

Ни соловью не верит на ветвях,

Ни разуму... смеётся... чуть истома,

Отпустит после схватки на шелках,

Везувием на городом клокочет...

Остынет и заплачет на руках,

И замолчит на весь остаток ночи.

И вот, ушла сквозь город, сквозь страну.

Пропала где-то в дебрях за границей.

А сердце тянет в глубь пруда, ко дну.

Душа на помощь рвётся белой птицей...

29.07.2018 г. А-V-A.



ЛЮДМИЛА СЫТЕНКО

Россия, г. Ставрополь

*Думки вслух...*

Отгremели наши грозы,
Посветила нам луна,
Высохли в подушке слезы,
А теперь, что ж не до сна?
Весны, лета, зимы тоже,
Улетели навсегда!
Как же память столько может,
Помнить оттиски следа?
Время, скоро — словно море:
За волной бежит волна,
Переплещет счастье в горе,
Перельет воды сполна!
Тишина приходит тихо,
По весне после дождя.
Одуванчик желтым ликом
Улыбнётся для меня!
Не задержится с сединкой,
Улетит, как белый пух,
Поутру весна с чужинкой,
Пропускает думки вслух!

15.05.2017.

Воскресный день.

Дождь прошёл, такая свежесть!
Пахнет зелень и сирень,
Смотрит одуванчик жёлтый,
Сдвинув шляпку набекрень!
Слезы высохли, как тучи,
Грусть, зависла в облаках,
Словно серенькие кучи
В небе майском на парах!
Вновь во двор собрались дети,
Шум и гам, собачек лай,
День воскресный всех отметил —
Ласков наш весенний Май!

7.05.2017.

Мгновения весны.

Как вкусно пахнет зелень на полянке
И одуванчик весело горит!
А утром небо в розовой огранке,
В нём голубь лёгким облаком парит!
Берёза ветви тихо опустила.
Листочек мелким зубчиком, резной,
Дрожит навстречу солнышку, так мило
И льётся звук весенне-озорной!
Мои глаза, распахнутые настужь,
Готовы мир весь, впитывать в себя,
Ловить мгновенья, каждое, не наспех,
Хранить у сердца, помня и любя!

3.05.2015.

Просто жаркий день.

Сегодня день такой чудесный
(Теплей, чем в комнате моей)
С утра запели птицы песни —
Весной им тоже веселей!
Зелёным стало все на свете,
Шуршит берёзонька листвою,
И жёлтый одуванчик светит,
Как лучик солнца золотой!
И мысль летит в небес просторы,
На встречу лёгким облакам,
Они кружатся в вечном споре,
А я прислушаюсь к словам!
К словам, что каждый слышит рядом,
Совсем, быть может, ни о чем,
И лиц касаясь быстрым взглядом,
Тихонько мыслю о своём...
Иду и звуки дня мне милы!
На небе солнца рыжий круг,
С его теплом придут силы
Творений радостных вокруг!

27.04.2018.

Весенний дождь.

Идёт весенний, тёплый дождь.
 Берёзки в зелени пушисты.
 Бежит в прозрачных листьях дрожь,
 И воздух влажный и душистый!
 В душе тепло, небесный смог,
 Не портит даже настроенья,
 Нога об лужу шлёп и чмок —
 Весны легки прикосновенья!
 И в небо вновь летит мечта
 С такою силой обновлённой,
 Как будто в ней зажглась свеча
 Моей любви неуголённой!
 Идёт, струится ниткой дождь,
 Под зонт скрываю свои мысли —
 Увы, от жизни не уйдёшь....
 Ведь жизнь не любит тех, кто киснет!

23.04.2014.

Недолгое цветение.

Во дворе черемуха цветет,
 Как невеста, в платье подвенечном!
 И тончайшим запахом влечет,
 Что невольно думаешь о вечном!
 Но весной, все сроки коротки,
 Ветерок растреплет лепесточки,
 И в полете нежные цветки,
 Полетят, как беленькие точки...
 Вот и в жизни — молодость быстра!
 Пролетела мигом, с ускореньем:
 И в делах, и в песнях у костра,
 А весной, с особым упоением!

21.04.2016.

О давнем.

Ах, как давненько это было!
 На зорьке юности моей.
 Словечко вдруг разворошило,
 Мечты давно минувших дней.
 Как сладостным, то было время —
 Самостоятельные дни!
 Ты словно всадник ногу в стремя,
 Летишь в предчувствии любви!
 Глаза рукою я прикрою
 И свет в квартире погашу,
 Незримо улечу стрелою
 В давно ушедшую пору!
 Тогда ведь было всё впервые —
 Далёкий край, мороз, снега
 И ощущения, что ныне
 Дела вершишь ты на века!
 И были песни, вдохновенье,
 Аккорд гитары у костра

И первый трепет, и сомненье
 И разговоры до утра!.....

1.03.2013.

Вот бывает.

Болезнь, как в омут с головой —
 Темно и давит все вокруг,
 Потом сознание — живой!
 И хочешь воздуха глотнуть!
 Наверх, наверх, с последних сил.
 Потерь не хочется считать
 И утра свет настолько мил,
 Что сердцу радостно опять!
 И дорог каждый миг потом:
 Весенний солнышка задор
 И думы вроде ни о чем,
 И птичий звонкий разговор!
 Весна, природа ожила!
 Проклюнул зеленью листок
 И жизни новые дела,
 В один сливаются поток!

9.04.2018.

Насхальное утро.

Проснулась зорька алая,
 Зарделся небосвод,
 Журчит водица талая —
 Частица вешних вод!
 Апрельский воздух свежестью
 Пьянит невольно нас
 И таю я от нежности
 В такой весенний час!
 Пригрело Землю солнышко,
 Зелёная трава
 И въёт пичуга гнездышко —
 Весной её права!
 Настала Пасха светлая,
 Душа надежд полна,
 Мечта живёт заветная
 И сбудется ль она...

8.04.2018.

Чуть-чуть и счастье.
 Тихая ночь за окном,
 Синее небо и звёзды!
 Тайной окутали дом,
 Улочки спящей, борозды.
 Двор погрузился в затишье!
 Светит фонарь у порога,
 К счастью, рождается стих —
 Времени ночи немного...

25.03.2017.

Дождь разбудил.

Я проснулась рано, рано —
Сладок пробуждений миг!
Слышу шум какой-то странный,
Неужели дождь шумит?
Шаль накинула на плечи,
Тихо подошла к окну,
Рада утру в ранней встрече,
Улыбнулась в тишину....
Кое-где огни, как свечи,
Гаснут, то зажгутся вновь —
Фары так машины светят,
Убегая вдаль без слов.
Дождь, как прежде, льёт в окошко,
Капельки бегут в ручьи.
Вытру тёплой их ладошкой
И скажу дождю: «Молчи!»

16.03.2017.

На исходе Марта.

Что случилось, осень снова?
За окном туман опять,
Мысль застряла бестолково
И не хочет улетать...
Город спит, а мне не спится,
Там, за шторой в тишине,
Фонарей невнятных лица,
Чуть подмигивают мне!..
Скоро утро, ветер свежий
Шевелит глухую ткань,
Свет полоской брызнет прежде,
Чем раскроет утра дань!

27.03.2018.

Тучи свинцовые снова над городом,
Белые мушки летят.
Стали для грусти, конечно же поводом
Мне без моих вот ребят...
Эх, эти полосы...
Жизнь полосатая — чёрная, белая.
Всюду — в природе, в здоровье, в любви.
Сладких денёчков в ней горсточка малая,
Памятью счастья засевшей в крови!
Чёрная — чаще, занудная, долгая,
Белая — словно мгновенья зари.
Вмиг очарует краса быстроногая,
Радостью светлой на день одарит!
Время летит мимо нас независимо,
Вечно меняясь то день, а то ночь!
Солнышко светит, кричим мы:
«Брависсимо!»

Чёрные тучи, так сразу — невмочь...
Всё познаётся в сравнении с чем-нибудь.
Тем и дороже с годами мне жизнь,
Стали минутки мои незабудками
В сердце всегда их нежнейшая синь!

2.04.2014.

Потеряла я колечко.

Не найду своё колечко,
Обронила где-то...
И болит порой сердечко,
Вспоминая это!
Перерыла весь домишко,
Заглянула в вазу,
И на полки, в шкаф, и в книжки —
Просмотрела сразу!
Потеряла, я колечко,
Золото с топазом —
Эх, подарок, жаль, не вечен!
Иль подвержен сглазу?
Но надежду я питаю,
Что оно найдётся! —
А пропажа тихо, в тайне
Надо мной смеётся!

5.04.2017.

Ещё одна Весна.

Явление природы,
Проснувшись ото сна,
Шагает недотрогой!
Волнует чувства в нас
И, словно волны в море,
Они взбунтуют враз
На счастье иль на горе...
Весною все острее:
Любовь, болезни, память!
И жизнь течёт быстрее
Под солнышко оттаять!
Уже в траве цветы
В наряде желто-белом,
И кошки и коты
Занялись важным делом!
И в небе стайка птиц
Встречает зорьку с криком,
И клином шумным ниц
К Земле в поклоне ликом!
Ещё одна Весна!
(В моей судьбе их много)
И всякий раз она,
Воспета нежным слогом!

16.04.2018.



НАТАЛИ РИВАРА

Германия, Берлин



Ты испугнуть их — не посмел...

Пусть прошествовали мимо —
первый поцелуй и детская мечта...
Для меня — останутся той силой —
без которой в жизни — мне нельзя.
Помню — ты ко мне склонился,
обнял — чуть за плечи подержал,
Посмотрел, себе ты удивился
и меня легко поцеловал.
Нет, не в щёку, на одно мгновенье —
губ коснулся мягким губ пушком.
Поцелуй не задержался: у меня в коленях
дрожь, а в сердце — гром.
И рывком — я руки поднимаю, и за шею,
за тебя — держусь.
Обнимаю? Нет, не обнимаю — я упасть
сейчас боюсь...
Ты, пытаясь отстраниться и в глаза мне
заглянуть,
чувствуешь — любовь — синицей,
красногрудым снегирём — на грудь!
И так тихо трепетанье это —
и так нежен — милых птиц удел...
Больше — мы — не целовались.
Ты испугнуть их — не посмел.

Моё счастье навсегда...

Утро.
Солнце в окно проникло.
Разбудило.
Я подошла.
Из сна руки выпростав,
дотрагиваюсь ладонями до стекла.
Мне понравилось:
нежность к тебе
в раздольях сияющего хрустала
и поранены в кровь... пальцы... солнца
светом...!

Так просвечивает то,
что в нас давно

бьётся крылышком НАШЕГО лета...
А одёжки примериваем... Ты — там, я —
здесь:
нам считаться с погодой этой?
Мое счастье — навсегда — в паутинке
висит
зачарованного тобой света.

Узор на окнах — как роман

Узор на окнах — как роман —
страничкой света подтверждён,
Мороз в запале рисовал и не испытывал
протест
Ни окон — тонкого стекла, ни нашего
внимания — жест:
Мы были заняты собой и нас скрывал
искрящий свет.

Ты не сомкни в любовный жар
реснички-опахала снова:
Рассматриваю образ свой, я отражаюсь —
в облик новый...
Глаза — сияющим огнём: рисунок
снега — не сотри!
Потом махнёшь ты мне рукой
и подтвердишь: «Ко мне иди!»

И не увидят снегири, окошко —
в кружеве плывёт,
а мы — довольны:
«На, бери, всё, что любовь — сама даёт!»

Истаивая в дым...

Забыть не сможем:
не уймёт разлука боль и грусть.
Вот я твержу себе в обет:
«Я больше не вернусь!»
У нас внутри кипит любовь...,
истаивая в дым...
И лёгким облаком она —
взлелеяна и не видна —

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

летит!
А с ветерком
возможных перемен —
вернётся... и перевернёт
перед уходом от тебя,
черновиков несматый гнёт и плен...
и тайных строк сожжённые слова.

А диалога вовсе нет

Уже упали на ладони
Признаний искренних черты.
Там нашей нежности каноны,
Тобой они утверждены.

И нет неясностей меж нами.
А диалога вовсе нет.
Мы — мыслями на расстоянии —
Даём любви своей обет.

Вместо Меня...

Я не знаю, что так глаго́лило
И истину в нас вызывало чувств?
Но теперь — без тебя — я обездолена
И в сознание своё никак не вернусь...

Я хотела бы видеть бесчисленно
На лице твоём хмурых дождинок след:
Они так бессовестно, не сочувственно
Вместо меня рождают любви обет;

А к тебе не тайком прикасаются;
Вот не надо им дозволения;
И они потом не раскаяться,
Если так и не родится решение...

Они стекут или вытрешь их
Полотенцем никем не вышитым,
Где инициалы умолчены
И тыохранишь их намеренно;

А потом повесишь его на вешалку
Или на гвоздик — всё как придётся...
И не вспомнишь о женщине,
Что так вокруг тебя вьётся, —

Стихом и мыслью направленной
Душу предложив нетленной:
Потому что распознала
Твою одинокую... Суверенную...

Резанов и Кончита — история любви в памяти поколений

Пламенем, постигнутым в глубинах
сердца —
Позволяющем — и самого себя согреть —
Освещается — и невозможно
наглядеться:
Лица — остаются — юным взглядом —
рдеть.

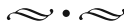
Частота ударов — благосклонна,
верна —
И у капитанов, и у дев — совсем земных,
Не приемлет и на йоту — о напастях
скверны —
В радугах прочитывает — вести —
для живых.

А когда — упрямое сознание —
Выпытает — больше невозможно —
ждать —
Сделает — самым залогом ожидания —
Основания — радуги после дождей —
считать...

И в невероятии прожитого:
Милого их сердцу — не вернуть и не
обнять —
Будут видеть — и века сердитые —
Женщины умеют никогда не изменять.

Таи — до времени...

...И нашептать сумеет ветер —
с порывом — прядкой поиграв,
А ты и взглядом не ответишь —
то дуновение забав...
В тебе же — столько вожделения —
сокрытой неги... Не лукавь —
Отрада — это свежий ветер —
под локоном — улыбка — будто встарь:
Реснички — он не приоткроет —
и блеска нет — раскосых глаз...
О, боже, сладости истома — таи —
до времени — сейчас...



БУЛАТ ТУГЕЛЬБАЕВ

Казахстан, г. Астана



Среди сопок Ерментау (легенда)

*По мотивам легенды, описанной
И. Есенберлиным в романе «Кочевники»*

1.

Среди сопок бесчисленных гор Ерментау,
Ручеёк искромётный когда-то бежал..
Там из трещины в скалах струился нектар.
И к нему приходили кабан и архар.
Там на голых камнях рос и клен и береза,
И паслись на полях беззаботные козы..

Был оазис особо красив на закате,
 Танцевали березоньки в ситцевых платьях,
 В роднике мелодично журчала вода,
 А на небе сияла ночная звезда,
 Лишь в кустах волк скользнет,
 словно серая тень,
 И в тугах гортанно заплачет олень..

Там, бессменный охранник
таинственных гор,
Кружит в небе бездонном
огромный орёл,
А размах его крыльев подобен закату,
Вот о нём я легенду услышал когда-то...
О Аллаха, дай мне мудрость на этот дастан,
Ведь герой его, так же каган Чингисхан...

Вот однажды, устав от военных забот,
Люди войлочных юрт собрались на охоту.
А на месте засады, средь сопок и скал,
Чингисхан вместе с внуком
 устроил привал
И в кустах дед и внук затаились, как тень..
А к источнику вышел горбатый олень.

Бату лук натянул, и услышал в тиши,
Дед ему прошептал, — подожди, не спеши..
И скользящей пружиной
из пойменных трав,
На оленя метнулся огромный удав...
Под удавкой колец затрещали рога,
И свалился олень на ручья берега.

Внук вновь лук натянул, чтоб удава убить,
И опять Темучин попросил не спешить.
И терпения внук натянул удила,
А на небе раздался клекот орла!
И столкнулись в схватке два исполина,
И от эха их битвы дрожала долина..

Миг... удав бездыханный на камне лежал,
Ну а беркут змеиное тело терзал,
Лишь насытившись, с тушей оленьей
 в когтях,
Птица скрылась средь скал и отрогов
 в горах..
А Бату навсегда запомнит картинку,
Так обычного в этих местах поединка..

Бату молвил, — Я может умом не дорос,
Ты ответь, мне, мальчишке,
на этот вопрос,
— Скажи, дед, почему рядом
с тушей быка,
Клюют тушу змеи, что горька и жестка?
И зачем отбирать у удава добычу,
Когда здесь без труда
ты подобное сынешь?

И потом утверждала степная молва,
Сказал хан для потомков такие слова:
— Может будет победа твоя нелегка,
Но милее добыча, что забрал у врага!
— И пусть сабля устала рубить и колоть,
Но приятно терзать ненавистную плоть...

Акын



Украина, г. Северодонецк



Борис Пастернак
Любить иных...

The range of birches bolted
down the wind
Upon the sky remaining their print.

Единственные дни

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И повторялся вновь без счета.
И каждый был неповторим

И целая их череда
Составилась мало-помалу —
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

SYMBOLIC DAYS

by Boris Pasternak

I can't help to remember days,
I know them for winter seasons,
Solstitial days, they'll come again,
Incomprehensible, unique with reason.

By all these days little by little
The usual sequence has been formed
While we without being credent
Believe that eternity's stopped.

I think of nothing else but them:
One part of winter time has gone,
The roofs are crying, roads swam
Under the sun warming on floe.

The lovers as in a happy dream
Attracted to each other hastily,
Birdhouses on the top of trees
Are basking since the sun is mesmeric.

The lazy clock-hands as if by magic
Are barely moving on the clock-face,
The day seems to be long as ages,
It doesn't end. So do embraces.

АВГУСТ

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановую
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охроу
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:

«Прощай, лазурь преображенная
И золото второго Спаса,

Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я — поле твоего сражения.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

Мой перевод:
AUGUST by Boris Pasternak

A stream of sun like saffron gold
Fell down obliquely early morning
From curtains to the davenport
As promised, over again returning.

My country-side with a forest below
My home, my pillow wet with tears,
My books're in summer's scorching glow,
In sunshine's yellow disappeared.

I realized on what sad ground
My pillow 's wet in summer night,
My friends were silent going down
To see me off, to say Good-bye.

Next to each other and in pairs,
It was the sixth day as of old,
Someone remembered that today's
Transfiguration of our Lord.

The light flowing down from the Favor
Seems not to burn, to be our guide.
As clear as the sign from heaven
That autumn day causes delight.

And you have gone to my God's Acre
Treading the thin-leaved alder decking
So ginger as a ritual dry cake,
Eternal peace, tragic, heart-breaking.

At silent tops of trees throughout
The sky was looking solemnly,
For many miles one heard long sounds
Of loud-voiced roosters' glee.

There was a death, a land surveyor,
She stared into my waxy face
And wanted to do me a favour
Making my final resting place.

They sensed someone was
quietly speaking,
That was my prophesying voice,
The voice of a living victim
Who loudly declared his choice.

«So long, Transfiguration's azure,
The golden glow of coming Christ,
Soften my bitter fatal measure,
Let my Beloved become my guide.

«Good-bye!» I said, Your field of action,
To You, my humbled true Beloved.
You challenged against humiliation
And for Your miracle of Love.

Farewell, the years of stagnation,
The poet's free rein and free hand,
The world in words and inspiration,
The wonder of the writing act».

Чувство жизни

Существовать не тяжело.
Жить — самое простое дело.
Зарделось солнце и взошло
И теплотой пошло по телу.

Со мной сегодня вечность вся,
Вся даль веков без покрывала.
Мир Божий только начался.
Его в помине не бывало.

Жизнь и бессмертие одно.
Будь благодарен высшим силам
За приворотное вино,
Бегущее огнем по жилам.

SENSE OF LIFE
by Boris Pasternak

The life isn't hard, existence seems
To be a goal of a skilled player.
The sun has risen, its hot beams
Make our blood run like a stayer.

For all eternity and time
I've owned the world, its open space.
God's Universe wasn't ever mine
This is more recently my place.

Life and eternity're the same.
Be grateful for love portions,
For life and an immortal flame
Kept up by our emotions.

Современная американская новелла

*Дарси МакМертери.**Открытка*

На самом деле, он всегда ощущал её присутствие: Шейла никуда не исчезала, а значит, всегда была рядом. Фрэнк никогда не обижал её, просто он не хотел чувствовать себя одиноким. Он считал, что если он будет знать, где она, то он не одинок, а она всегда рядом.

Ей надоело питаться томатным супом по рецепту Кэмпбелла и поджаренными гренками, и она вызвалась готовить еду сама. Фрэнк никак не отреагировал на это, и ей пришлось тут же пообещать ему, что она никуда от него не сбежит. Из кухни лестница вела в чердачное помещение с решетками на окнах, которое своим мрачным видом напоминало подвал. Вряд ли кому-нибудь захочется проникнуть туда, чтобы украсть потрепанный диван, но вполне возможно, что кому-то захочется выбраться оттуда.

Шейла сдержала свое обещание. Тосты больше не поджарили. Суп был по-домашнему вкусным. Надев свою спецодежду и шаркая ногами, Фрэнк каждое утро отправлялся на работу. Брюки были ему великоваты и висели на нем мешком. Спустя несколько месяцев брюки уже сидели строго по талии и плотно обхватывали его живот. Временами на его лице появлялась довольная улыбка.

Шейла скучала по своей семье, которая, вероятно, считала её погибшей. Иногда она представляла себе обезумевшую от горя мать или умирающих от голода собак, которых больше некому было кормить в опустевшем без неё дворе. Но это была ее жизнь. Фрэнк не был жесток. Фактически, он обеспечил её почти всем, в чем она нуждалась. Не хватало только свободы.

«Мне было бы одиноко», — обычно говорил он.

«Тебе пришлось бы голодать», — отвечала она.

Иногда Фрэнк исчезал на несколько дней и когда возвращался, от него несло перегаром и табаком. Он обычно извинялся и преподносил ей слегка примятый букетик цветов. Однажды она обнаружила карточку, прикрепленную к букету, со словами «Я скучаю по тебе, Эрлин», и в ней вдруг зародилось чувство зависти к этой особе, пока до неё не дошло, что букет он стащил с кладбища.

По характерному скрежету ключа в висячем замке Шейла определяла время. Скрежет раздавался по утрам, когда Фрэнк уходил на работу, и по вечерам, когда он возвращался. Иногда её будил звук металлической дверцы почтового ящика. Счета, рекламные проспекты химчистки или купоны на пиццу, бывало, оставались лежать на полу, забытые Фрэнком.

«Счета никогда не теряются», — говаривал он.

«Как и макулатура», — отвечала она.

В ответ раздавалось негромкое чавканье: Фрэнк молча хлебал свой суп.

Уже два дня от Фрэнка не было известий, как вдруг она услышала жалобный скрип почтового ящика. На дне ящика лежали счета за свет, рекламный листок по обустройству газонов и открытка на её имя, с видом на Большой каньон. Шейла представила себе, как она стоит на краю каньона, а потом падает в бездну.

На открытке было написано от руки:

«Как бы мне хотелось, чтобы ты была рядом», Фрэнк.

Она стала внимательно рассматривать почтовый штемпель, но по нему невозможно было что-либо определить, так как он был размазан. Затем она покрутила карточку в руках, гадая, когда же Фрэнк вернется, и тут вдруг заметила, что марка не проштемпелевана.

Тут она вспомнила, как в старых телешоу люди вскрывали запечатанные конверты, и поспешила на кухню, чтобы вскипятить воду. Подержав марку над паром, она легко её отклеила и затем приклеила к другой открытке с видом на Стену Плача. Эту открытку она однажды нашла в потрепанной Библии.

В графе «Адрес получателя» Шейла указала адрес своих родителей, тот адрес, который она ещё хранила в памяти, и написала пару скупых строк: «Я здесь. И я не одинока».

В конце концов, она никуда не исчезала, а значит, всегда была рядом...

Переводы с немецкого. Генрих Гейне (1797-1856)

Heinrich Heine. Ein Fichtenbaum steht einsam...

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Hoeh';
Ihn schlaefert; mit weißer Decke
Umhuellen ihn Eis und Schnee.
Er traemt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Под снежно-льдяным покрывалом
Не спится печальной сосне.
Ей грезятся жаркие страны,
Где пальмы цветут в тишине.

А где-то в полуденном крае
В горячий от слез вышине
Грустит одинокая пальма
И плачет, и плачет во сне.

Heine, Heinrich. Ich hatte einst ein schoenes Vaterland...

Ich hatte einst ein schoenes Vaterland.
Der Eichenbaum
wuchs dort so hoch, die Veilchen
nickten sanft.

Es war ein Traum.

Und als ich nun ins ferne Ausland kam,
da war ein Maedchen zauberschoenund
blond von Haar zu seh'n.
Es war ein Traum.

Das kuesste mich auf deutsch,
und sprach auf deutsch
(Man glaubt es kaum, wie gut es klang)
das Wort: "ich liebe dich!"
Es war ein Traum.

Г. Гейне. СОН

Опять тоскую по утрам,
Мой край родной...
Фиалковый простор дубрав,
Душа — с тобой!

Когда мне снится по ночам
Девичий стан
И лунный цвет её волос, —
Я снова пьян!

И плачу, слыша в забытии:
«Люблю тебя...»
Но лишь во сне так счастлив я,
Душа моя!

Heinrich Heine. Wenn du mir vorüberwandelst...

Wenn du mir vorüberwandelst,
Und dein Kleid berührt mich nur,
Jubelt dir mein Herz, und stürmisch
Folgt es deiner schönen Spur.

Dann drehst du dich um, und schaust mich
Mit den großen Augen an,
Und mein Herz ist so erschrocken,
Daß es kaum dir folgen kann.

Промелькнёшь случайно мимо,
Платьем чуть коснешься ты,
Страстью непреодолимой
Пламенеет всё внутри.

Обернёшься вдруг, взорвётся
Мир от света глаз твоих,
И в смятенье сердце бьётся
И вослед едва бежит.

Heinrich Heine. Ich grolle nicht...

Ich grolle nicht, und wenn das Herz
auch bricht,
Ewig verlornes Lieb! ich grolle nicht.
Wie du auch strahlst in Diamantenpracht,
Es faellt kein Strahl
in deines Herzens Nacht.
Das weiss ich laengst.

Ich sah dich ja im Traum,
und sah die Nacht in deines Herzens Raum,
Und sah die Schlang, die dir am
Herzen frisst, —
Ich sah, mein Lieb, wie sehr du elend bist.

Гейне. Я не сержусь...

Сержусь ли я? Не скрою — я томлюсь.
Я потерял любовь, но не сержусь,
Ведь свет твоих очей холоден, как алмаз,
Молчание — яснее всяких фраз.

Мне всё понятно — видел я во сне:
Твой светел лик, но чёрною змеей
Твоё слепое сердце душит мрак
И все надежды превращает в прах.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ЛЕТЧИКИ

Ночь была ужасной, краткий сон прерывался странными видениями. Ольга ворочалась на просторной постели и никак не могла найти то заветное место, которое унесло бы ее в сонное царство ночных грез.

Был конец июня. Жара в городе не отпускала жителей ни днем, ни ночью. Большое окно было открыто, но слабый теплый ветерок едва шевелил шторы. Ночь была короткая, если вообще ее можно было назвать темным временем суток. Наконец, к утру ей удалось заснуть. Но что это был за сон — кошмары, как из фантастических фильмов преследовали бедную женщину: она то убегала от кого-то, то летела в небе на белых больших крыльях... а они, вдруг, сломались, и она стала падать на землю; около нее почему-то оказался ее сын, и она то прижимала его к себе, то какая-то сила вырывала ребенка из ее рук.

Ольга проснулась вся мокрая от жары и ночных кошмаров. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь шторы, вырисовывали непонятные рисунки на стене и на потолке. Женщина бессмысленно смотрела на игру этих лучей, пока они не замерли на фотографиях, развешанных у комода. Эти фото дорогих и близких людей вернули ее в сегодняшний день, отбросили от нее страшные картины ночи. На первой был изображен ее муж — Олег, военный летчик; его спокойный несколько насмешливый взгляд говорил ей: «Ну, чего испугалась, дуруха!? Это всего лишь сон! Посмотри в окно — там солнце, щебечут птицы и... все спокойно!» Рядом висела большая фотография, где были изображены она и ее сын. Они оба улыбались, но какой-то искусственной, немного замученной улыбкой — фотограф обещал им в тот момент показать птичку, но она почему-то застряла в его старинном аппарате. А они с сыном все изображали счастливые улыбки — пока не устали. И у них получились натянутые изображения. Ольга все хотела переделать это фото, но никак не могла найти свободного времени, да, и лишних денег на эту затею.

Немного успокоившись от тревожной ночи, она стала думать о том, как лучше провести свой небольшой, двухнедельный отпуск, с сегодняшнего числа, двадцать второго июня, она могла посвятить все свое время только себе и сыну. Правда, сначала надо сделать небольшой косметический ремонт в квартире, она давно уже обещала это сделать своей соседке — старой Марфуше.

В квартире они с ней жили вдвоем; у Ольги была большая светлая комната, окно смотрело на улицу, а у Марфуши комнатка небольшая, окнами во двор, но зато у нее был балкон. После ремонта, мечтала Ольга, надо поехать к сыну в пионерский лагерь, денька на два; если удастся, то она заберет его с

собой — все равно смена кончается двадцать восьмого июня. Конечно, лучше бы ей поехать с мужем, но Олег снова в какой-то командировке. Армия — есть Армия, где солдаты не принадлежат себе! Его командировки были довольно частые; иногда две-три недели, а вот в тридцать девятом году Олега не было около года; когда появился в квартире, она его даже не узнала — худой загорелый со шрамом на лбу, а на гимнастерке горел ярким красным цветом рубиновый орден. Она тогда его спросила: «Где он был?» Олег, смеясь ответил, что сначала испытывал самолет, была авария — разбился, потом лечился на юге; ее не мог предупредить — было запрещено! Уже позже, Ольга случайно узнала, что муж воевал в Испании. А Олег об этом ни разу не сказал! Скрытный у нее муж!

Лежа в постели, Ольга вспоминала, как она с ним познакомилась. Подруга, с которой она работала на заводе, давно дружила с военным, и вот эта подруга и пригласила Ольгу в Дом Офицеров на какое-то празднество. После торжественных выступлений был буфет и танцы. Ольга никогда не считала себя красавицей — стройная фигурка, белокурые волосы, небольшие, но выразительные глаза, немного вздернутый носик. Одним словом — симпатичная! Но от природы очень застенчивая. Вот и тогда она спряталась за колонной и с некоторой завистью наблюдала, как ее подруга весело кружилась в танце с каким-то высоким красивым офицером. Она и не заметила, как к ней подошел и заговорил невысокого роста в летной форме черноволосый офицер. Она мысленно сравнила его с тем красавцем, что танцевал с ее подругой — летчик явно проигрывал. Ольга вежливо ему отказала, сославшись на то, что плохо танцует вальс. Офицер отошел, но когда был медленный танец, он вновь ее пригласил. Ольге отказываться было неудобно, и она согласилась. Олег, так звали молодого офицера, был довольно общительным человеком, с ним ей стало весело. И остаток танцевального вечера они провели вместе. Потом он пошел ее провожать — так они познакомились.

Прошло двенадцать лет, а эта картина их знакомства часто посещала ее в его отсутствии. Олег окончил летную школу и служил в полку, где-то под Ленинградом. Вроде бы и недалеко, а дома он появлялся редко — то наряды, то учения, а о командировках и говорить не хотелось.

Потом Ольга посмотрела на фотографию сына. Странно, но в его лице она не видела ни одной своей черточки — весь был в отца! Мальчику недавно исполнилось десять лет, а он, как и отец, говорил только о самолетах. У сына был музыкальный слух и красивый голос. В школьном хоре ребенок всегда был запевалой. Ольге часто говорили — ребенка надо учить и он станет хорошим артистом. Она часто мечтала о том, как она в театре будет слушать, и видеть на сцене своего сына. Год назад Ольга его за руку привела в Дом Пионеров и записала в хоровой кружок. И что произошло! Ребенок неделю там позанимался и ушел в авиамodelьную секцию. Как он объяснил ей: «В хоре занимаются только девчонки и недоделанные мальчишки, а я хочу быть летчиком, как мой папа!» Ольга пробовала его убедить, что профессия артиста более привлекательная, чем беспокойная жизнь военного летчика. Все было безрезультатно — сын был таким же упрямым, как и его отец! Ольга сдалась и больше не перечила сыну в выборе профессии. А отец, который редко бывал дома, никогда не вступал в их споры, но зато всегда говорил,

что страну будут защищать не артисты, а военные. Он был прав, и с ним нельзя было спорить.

А сейчас сынок отдыхал в пионерском лагере, где-то под Новгородом. В этом месте Ольга никогда не была, но ее подруга туда ездила и по приезде рассказала ей, что этот лагерь находится в Демянске — это сто километров от Новгорода. Природа там очень красивая: есть большое озеро, речка, сосновый лес дает чистейший воздух; а в лесу много всяких ягод и грибов; дети живут в летних домиках, кормят их хорошо и они все довольны отдыхом. Ольга с завистью слушала рассказ подруги и все мечтала туда съездить в отпуске, она и мужа уговаривала поехать туда, но у того очередная командировка. И когда он появится дома — неизвестно!

Ольга еще долго перебирала в уме, что ей надо сделать в отпуске, как вдруг резкий стук в дверь вернул ее в сегодняшний день.

«Оленька, вставай! По радио передали — Война!»

Ольга быстро вскочила с кровати, накинула халатик и побежала к двери. А у самой в голове стучало слово «Война». Какая «Война»! Может старушка что-то перепутала, муж ей говорил, что их страна очень сильная и на нее никто не посмеет напасть. А если это произойдет, то мы ответим быстрым ударом и отбросим любого врага от наших границ.

Женщина включила приемник; откуда твердый мужской голос говорил о начале «Войны». На календаре черными цифрами было написано — 22 июня 1941 год.

Ну, это все же случилось — и ей надо срочно бежать на фабрику и узнать, как вернуть ребенка из пионерского лагеря. Старушка-соседка, которая пережила Гражданскую войну, сразу ей сказала, что надо бежать в магазин и прикупить соль, спички и крупу. Ольга с ней согласилась и дала денег на покупки, но предупредила, что сама сначала сбегает на работу, а потом подойдет к магазину и поможет ей.

Около проходной фабрики Ольга встретила подругу, сын которой тоже отдыхал в пионерском лагере. Та рассказала ей, что предприятие выделило им автобус и через два часа женщины, а их было десять человек, отправляются за своими детьми. Подруга посоветовала ей взять теплые вещи и немного чего-нибудь съестного. Ольга побежала к магазину, предупредить соседку о своем срочном отъезде. Там, где они договорились встретиться, соседки не было, а двери магазина были закрыты, на них красовалась надпись «Магазин закрыт на переучет». Тогда она побежала домой, готовиться к отъезду. Там встретила расстроенную соседку, которая сообщила ей, что обегала весь район, и только в одном ларьке сумела прикупить немного крупы и спичек. Ольга успокоила старушку словами, что на съестных складах много продуктов и им что-нибудь достанется. Соседка с сомнением покачала головой и ничего ей не ответила.

Собрав нужные вещи, Ольга поспешила к проходной. Там уже собрались все женщины, дети которых отдыхали в пионерском лагере. Они не разговаривали между собой, только изредка перебрасывались короткими фразами. Скоро подъехал автобус, вернее, грузовой автомобиль с металлическим верхним покрытием и хлопающими задними дверями. Шофер, всем известный пожилой дядя Коля, виновато посмотрел в сторону женщин и произнес, что

он не ручается за это старое авто, но постарается сделать все возможное и невозможное. Когда его спросили: «А где же новые машины?» Он тихо ответил: «Их забрала Армия для переброски войск в сторону границы!»

Шоссе между Ленинградом и Новгородом было сплошь забито машинами и повозками. Автомобили с солдатами ехали в сторону Новгорода; им уступали дорогу, поэтому образовалось много заторов. Со стороны Новгорода ехало больше гужевого транспорта.

Вместо пяти часов езды до Новгорода, женщины добирались около суток. Что запомнилось в дороге — это посеченный осколками грязный автобус, в котором сидели какие-то странные существа, похожие на детей, и в то же время, у них было сходство с манекенами или зомби. Дети не разговаривали, не смеялись, а все смотрели куда-то в сторону, не замечая ничего вокруг себя. На остановках женщины слышали разговоры, что в небе появились немецкие самолеты, которые бомбили железнодорожные станции, предприятия и мосты.

Только через двое суток женщины добрались до пионерского лагеря, где их встретила пустота и разруха. На центральной площадке, где развевался еще флаг лагеря, было две глубоких воронки от взрыва бомб. Двери у домиков были выломаны, видимо, ударной волной, стекла разбиты, крыши посечены осколками и пулями. Но следов крови нигде не было. Местные жители сообщили им, что детей вывезли в сторону железнодорожной станции Лычково, а оттуда собирались отправить на поезде в Ленинград.

Через пять часов женщины добрались до Лычково, где их ждало страшное известие. Два дня назад на железнодорожную станцию Лычково было совершено нападение — немецкие самолеты утром разбомбили три эшелона: один был с детьми из пионерского лагеря, второй — с военной техникой, третий — с военнослужащими, которые отправлялись на фронт. Больше всего не повезло детям. Их эшелон только отъехал от станции, как сразу попал под бомбы фашистов. Из всего эшелона — четыреста человек, спаслось около тридцати ребятишек, которых на автобусе отправили в Ленинград. Ольга сразу вспомнила о том искореженном автобусе, в котором находились дети похожие на зомби. Может в нем был и ее ребенок!

Погибших детей, солдат похоронили на небольшой площади, около вокзала. На свежей насыпи лежали детские игрушки и три солдатских каски. Никаких надписей — кто похоронен, не было. Просто сделали братскую могилу для всех погибших при этой бомбежке. Женщины пытались выяснить у начальства станции — где списки похороненных детей, но им ответили, что все сопровождающие детей взрослые погибли и тоже похоронены в общей могиле.

Понадеявшись на чудо — что их дети остались живы и сейчас находятся в пути к дому, женщины стали торопить шофера быстрее вернуться в Ленинград. А у того возникли проблемы с мотором, с горючим. Шофер провозился с машиной около суток. Когда их автобус выбрался на шоссе Ленинград — Москва, дорога изменилась до неузнаваемости: по обочинам виднелись кузова разбитых машин, какие-то детали вперемежку с частями телег, кучами были собраны недалеко от проезжего пути. Свежие холмики земли виднелись со всех сторон. Дорога была изуродована воронками, и

шоферу приходилось часто останавливаться, чтобы найти подходящий путь. Так женщины проехали километров двадцать, как вдруг увидели, что едущие им навстречу машины останавливаются, а люди выскакивают из них и бегут подальше от дороги, в лес.

Шофер, дядя Коля, резко затормозил, повернулся к женщинам и громко крикнул: «Девоньки, самолеты! Сейчас бомбить будут! Бегите в лес!» И сам тут же выбросился из кабины и скатился в кювет. Женщины сначала не поняли, что же происходит. Но когда увидели, что на них на небольшой высоте несутся самолеты, а сзади них видны взрывы, то попытались выбраться из своего автобуса. Но было слишком поздно — одна из бомб попала в машину, вместо которой на дороге образовалась большая воронка, и два железных листа от крыши медленно сползли на ее дно.

Так погибла Ольга со своими подругами! Что она подумала в последний момент — уже никто не узнает. Может, это были мысли о сыне или муже.

Ее муж, Олег, был направлен по командировке под Брест, для усиления истребительного полка. Но там, видимо, своих летчиков хватало, и его перебросили в авиационный полк, который базировался у города Шяуляй. В этом истребительном полку было три эскадрильи: две на истребителях И-16, одна — на И-15. Рядом в ста двадцати километрах от Шяуляя проходила граница с Германией. Близость врага Олег ощутил довольно быстро. Военные учения Прибалтийского военного округа не останавливались ни на один день. Немецкие самолеты-разведчики ежедневно пролетали вдоль границы, и Олег почти в каждом полете видел своего врага. Но атаковать вражеский самолет не мог — не было приказа!

Начало войны для Олега и всех его товарищей было неожиданно и трагично. 22 июня Олег должен был ехать в город; он встал пораньше, половиня пятого, чтобы привести себя в выходной вид. Вышел из казармы и сразу услышал гул самолетов. Он видел, как немецкие истребители расстреливали дежурную эскадрилью, которая не могла подняться в воздух без приказа командования части.

Олег вернулся в казарму и громко крикнул: «Ребята, война!»

Кто-то сонным голосом ответил: «Не мешай спать — я после наряда!»

Не прошло и пяти секунд, как немецкие истребители стали поливать свинцовым огнем все жилые постройки воинской части. Те, кто не был ранен, побежали к ангарам — там, в укрытии, находились их самолеты.

Несколько советских истребителей сумели взлететь, и Олег вместе с ними. Эта небольшая горстка, остатки полка, полетела на границу. Граница была прорвана, немецкие войска колоннами продвигались на нашу территорию. Наши истребители открыли по ним огонь. Израсходовав весь свой боезапас, самолеты вернулись на разбитый аэродром. К концу дня на аэродроме осталось всего десять целых самолетов, которые опытные летчики перегнали в Ригу.

Личный состав полка начал отступление только на следующее утро. Отступали на грузовиках, на бензозаправщиках, на гужевом транспорте. На аэродроме, в городе Рига, Олегу удалось сделать один вылет на разведку. При бомбардировке аэродрома осколком Олег был ранен в плечо. На попутном автомобиле его с другими ранеными перевезли в город Ленинград. Там в

госпитале он провел около двух месяцев. Несколько раз пытался узнать о жене и сыне. Все было безрезультатно — город бомбили! Везде была неразбериха и сумятица. Вражеское кольцо вокруг города сужалось — и до его просьб никому не было дела!

Подлечившись, Олег вернулся в свой истребительный полк. Полк вел боевую работу по прикрытию «Дороги жизни», сопровождению бомбардировщиков и штурмовиков.

Несколько раз Олег пытался отпроситься у начальства в небольшой отпуск, чтобы выяснить все о своей семье. Наконец, получив долгожданные «двадцать четыре часа», Олег на попутной машине приехал в Ленинград и направился к своему дому. Вместо старинного пятиэтажного строения летчик увидел развалы из камней и огрызок стены, чем-то напоминающий сломанный зуб. На втором этаже этого огрызка была открытая дверь, которая приглашала зрителя в стену соседнего дома. Он обошел эти развалины, посидел на камне и пошел на фабрику, где работала его Ольга.

На предприятии, заваленном каким-то мусором, едва теплилась рабочая жизнь. В здании проходной женщина-вахтер, в телогрейке и противогазом на поясе, объяснила ему, как найти начальство. Пробравшись сквозь мусор и разбитые стены в полуподвальное помещение, Олег увидел сидящих за столом старика и молодую женщину, которые оформляли документы. Они выслушали его вопрос об Ольге, потом стали рыться в папках. Наконец, молодая женщина нашла какой-то документ, в котором было сказано о пропаже десяти работниц фабрики, которые уехали на заводском автобусе за своими детьми. Что с ними произошло — точно никто не знает! Шофер автобуса, который появился на фабрике через месяц, после тяжелой контузии, потерял частично память. То он говорил, что женщины с детьми уехали на поезде и бросили его на дороге, а иногда, когда у него было просветление, рассказывал о бомбежке на дороге, где он чудом спасся, а все остальные погибли в автобусе. Олег узнал адрес этого шофера, и через час был у его дверей.

Район, где тот жил, находился далеко от предприятия, и потому его дом уцелел от артобстрелов. Дверь открыла пожилая женщина, которая, узнав о причине прихода военного, сразу провела того в полутемную комнату, где на железной армейской кровати, покрытый рваными одеялами спал старик. Женщина разбудила старика и сказала, что к нему пришли с фабрики. Услышав слово «фабрика», старик заинтересованно посмотрел на военного и спросил: «Что вспомнили про меня и принесли что-нибудь поесть?» Олег быстро сообразил, что голодный старик ему ничего не расскажет. И он достал из вещмешка буханку хлеба, банку мясных консервов, пакет с крупой и несколько кусков сахара. Потом достал фляжку и отлил в стакан немного разбавленного спирта. Увидев такое обилие съестного и выпив немного спирта, старик ожил, глаза его заблестели, и он четко и ясно стал рассказывать о своем путешествии в пионерский лагерь с женщинами на автобусе. Рассказал о гибели детишек на станции Лычково, где около здания вокзала они все и похоронены, потом подробно описал обратный путь в Ленинград и гибель женщин от бомбежки. Что он еще запомнил — так это рисунок на самолете, который расстреливал людей на шоссе, — «Туз пик». Поговорив еще немного со стариком, Олег понял, что война отняла у него семью —

жену и сына. И теперь его задача — мстить этим фашистским нелюдям, которые так жестоко расправляются с беззащитными людьми.

Немецкий самолет с рисунком «Туз пик» принадлежал фашистскому ассу Генриху фон Корфу. Точнее сказать, что эскадрилья, которой принадлежал этот летчик, имела на фюзеляже самолета этот рисунок. Генрих фон Корф происходил из старинного немецкого рода, его предки были участниками крестовых походов, и об этом у него дома хранились письменные подтверждения. Все мужчины этого рода во все времена были военными. Отец Генриха в Первую мировую войну тоже был летчиком, но ему не повезло, не провоевав и месяц, он был сбит, чудом остался жив, потеряв одну ногу. После выздоровления он занялся бизнесом — был владельцем завода по производству военной техники. Старинный дом, в котором жил Генрих, находился недалеко от этого завода. И когда Генрих учился в летной школе, то во время полетов всегда ориентировался на заводскую трубу своего завода. Он говорил часто отцу, что если вражеские самолеты появятся в небе их города, то завод и их жилище будет первой целью, куда упадут бомбы врага. Отец, смеясь, ему отвечал: «Милый Генрих, у нас много таких храбрых летчиков, как ты! И они не допустят трагедию Первой мировой войны!»

После окончания летной школы, Генрих воевал в Испании на стороне Франко. Там он ближе познакомился с самолетами противников, и понял, что германский истребитель Me-109 является лучшим самолетом. И вся подготовка немецких летчиков, тактика ведения боя тоже были на высоком уровне. После Испании, где он зарекомендовал себя храбрым и опытным воином, Генрих воевал на английском фронте, откуда его эскадрилью перебросили на русский фронт. Начало войны с русскими для него было вроде забавы — в небе господствовали немецкие самолеты, большинство русских авиационных частей было уничтожено в первый месяц военных действий. Генриху приходилось летать совместно с бомбардировщиками для уничтожения наземных целей: вокзалов, заводов, уничтожать технику и живую силу на дорогах.

Семейная жизнь Генриха тоже сложилась довольно удачно — его жена Эльза, из старинного немецкого рода, была ему верной подругой и помощницей. У них был одиннадцатилетний сын, который, как и отец собирался стать летчиком, занимался в планерной школе и делал видимые успехи. Все у Генриха складывалось, как нельзя лучше — хорошая семья, отличная работа, успехи на службе! Но война — есть война! Она требует больших жертв и от военных, и от гражданских.

В начале ноября Генриха вызвали в штаб, где сообщили печальное известие — его жена, отец, мать погибли при бомбежке их города. Кто бомбил — трудно сказать! Сначала думали, что англичане, а по сбитым самолетам, оказалось — русские! Как они могли пройти все заградительные заставы — загадка! Наверно, операция была проработана совместно с англичанами! Еще ему сообщили, что его сын живой и здоровый и сейчас находится на попечении государства, и ему не надо беспокоиться о нем.

Вот так, в один момент, Генрих потерял родителей и жену!

Летчик ожесточился в бою, и если раньше он искал только военные цели, то сейчас всякая движущаяся фигура на земле была в его прицеле. Эскадри-

ля Генриха базировалась недалеко от осажденного Ленинграда, ее задачи были охранять бомбардировщики, которые утюжили переднюю линию русских войск и не допускали провоз продуктов в город.

Олег, который служил в этом же районе, иногда видел немецкие самолеты с рисунком «Туз пик», но встретиться в бою с ними у него не получалось. Но неожиданный случай свел все же его с этими самолетами. Правда, для него этот бой чуть ли не стал последним!

Утром, самолеты из эскадрильи Олега вылетели для сопровождения штурмовиков. Облачность была на высоте тысяча метров, поэтому самолеты летели чуть пониже облаков. Задание было обычное — довести штурмовиков до цели, охраняя их от истребителей противника, дать им выполнить их «работу» и «привести» наши самолеты назад в целости и сохранности. Главное правило летчика-истребителя — увидеть первым врага и сразу атаковать. Олег летел над штурмовиками, крутил головой — вверх, влево, вправо. Все вроде бы было спокойно, и тут услышал в наушниках крик: «Мессер сверху!» Автоматически он дернул ручку управления вправо. Его самолет шарахнулся в сторону, и тут он увидел свинцовую трассу рядом с кабиной. Около него на небольшом расстоянии мелькнул немецкий истребитель, на его борту был нарисован «Туз пик». Олег сразу устремился за ним, успев в свою очередь вклепить свинцовый подарок неприятелю. Его атака была бы успешной, если бы у самолета врага был поврежден мотор или ранен летчик. Но этого не произошло! Зато, второй немецкий истребитель, которого Олег не заметил, подбил его самолет, который загорелся. Олег вывалился из кабины падающего истребителя. Высота была не более пятисот метров, он протянул еще метров сто и рванул кольцо парашюта. Приземлился довольно неудачно — сломал руку и ногу.

Территория падения была наша, поэтому его быстро подобрали советские солдаты и переправили в медсанбат. Там летчик пролежал около двух месяцев, потом вернулся в свою часть и успешно воевал там до снятия блокады Ленинграда.

В 1944 году полк Олега был перебазирован на Южный фронт и располагался в горах Кавказа, недалеко от Черного моря. На то время побережье еще было занято немецкими войсками.

Генрих фон Корф со своим полком тоже был в этом районе. Их авиационная часть занимала бывший советский аэродром около города Сочи. В его жизни произошли небольшие изменения — в один из отпусков в Германию ему пришлось взять с собой на фронт своего пятнадцатилетнего сына. Сначала он отказывал тому в поездке на фронт, но потом передумал. Германию часто бомбили американские, английские, русские самолеты, и потому Генрих решил, что от судьбы не уйдешь — сидеть в подвале и трястись — это не мужское занятие! Мужчина — должен воевать! Сын к этому времени уже хорошо летал на планере, так что переучить его на легкий самолет — не представляло особого труда.

На бывшем русском аэродроме, в ангаре, был старый учебный самолет У-2. Его починили, и в течение двух месяцев сын Генриха хорошо освоил эту машину. Генрих фон Корф был командиром истребительного полка, поэтому и своего сына он зачислил в это подразделение. Задачу ему он поставил

простую — почту, посылки его сын должен был доставлять в соседние воинские части, которые базировались в горах. Сначала он подстраживал сына в полете, но вскоре убедился, что мальчик со своей задачей справляется легко. И он разрешил тому летать одному, но только в хорошую погоду. Он знал, что на войне застраховаться на все случаи невозможно.

Так оно и произошло!

Истребительный полк русских находился в ста пятидесяти километрах от черноморского побережья, и военные самолеты часто встречались в небе. В горных массивах, где летал сын Генриха, они появлялись реже — там не было пространства для ведения боя.

Однажды, как обычно, его сын перевозил почту, он летел на низкой высоте, почти вплотную прижимаясь к кромкам деревьев. Неожиданно сбоку около него промчались два русских истребителя. Мальчик от неожиданности рванул ручку управления в сторону — его самолет завалился на бок и рухнул на каменный склон. Горючее вспыхнуло и через пять минут на месте падения самолета остался только обгорелый склон горы.

Генрих тяжело переживал гибель сына и поклялся, что за его смерть пять советских истребителей тоже найдут свой конец в этих горах. Похоронил он сына у моря, на каменистой возвышенности, недалеко от аэродрома.

Олег, который был причиной смерти сына Генриха, совсем не собирался уничтожить этот «почтовик» с фашистскими крестами на крыльях. Его просто удивило, что учебный советский самолет, на котором он и сам когда-то учился летать, немцы приспособили для своих целей. Олег с напарником прочесывали горные хребты, выходящие к морю. У них была конкретная задача — на карте отметить скопление фашистских войск в горных хребтах, а, заодно, если получится, сцепиться с истребителями Люфтваффе, которые устроили где-то аэродром, и иногда появляются на освобожденной территории. Он уже несколько раз летал в этом районе, но нигде не мог найти этот спрятанный аэродром. Тогда он решил спуститься на место погибшего «почтовика», и ущельем пролететь в сторону моря. Несколько раз ущелье заводило его в тупик, но на одном из поворотов он и увидел выход к морю и площадку, на которой устроились немецкие истребители. Внезапно выскочив на этот вражеский аэродром — он опешил: под ним в спокойной, ленивой обстановке располагалась эскадрилья «Туз пик».

Охрана аэродрома была крайне удивлена появлением русских истребителей. Первое желание у Олега было воспользоваться внезапностью и уничтожить два-три истребителя. Потом он сообразил, что на первом же заходе его срежет из пулеметов охрана — этот аэродром был маленький и там развернуться для масштабного боя было просто невозможно. Тогда Олег отпускает своего напарника на свой аэродром, чтобы тот сообщил местоположение немецких истребителей; по радио передать эту информацию было невозможно (в горной местности радиации плохо работали).

Поднявшись на высоту две тысячи метров, он стал спокойно кружить по квадрату аэродрома, покачивая крыльями. Этим он давал сигнал немецким летчикам, что вызывает на честный бой любого из них. Сделав несколько очередей из пулеметов, охрана замолчала, видимо, получила приказ зачехлить пулеметы.

Внизу, на командном пункте, Генрих сказал своим летчикам: «Это будет первый русский самолет, который будет лежать у могилы сына!» Заодно он дал приказ всем готовиться к бою, так как русские бомбардировщики и штурмовики скоро появятся здесь.

Генрих быстро подошел к своему истребителю, взлетел и стал набирать высоту для боя. Олег не делал никаких попыток атаковать поднимающийся самолет. Едва тот достиг нужной высоты, как наш летчик, словно коршун, набросился на свою жертву. В небе началась бешеная круговерть. Никто из летчиков не мог взять верх над противником. После десятиминутного боя оба самолета были изрешечены пулями и снарядами. А два летчика были ранены: Генрих в обе ноги, а Олег в левое плечо. Двигатели обоих самолетов стали давать сбои. Вскоре у Генриха самолет стал неуправляемым, и тогда Олег, у которого был расстрелян весь боезапас, решил пойти на таран. Его положение было более выгодным — он был сверху. Отжав от себя ручку управления, он плюхнулся на самолет врага. И оба истребителя камнем полетели на землю. Скоро появились два парашюта — это раненые летчики выбросились из своих погибших истребителей.

Перед отправкой в госпиталь, Генрих отдал своим подчиненным указание — за героический бой сохранить русскому летчику жизнь, пару дней подлечить его в санчасти полка, потом отправить в высокогорные аулы к альпийским стрелкам, чтобы те переправили его на советскую территорию.

Напарник Олега так и не долетел до своей части. Он был сбит немецким летчиком недалеко от своего аэродрома.

Закончилась война. Олег и Генрих остались живы. В пятидесятые годы Генрих приехал в Сочи на могилу к своему сыну. Там, где был аэродром, он увидел большую строительную площадку. Генрих спросил у местного жителя, куда перезахоронили немецких солдат? Тот, усмехнувшись, махнул рукой в сторону заросшего ущелья. Генрих спустился в ущелье — там, среди мусора, камней, он увидел несколько человеческих костей. Тогда Генрих понял, что он потерял не только сына, но и место его захоронения. Купив большой красивый букет из можжевельника и роз, он сел на теплоход «Сочи — Туапсе», и когда проплывал около бывшего аэродрома, спустил цветы на воду. Там в букете были аккуратно уложены три пакетика с леденцами, в виде фигурок самолетов. В детстве его сын любил лакомиться этими конфетами.

На другом конце России, на незаметной станции Лычково, недалеко от здания вокзала стоит неприметный памятник, который сразу можно и не заметить. Но один день в году он преображается — покрывается цветами и детскими игрушками. Там похоронены дети страшного сорок первого года. Среди игрушек можно увидеть и деревянный самолетик — подарок Олега своему ребенку.

*Владимир Серов
(Россия, г. Саратов)*

АТАКА

1

Стоял июнь сорок третьего.

Иван сидел в окопе на пустом, патронном ящике и пил из кружки кипятка вприкуску с небольшим кусочком сахара. У солдат существовало поверие — в бой надо идти только натошак, чтобы не было заражения, если получишь пулю в живот.

О предстоящей атаке бойцы узнали утром от взводного, но Иван уже догадывался об этом по некоторым признакам: третьего дня в роту пришло пополнение, вчера пополнили боеприпасы и выдали сухой паёк на трое суток, а старшина принёс из хозвзвода несколько фляжек спирта.

После «утреннего чая» он стал готовиться к бою. Проверил автомат ППШ, набил ещё два диска патронами. Подготовил гранаты, вставив в них запалы. Финку, что находилась в вещмешке, засунул за голенище правого сапога, потом потряс свою флягу на предмет воды: она было полна на четверть.

Примерил каску, надев её на пилотку, — не жмёт ли?

«Ну, вроде всё!» — подумал Иван.

— Здорово, земля! — сказал Рахим, подходя к нему.

— Привет, татарин! Садись, в ногах правды нет, — ответил Иван, указывая на ящик, лежащий рядом.

— У тебя махра есть! — спросил Рахим, присаживаясь рядом.

— Тебе же Коран запрещает табак, — усмехнулся Иван.

— Я воин, борюсь с нечистью, и если что, попаду прямиком в рай, потому мне можно и курить, и выпивать, — тоже шутя, ответил Рахим.

— Тогда кури, коли так, и выпей сто граммов перед боем, — и Иван протянул ему кисет, сам он водку не пил из принципа, говоря: «Вот за Победу я выпью!»

Оба родились в Саратове, оба призывались из одного военкомата, там же и познакомились, только Рахима призывали по сроку, а Иван пришёл сам, отказавшись от «брони», которая ему была положена как токарю на военном заводе. Разница в возрасте составляла не более пяти лет, но Рахим считал друга бывалым воякой, а себя — нет, потому что три месяца проходил военную подготовку, а Иван уже отслужил в армии ещё до войны.

Кроме того, о его бывалости говорили две красные нашивки за легкие ранения и медаль «За отвагу».

Они были не похожи с виду: Иван коренастый крепыш, со светлыми волосами, серыми глазами и носом «картошкой», Рахим же отличался субтильным телом, волосами черными, носом «с горбинкой» и раскосыми карими глазами.

— Что-то я не вижу смысла в этой атаке. Как ты думаешь? — спросил Рахим.

— Думаю, смысл есть, пусть не очень большой, но имеется! Например, там, в деревне, наши люди под немцем...

— Ну, это ясно!

— Не перебивай! А в тактическом плане нужно выбить фрицев из деревни, пока они серьёзно окопаться не успели за неделю, что там сидят. У них позади деревенька, а слева от неё наши к шоссе вышли. Получается небольшой выступ. Если мы справа ударим, они в окружении окажутся. Догнал?!

— Ага!

2

По цепочке передали: «Приготовиться к атаке. Сигнал — зеленая ракета». Через пять минут загрохотала полковая артиллерия — били по переднему краю немцев, а затем огонь переместится на околицу деревни.

Иван, предварительно надев каску, смотрел на разрывы снарядов и мин и не заметил, как два танка Т-34, выехав на опушку лесочка, устремились к нашим окопам.

Как только они пересекли наш «передок», взвилась зеленая ракета.

— Пошли, ребята! — крикнул взводный.

За танками бежали молча, глотая пыль и гарь дизтоплива, стараясь держаться по следу гусеницы, так было меньше шансов подорваться на mine.

Когда канонада прекратилась, Иван заметил, что вокруг свистят пули и визжат, ударяясь о борта и башню танка.

Он крикнул Рахиму, чтоб бежал около, и дал влево очередь из ППШ.

— Держись правее, видишь, слева ихний пулемёт лупит!

Поздно!

Парень вдруг согнулся как бы пополам и, пробежав ещё пару шагов по инерции, упал, держа за левый бок.

Иван было кинулся к товарищу, но понял, что отставать нельзя, и вновь побежал за танком, досадуя на себя, что не смог помочь.

Он оглянулся, к Рахиму уже бежала санитарка Галина.

К этому времени танк уже расправился с пулемётом, а впереди уже виделись рогатки проволоочных заграждений и следом вражеский окоп.

Когда танк придавил рогатку, Иван метнул в окоп гранату. Ещё минута и боец прыгнул в окоп, заранее полоснув вдоль него.

Двое фрицев лежали навзничь, держа в руках карабины.

Иван проверил, может живы. Нет! Оба были мертвы.

На их лица он старался не смотреть. Иван хорошо помнил бледное лицо, искаженное гримасой боли, первого убитого им фашиста, с тех пор и не глядел на убитых.

Он вылез наверх и принялся догонять свой танк.

3

Деревня оказалась пуста. Видимо, немцы отступили загодя, оставив лишь боевой заслон, только на западном краю деревни одиноко полыхал грузовик, чадая черным, распространяя резиновую вонь.

В полукилометре от деревни проходило шоссе, там стояли танки, что принимали участие в атаке, один из них, задрав ствол, стрелял куда-то вдаль.

Раздалась команда на построение.

Солдаты стояли на стойке «смирно», когда перед ними появился комроты.

— Молодцы, ребята! — сказал он, отдав честь.

— Служим Советскому Союзу! — хором ответили бойцы.

— Вольно!

Затем к нему подошли командиры взводов.

Иван сидел возле колодца и пил теплую воду из своей фляги, поскольку знал, что колодезную воду сейчас пить нельзя. Бывало, когда фашисты отравляли воду перед отходом.

К нему подошёл взводный.

— Поступила команда: нашему взводу проверить деревню — не осталось ли где мин и оружия.

— Думаю, мин там нет! Уж, больно прытко они сбежали, но глянуть, конечно, надо.

— Шас, саперы подтянутся и пойдем, — ответил тот, кивнув головой в сторону тыла.

— Есть! А ты не знаешь, что там с Рахимом, я видел, как он упал.

— Обошлось! Галинка вовремя подскочила, крови потерял немного, пуля по касательной прошла на вылет по левому боку. А так потерь нет, двое раненых.

— Ну, и ладно! Наверное, он ещё не скоро в рай попадет, — сказал Иван.

— Ты о чём?! — удивленно спросил взводный.

— Да, так! О своём! — усмехнулся рядовой.

Тут явились сапёры, двое пошли с Иваном по домам первого порядка деревни.

Мин и оружия они не обнаружили, а вот живых в домах и сараях было достаточно: женщины, старухи, деды и дети.

Где-то к пяти вечера к ним подошёл взводный и, собрав всех, произнёс:

— У меня две новости, одна отличная, другая не очень.

— Давай, сначала хорошую! — выкрикнул кто-то.

— Ладно! Нам дали сутки отдыха... вернее, нашей роте.

Бойцы довольно загудели.

— А «не очень» эт какая?! — спросил Иван.

— Кухни сегодня не будет! — сказал командир.

— Ну, то не беда! Есть сухпай, — за всех ответил какой-то солдат.

— А где ночевать? — сказал Иван.

— Надо вас распределить по хатам, — ответил взводный.

Отделению Ивана досталась хата с подворьем на южной окраине деревни. Ее с трех сторон окружал сад, где виднелся сарай с худой крышей.

Когда пришли к воротам, к ним вышла хозяйка — дородная светловолосая женщина лет под сорок.

— Доброго здоровья! Прошу в хату, сейчас вечерять будем, — сказала она.

— Здравствуйте! Вот это дело! — радостно ответил Иван и произнёс, указывая на сарай, — а ночевать я буду на сеновале.

— Там сена нету, всё немцы выгребли подчистую.

— Вот гады! Тогда буду спать на свежем воздухе, — пошутил он.

На столе стояли чугуны с картошкой и глубокое блюдо с мочеными яблоками, и ещё лежал пучок зеленого лука, а на лавке сидели рядом трое ребятшек — пацан и две девчущки.

— Извиняйте, соли и хлеба нету! — печально сказала женщина, разводя руками.

— Давай, ребята, мечи на стол, что у кого есть! — почти приказал бойцам Иван.

Появились и соль, и сахар, и сухари, и сало и ещё пять банок американской тушенки.

У детей разгорелись глаза от этих яств.

«Голодные сидят всю дорогу. Эх, мать её так!!!» — со злостью подумал Иван.

А когда пили чай из смородины, он спросил у хозяйки.

— У тебя муж есть?

— Как не быть?! Где-то воюет, год писем не видела. Да, и куда писать, мы же под немцем были. Надеюсь, живой. Без мужика, ох, как тяжело!

— Верь! Жив он, я знаю! — заверил её Иван.

После проведенной ночи, когда пришла пора уходить, он напоследок оставил семье все сухари, весь сахар и тушенку. Так же сделали ещё трое солдат.

4

В сводках Совинформбюро за этот день сообщалось:

— Бои местного значения с целью выравнивания передовой линии обороны.

Сколько было таких атак, и не сосчитаешь!

Но всё они приближали День Победы.

Р.С. Иван всё-таки выпил за Победу, которую встречал вместе с Рахимом где-то в пригороде Берлина.

*Ирина Уральская
(Казахстан, г. Уральск)*

НЕУМИРАЮЩИЙ СНЕГ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ 5

МАРИНА ЖИВАЯ

Прощай, моё увядшее столетье.
Растаял снег на волосах,
Кузнец со скрипочкой о лете
Уж не споёт на травах и басах...

Прощай, моё заблудшее, живое,
Не разведённое тоской,
Упавшее в колодезь слово,
Родившееся под рукой.

Прощай, мой ангел безупречный,
Хранивший мою грудь от стрел,
Водивший за руку от печки,
Оставшийся вдруг не у дел..

Прощай и здравствуй, вечность круга
(Круиз беспечных в мире душ),
А может быть, квадрофигура
или овал прозрачных груш....

Прощай, пока, мой друг любезный,
Я с поцелуем на челе,
Плыву по радуге над бездной
В волшебном золотом челне...

Ирина Уральская

Паша не приходил. Байкальское лето закатывалось быстро. Это было видно по холодеющей воде, по красным листьям кустов. Личное оседало на дно, нужно было находиться всё время на людях, нельзя было уединиться и подумать обо всём.

День получки был радостным днем, 85 рублей, не считая 45 рублей аванса (уже давно полученных), по меркам этого региона — небольшие деньги,

но деньги. Получив зарплату, бежали в Северобайкальский промтоварный магазин. Разглядывая товар, шептались — цены превышали зарплату. Разве что косметику можно было купить польскую. В магазине и увидели Николая, друга Павла.

— Привет, Коля, как дела? Что нового?

— Марин, привет, ну ты даешь! Пашка болеет, а она и носа не кажет.

— А что с ним? — сердце зашипало от надвигающейся беды.

— Несчастный случай на работе. Кронштейном от крана так садануло...

Прям в пах!

— Что, сильно плохо ему?

— На больничном, ходит потихоньку.

Девушки заволновались и, стесняясь расспросить, кивали головами. Николай заторопился и ушел. Лёля и Марина тут же поехали в тоннельный отряд № 16. Вышли на трассу, махнули, и тут же их подобрал один из камазов. Немного не довезли до барачного здания, где жил Паша. Спустившись с автомобильной насыпи, пошли берегом Байкала. День был ярко-солнечным и вода Байкала синела, как будто раскрашенная акварелью. Недалеко лежали блестящие, обкатанные водой блестящие валуны. На них сушилось разноцветное бельё. Картина была яркой и сюрреалистичной. С удивлением увидели Павла, по колено в воде стиравшего бельё. Он не торопясь растягивал простыни и наволочки на камни, предварительно окатив их водой.

— Паша, привет, домохозяйничаешь?

— Привет-привет, — насутился он, было видно, что ему неудобно.

— Идите домой, скоро приду.

— Давай помогу?

— Я уже почти постирал. На камнях быстро сохнет. Посушу, искупаюсь и приду.

Светлая голова с русым вьющимся чубом, плечи крутые уже с наработанными мышцами, — всё было притягивающим. Постоянное спокойствие застыло в глазах. Это, пожалуй, было главное притяжение, недостижимое, глубинное, то, к чему нет доступа. Пашины глаза ввалились. Было видно недомогание, и ещё он едва заметно прихрамывал.

Марина и Лёля быстро дошли до пристанища Паши. Лёля посидела, и ушла навестить друзей, а Марина осталась одна в комнате. Она села на кровать и огляделась. Может, хоть помыть пол? Взяла ведро, набрала воды и стала мыть и без того чистый пол. Больше делать было нечего. Над Пашиной постелью висела её фотография. Скоро вернулся Павел. Разговор не заладился. Павел скорее всего не хотел говорить о своей беде. Марине спрашивать было неудобно. Ложная скромность одолела. Он молчал и кусал губы от досады. Марина видела досаду и не могла понять, откуда она. Ей хотелось доказать свою близость, а чем? Паша позвал в соседнюю комнату к ребятам. Там была слышна гитара и веселый разговор. Но Марине хотелось побыть вдвоём и, наконец, поговорить.

— Я пришла к тебе, Паша, давно не виделись, соскучилась, зачем мне ребята?

— Да что сидеть? Пошли. Не пойдешь? — он гневно сверкнул глазами, — я один уйду.

Он ушел. Марина посидела немного. Кошки скребли своими когтями, всю душу выскребли. Марина надела красные босоножки на толстой пробковой платформе, вышла на крыльцо с голубыми деревянными перилами. Больше здесь нечего было делать. Притворяться она не умела, улыбаться и фальшивить, бегать и пресмыкаться гордость не позволяла. Реанимировать отношения невозможно. Было что-то сверх её сил, помогающее понять происходящее, поэтому надо уходить. Ночь из большого лукошка выбросила звёздную пыль. По дороге изредка мигали огоньками камазы. До Северобайкальска — километров шесть. Справа сопки, поросшие соснами да кустарниками, слева — шумящий Байкал, а посередине — насыпь с шоссейной дорогой. Думалось о смерти. Любовь и смерть — рядом. Если умирает любовь, человек умирает, возрождаясь с новой любовью. Так думала... Чего ей бояться? Она уже умерла. Марина в порыве отчаяния сделала первый шаг, ей хотелось бежать отсюда, потом второй, потом третий. Вот уже спуск к Байкалу, тропинку совсем не видно. Спотыкаясь о камни, быстро, почти бегом, пошла вдоль Байкала. Становилось жутко, гнев остывал, а назад идти не могла. Перебороть гордость не могла. Свинцовые волны с огромным шумом плюхались к ногам. Камни выплывали из темноты и пугающе шевелились. Под ногами галька и спутанная клочьями трава да колючие кустарники. Думала о Павле. Что-то было помимо болезни. Это его неумение или нежелание высказать всё до конца. Она не знала, что в будущем это же самое поссорит две страны... Россию и Украину! Ни больше, ни меньше. Бескрайняя война охватит два государства, славяне возьмут оружие и будут насмерть бить друг друга, убивая своих некогда братьев и сестер. Две страны будут бежать друг от друга. Эта ночная бездна поглотит все хорошее, что было между этими вполне влюбленными друг в друга странами. Это будет уже в 2012, 13 и 14 году..., а сейчас только 1978. Она бежала и от себя, чтобы не упасть к нему на грудь, не унизиться, не плакать и не биться с отчаянностью рыбьей женской тоски, прося любви.

В темноте внизу на берегу стоял камаз, кто-то курил рядом. Она тихо прошла машину и вдруг камаз тронулся, страх черной липкой медузой облепил сердце. Справа показалась тропинка наверх. Марина быстро побежала по этой тропинке. Увидев проезжающий маз, быстро подняла руку и остановила. Запыхавшись, даже не глянула на водителя. Сжалась в комок, вжимаясь в кресло.

— Куда бежим? — спросил малюсенький мужичок, водитель огромной желтой машины.

— Никуда, домой в общежитие, довезите до микрорайона.

Микрорайон на всю округу был один.

Мужичок жалобно начал рассказывать о том, что его бросила жена с двумя ребяташками. Марина понимала, что от отчаяния он согласится жениться на первой встречной. Ребятам мать нужна была. А в её разбитое сердце эти ребяташки пока не помещались. Он остановил машину перед началом стройки. Идти было ещё далеко, он светил фарами, пока Марина шла пустырями, потом по стройке, зияющей чёрными глазищами не застеклённых окон и не вставленных дверей. Светил, пока не вошла в круг одинокого фонаря у своего подъезда. Потом машина ушла — мужичок по-

терял её из виду. Ангелы вились вокруг Марины, хранили её. Она оставалась около фонаря, и вдруг слёзы стали душить её. Она всё-таки заплакала. Тушь сразу потекла по щекам, растрепалась причёска на ветру. Кудряшки обрамляли простое курносое лицо. Сердце выскакивало от пережитого страха, от стресса.

— Так мне и надо! Так и надо, — шлёпала себя ладонями по лицу.

Молодая здоровая злость почему-то обратилась на себя!

— Пришла, дура! Зачем? Больше никогда..., никогда не унижусь...

Она разговаривала с фонарем, как пьяная.

— Любить иных — тяжелый крест..., — вдруг заговорила Марина стихами..

— Тьфу, чёрт! — она поправила причёску, стёрла слёзы..

— Надо держать лицо! Да кому оно нужно...

Подошла к бочке с водой, умылась и опять заревела...

Тут её настиг дождь... он капал всё сильнее, она мокла назло всем своим горестям и себе, нелюбимой.

Марина пробралась по тёмной лестнице к тёмной комнате и уснула, наконец, без снов.

РАЗДУМКИ

Паша ехал на велосипеде по накатанной камазами дороге. На голову капал мелкий дождь. Вернувшись от друзей, он растерялся. Чтобы девчонка ушла одна бродить по ночной тайге, такого он не мог предположить. Что делать? Надо догнать, с ней может всё, что угодно, случиться! Рана в паху заколола так, что нельзя было стерпеть. Паша стонал и ехал. Кронштейн сильно ударил в пах, оставив такой синяк и рваную рану, что её пришлось зашивать в местной больнице. Крюк, что ли, был с заусеницами?..

Марину он так и не догнал. Доехав до пристани, остановился покурить. Раздумался. Оно может и к лучшему. Мама никогда не поймёт Марину, не увидит её красоты, не примет её гордость. Мама прислала еще письмо. Брат ввязался в политику. Ездит на сборы под Львов, носит татуировки со свастиками, а недавно забили насмерть человека. В его лексиконе появились слова «сепаратист», «батька Бандера», «патриот», «свидомый»... Его забрали и посадили в камеру. Надо ехать домой. Мама написала, чтобы приезжал скорее — Николку закрыли, надо заплатить адвокату. Николка хороший, честный и правильный, писала мать. Паша, работавший без роздыху в этом краю, где работали все — и азербайджанцы, и грузины с армянами и все зарабатывали неплохо, ничего не понимал. Правда, рассказывали ребята о ненависти грузин, азербайджанцев и армян, о драках между ними. Это казалось большой глупостью с их стороны — драки по вероисповеданию. Что может быть глупее в стране, отринувшей все вероисповедания?

Назад Паша вёл велосипед. Сил не было ехать. Подошел к дому-бараку, посмотрел в сторону тоннеля. Тоннель гудел, ветер гулял в сводах и звук усиливался. Проходка почти закончена, скоро по тоннелю пойдут поезда. Сколько людей поедут в Москву и из Москвы! Мамка кляла проклятых москалей. Чем они ей не угодили — знал. Писала, что дед бил их и что по лесам

прятались от москалей дед с братьями. Уже после войны с фашистами. А у Маринки отец ловил подо Львовом бандеровцев, служил в СМЕР-Ше. Как узнает мать, выгонит их из дома, а Маришку и Пашу проклянёт. Хотя казалось, давно это было и быльём поросло, так нет же — брат говорит, что скоро война будет. Проклятым москалям надо отомстить за деда. Не к добру их любовь. Он вспомнил Маринин незащищённый вопрос в любимых глазах. Не могу жениться, думал он, — а просто встречаться и жить тоже не могу, можно найти попроще, на одну ночь, для «просто так» — никаких обязательств. Павел курил и плевался, досадуя на то, что не нашел в себе сил сказать Марине всё. А как сказать, когда так сильно любишь и пойти против своих не можешь. Можно было нагрубить, выгнать, но и этого не мог. Не за что её ругать, не виновата она.

А Марина всё чаще заглядывала в Мишин дневник и видела бушующую стихию, волны, шторма... такие же, как в её сердце.

БРАТНИН ДНЕВНИК

В силу внутренних и внешних обстоятельств я не мог вести путевой дневник долгое время. Точнее — до 31 июля 1976 года. Попробую изложить все точнее, ни на что не отвлекаясь.

Ветер. Вчера, возвращаясь от пограничников, я упал с трапа и вывихнул руку. Распухла она и я всю ночь до утра простонал. Врач наш — Вера Даниловна, не могла или не хотела вправлять мне руку. Один матрос, Геннадий (карефан, родом из Уфы), вправил мне руку.

В это время т/х «Остров Карачинский» проследовал во Владв., взять недостающие 400 тонн дизтоплива. Вызвал меня перед свои светлые очи фюрер и высочайшим указом списал на берег, дабы вероятная трещина в кости не помешала успеху предстоящего заплыва в Берингово море... одного парохода. Очутившись на внешнем рейде, на танкере, с порванным чемоданом, без бритвы, с одним запасом носков и 50 р. в кармане, я вечером попал на берег. Застегнув на все пуговицы Мишки Ездакова (2 радиста) куртофан и засунув руку в карман, я стоял на Чуркинской переправе, ожидая паром, и в моём ошеломлённом мозгу ворочались застывшие и замерзшие мысли. Заходящее солнце бросало красные лучи на окружающие предметы, дул холодный ветерок, и чужой город, в котором у меня не было ни одного близкого человека, окружал меня... (прим. автора: здесь Марина улыбалась, читая, уж очень брат напоминал Остапа Бендера).

Как я прожил период с 1 по 25 марта — не буду писать. За это время у меня пропало 12 отгулов и еще кое-что. Ветер унёс.

24 марта. Получил назначение на дизель-электроход «Алмазный». Попал в хороший коллектив и получил хорошую разрядку. Записи этого периода отличаются весельем и бодростью.

25 марта 1976 года. 02-00. Судно «Алмазный» снялось с якоря и покинуло причал порта Владивосток. Идём Японским морем в Охотоморскую экспедицию. Ориентировочно рейс дней 15-20. Тихо. +4°C, 2 балла. Дымчатая синь окружает нас. Прошли уже 150 миль. За кормой осталось всё без перемен и многое на берегу, — лучше бы забыть этот месяц. Пошлю 3 р.д.

домой. Красивый пароход. Особенно кают-компания, отделанная под красное дерево, на палубе — ковры. Перед отходом у меня погостили Грицай Женья и Теплов Геша. Все одного года выпуска. Повеселились.

26 марта. Идем как в рай — не качает (тьфу, тьфу, не взглянуть бы).

Скорость 16,5 узлов. Прошли ночью Сангарский пролив. Довольно тепло. Поселился вчера у кока. Жизнь ничего, интересная. Совсем не то, что на «О. К.». Работал немного.

27 марта. Под вечер начало покачивать. Весь день слева по борту виднелись Курилы... Белые, в синей дымке. Видны ледяные поля. По УКВ-радиостанции «Корабль» говорили с «Островом Карачинским». Он шел встречным курсом. Радисты обнаглели — несущую вахту почти один. Впрочем, не обижаюсь.

28 марта. Ночь. Пришел с вахты. Сегодня пришвартовались к п/б «Чернышев». Вчера постригли, да ужасно. Предсудкома дал гитару, вспышку. Работают. Радисты и первый, и второй, — отличные ребята. Штурман строгий, но нормальный мужик. Ем в кают-компании, сплю у повара, отношения со всеми на +.

Главное, радио-рубка здесь уютная, не хочется из нее выходить. Начало рейса хорошее — конец будет ужасный (если поговорка верна). Приближаемся к западному побережью Камчатки, недалеко от мыса Лопатки. Много судов, видны горы на горизонте. Всё, ложусь спать. До связи.

29 марта 76 год. С другого борта отшвартовалась вторая база «Североруральск». Занимался фото, бегал со вспышкой, слишком много смеялся. Не надо так — сильно опустошает. Играл на гитаре. Под вечер стало свежеть.

3 апреля. Первого апреля понаписывали на галюнах время расписания их работы. Стоит хорошая погода. От маленьких циклончиков убегали раза три в сторону.

5 апреля. Стоим, как в доме. Виден низкий прямой берег Камчатки, над которым дымят кое-где трубы рыбзаводов. Нерпы ловят рыбу. Их шкуры пятнистые, а когда иная из них нежится на спине, брюхо — желтое. Чайки пикируют на них и отбирают рыбу — те едва нырять успевают. Вокруг м.р.с, р.с, — базы, стоит «о. Лионского»,

«Космонавт», эти из В.Р. Х. Ф. Смотрим фильмы. Связь в этом районе отличная. Сегодня от безделья поругались. Грузиться заканчиваем. Завтра — домой.

Марина читала бесконечные морские записи и удивлялась точности ориентировок кораблей, погодных условий и описаний северных городов и кораблей. Двадцать восемь морей пройдено, — память...!

Мариниными любимыми стихами были стихи Маяковского и стихи, найденные в 76 году в газете «Комсомольская правда». Чьи они, она не знала...

Память, что тебе она?
Планы Бонапарта,
Юность, гордость, письма,
Барды в бакенбардах.

Наш нахальный юный пыл,
Синий сумрак комнат.
Бросил слово, и забыл,
А оно напомним.
Слово брошено в пищаль,
Мы лежим в тревоге,
Запелёнуты в печаль
На большой дороге...

Все это было интересно её пытливому уму. Жаль, пропусков в дневнике всё больше и больше.

«Опять пропуск в дневнике.

Коротко.

25 апреля получил диплом р-о 2-го класса, сдал аттестацию и 3 мая попал на д/э «М. Рокоссовский». Он стоял в порту до 18 мая и ушел в рейс без меня. Май мне запомнился. Ездили на природу, много пили, много любили. Попал на танкер «Синегорск». Р-о 1 класса и 27 мая ушли в рейс на Гавайи. Пересек в восточном направлении 180 меридиан, заходили в Исиномаки. Все время крупная зыбь, облачность. Альбатросы появились на 170°.

Потом опять рейды. Сломались, чинились около месяца...

29 октября 1976. Тяжелый день. С утра правее пупка и чуть ниже возникла острая боль. К 21-00 часу она стала нестерпимой. Весь день нас швырял шторм, дул сильный встречный ветер 6 баллов.

В 21-30 я сказал капитану, что у меня, возможно, приступ аппендицита. Судно кинуло якорь в бухте Владимира, где расположены населенные пункты Ракушка и Тимофеевка. Меня на катере отвезли на берег, где капитан м/службы установил острый аппендицит. На военной скорой помощи отвезли в Тимофеевку, в Военно-морской госпиталь. Привезли в час ночи (12 км).

А в 04-00 майор м/с сделал операцию, которая длилась час с лишним. Сегодня 4 ноября. Праздник я встречу чёрте-где. Сопки, поросшие лесом. Прямо среди них на берегу, посёлок. Люди в основном военные и моряки. Гражданских мало».

Это записи уже из блокнота.

3 декабря после бюллютня встал в ремонт на д/э «Золотой рог».

26 января 1977 года в 06-00 вадв. времени. Ушел в рейс на Новую Зеландию.

28 января. Ночью прошли Корейский пролив над местом захоронения Цусимской эскадры...

Пасмурно, слегка штывает (штормит — морской жаргон) на зыби, почему-то кладет на правый борт. Южно-Китайское море. Слева два острова причудливой изрезанной формы. Справа, за горизонтом — Китай. Я тут «опом» (радиостом) — 2 кл. Вахта моя с 17 до 24 часов и с 06-00 до 07-00 часов вадв. времени. За время стоянки три воскресенья провели за городом — катались на лыжах, ели шашлыки. Сильно бились о деревья и наставили шишек и синяков. Записал 10 кассет по 250 м. Все же побываю я в морях, о которых мечтал в детстве и пересеку экватор!

30 января 1977 года. Сегодня в 07-40 влдв. времени пересекли Северный тропик. +18°C. Утро. Чуть-чуть качает. Выходишь на палубу — и не верится, что уже лето. Чуть влажный тёплый южак ласково обволакивает тебя, слегка качает, — хорошо! Всё время нас сопровождают тёмно-синие пепельные облака. Сейчас не успел выкурить сигарету, как солнце быстренько вышло из воды, отряхнулось и поднявшись на свой диаметр, спряталось за тучкой. Стоит замечательная погодка (дай бог, не сменится). У всех хорошее настроение.

31 января 1977 года 10-00 влдв. времени. Душно и жара. Красимся.

1 февраля 1977 года. Прошли Марионские острова. Был вечер, на горизонте мигали огоньки и маяки. Закаты и рассветы — сочные и кровавые. При закатах океан имеет несколько ярко выраженных цветов.

2 февраля. На корме сделали душ и мы весь день купались. Температура воды + 28°. Встречный ветер уже дня три. По горизонту бегут стада курчавых барашков. Уже успели некоторые облезть от загара.

4 февраля. Делаем бассейн на палубе. Поставили четыре кранца квадратом, а в середине — каркас из досок и брезента. Сегодня купались, но каркас не выдержал и сломался. Вчера мелкими зарядами шел дождь, сегодня пасмурно, но душно. Постепенно встречный ветер раскачивает океан.

5 февраля 1977 год. Завтра — экватор!

6 февраля 1977 год. После обеда пересекли экватор. Все утро брызгал дождик, но потом тучи разбрелись. Вся команда выстроилась у правого борта. Дали три гудка, и с бока появилась красочная свита, во главе с Нептуном. Раскрашенные черти, измазанные мазутом, потрясали саблями и пистолетами, бегали по палубе и высматривали жертвы. Было весело, капитан отчитался перед Нептуном по всей форме. Тех, кто имел диплом, черти не трогали и не заставляли пройти чистилище. Пройдя все его ужасы (меня заставили носить русалку (матроса) и целовать ее), я имел жалкий мазутный вид. На заднице у меня стояла печать Нептуна. Искупали в бассейне, а после я часа три отмывался солярой и мылся в душе. Получил диплом и нафотографировал кучу пленки.

7 февраля. Ночью был ливень. Дожди идут часто и налетают шквалы. Океан спокойный сейчас, даже не качает. На небе необычная окантовка из сплошной полосы облаков.

8 февраля. Я вижу голубые острова своего детства!

Слева о-ва Санта Крус. У него шапка из облаков. В бинокль видны пальмы и даже парус у берега. +30°. Облачно. Получил р.д.о. из дома. Очень рад.

11 февраля. Недавно пересекли северный тропик. Зной спал, просто тепло. Прошли Коралловое море, идём морем Фиджи. Прохождение р/волн довольно слабенькое. На небе постоянно облака. На 500 слышны австралийцы и новозеландцы. Вчера и отчасти сегодня качало. Скоро на вахту.

14 февраля. Идём Тасмановым морем. Слева по курсу поднялся из воды пик со снегом наверху. Новая Зеландия. Утром пройдем проливом Кука. В эфире много музыки, особенно сп. Все время дует сильный ветер в лоб. Сейчас ослаб, почти не качает. Загорали.

20 февраля 1977 год. Бухта Пегасес (р-н Новой Зеландии).

Тепло, сухо. Временами с берега налетает ветер и тогда пахнет сеном и землёй. На берегу горят огоньки с Крайсчёрга. Легкие тучи иногда наливаются свинцом и тогда брызжет дождик. По ночам с кормы опускаем люстру и ловим снеков (зубастая, длинная, несъедобная) и ставриду. Под лампой скапливается криль (мелкие рачки), и тогда вода становится красной и слегка бурлит. Здесь наступает осень. На чай подают иногда кальмаров, рыбу и т.д. Стоим на якоре — выгружают рыбу. Берут тару и воду. Радиосвязь с Владивостоком — хуже некуда. Но тем не менее я работал с т/х «О. Лисянский», он работает на Аляске с Ю.-Курильским и Ждановым. Хотел через него передать р.д.о., но его забила Находка. Всю ночь непрерывно передают 2-3 новозеландские станции музыку на средних волнах. Хлопцы недавно поймали акулу, но потом они что-то перестали клевать. Смотрим телевизор. Вчера был фильм про гангстеров. Чикаго. 33 год. Фильм основан на реальных событиях. Гора трупов, пустых автоматных и пистолетных гильз и разбитых автомобилей. Интересно смотреть, как свора полицейских, окружив раненого бандита, по его просьбе хором устраивают в него пальбу с двух метров. А так телевидение здесь довольно пресное и никакого секса. Пора закрывать вахту и спать — уже 05-00 утра.

15 марта, 6/х Пегасес. Сегодня присутствовал при забивке трюма (последнего). Последний строн с с.р.т.м. «Пограничник Аббасов», с кальмаром. Трюм закрыт и на этом наше участие в делах Новозеландской экспедиции закончилось. Осталось только взять топливо и воду, так как всё это мы раздали по судам. На борту около тысячи тонн кальмара, 600 тонн муки, остальное — рыба Баркус, мокроус, аргентина и прочая и прочая. Уходим из Пегасеса на юг, почти к самому острову Стюарта (20 миль). Сюда пришли только вчера. Погода вроде нормальная, хотя сегодня (по местному исчислению) 15 сентября. Она часто меняется. На переходе был свидетелем необычайного атмосферного явления. Часов в 5 пополудни мы шли с легким попутным ветром на север. По корме был виден как бы облачный берег — очень красивый, имеющий форму скатанного одеяла. Он тянулся слева направо до самого горизонта. Буквально через несколько минут он промчался над нами, небо покрылось хаотичным движением облаков и туч. Океан покрылся барашками, засвистел ветер и упали несколько капель дождя. Было несколько попыток образования смерча, но всё кончилось благополучно. Происходило это так: на поверхности воды образовывался как бы водяной дымящийся столб метров 20-30 высотой. Вверху над этим местом клочки облаков как бы устремлялись вниз, причём с большой скоростью. Тучи недалеко начинали распадаться, водяное марево столба — тоже — все кончалось.

Сейчас все ходят хмурые и недовольные, раздражаются по малейшему поводу и ведут разговоры о доме и женщинах.

Действительно, всё надоело и хочется домой (во Владик). Заход будет в Суву, но есть кой-какие надежды, что попадём в Сингапур. С работой, конечно, справляюсь, даже скучаю и прошу принести р.д.о. для передачи. Я несу вахту ночью (в основном 6288-8416 кбц). Днём связь гораздо хуже. Зато на 8 марта понапёрлись — 150 телег передал.

21 марта. Пошли домой в 16-00.

22 марта. Наконец-то пошли. Целую неделю ждали «50 лет СССР» (12 тонн реф), дабы забуксироваться. Они пришли и взяли нас на бакштоф. Через несколько часов (мы взяли 210 тонн дизтоплива и 30 воды). Налетел шквал, как всегда, внезапно. Полтинник начал выбирать якорь, на нём зорали и забегали, как, впрочем, и у нас. Нас с ним почти сложило. Океан мгновенно закипел, по небу полетело рванье облаков...

В конце концов нервы у капитанов не выдержали: дали ход и тот и другой, при этом чуть не потеряли якорь. Со звоном лопались канаты и шланги... Остальное топливо добрали у танкера «Сибирьнефть» в тот же день. В сводках и диспетчерских, правда, об этом не писали. Стояли, красились. Пока идем на Фиджи, но в эфире уже месяц шумиха насчет частичной выгрузки в Сингапуре. Я в это и верю, и не верю.

Да, дали нам заход в Сингапур, но кэп выбил и Фиджи, мотивируя это тем, что нет карт Таррасова пролива и воды.

28 марта. 1977 год. При отличной погоде мы сломались в пяти милях от порта Сува! Отказала рулевая. Часа четыре позорились и загорали, наконец, дали ход и вошли в проход между рифами. Эти рифы очень чётко окаймляют весь остров (Вити-Леву). Среди белых барашков местами торчат камни. Перед нами открылась бухта — чудесная, яркая, слов нет. Сплошная экзотика. На рейде старый вояка красился (Флаг Фиджийский, на трубе — кенгуру). Перед портом нам встретился их же фрегат, поновее. Подошел лоцман (белый), на палубе — фиджиец с шапкой волос, как у Анжелы Дэвис.

Мы стали к причалу, на котором стояло несколько пакгаузов и ни одного крана. Аккуратный порт, много машин (форд, siena и т. д.).

Несколько рабочих что-то делали, несколько вообще глазели. На причале у кнехта полоскался красный флаг, старый и задрипанный. Сува — очень зелёный городок, в пальмах и прочей южной растительности. Хороший асфальт. Ходят преимущественно в шортах, цветных майках и рубашках на голое тело, на ногах — сандалии. Индианки сплошь в красивых сари, тощие, с огромными глазами. Среди них попадаются ого-го! Фиджийцы и есть фиджийцы. Цвет кожи скорее коричневый, чем чёрный, курчавые волосы (как у цыган), на негров не похожи. У нас на камбузе постоянно кормилось человек пять. К нам все относились хорошо, без исключения. На улицах и в магазинах здоровались (в первый день — good day, в остальные дни — добрый день), всегда улыбались. Запахи очень специфические, пряностные что-ли. Рядом с портом — базар — крытое аккуратное сооружение, довольно большое. Вокруг него шум и в нём — тоже. На рынке продают сувениры, бананы, кокосы и прочая, и прочая. Сам по себе городок небольшой. Основную часть можно обойти часа за три. Изобилие тряпок и наручных часов. Обязательно торгуются. Например: взял маг Сильвер за 56 долларов, а первоначально просили 130. И так во всем. Часто налетают дожди. Сезон дождей — тёплых, обильных и кратковременных. Служащие, остальные — туристы. На туризме Сува и живёт. При нас пришла и ушла Oriany — английское пассажирское судно, 44 тыс. тонн водоизмещением. Громадина. Привёз австралийцев, делают круиз. Так на следующее утро

от базара до порта (квартала два) протянулись деревянные ларьки с сувенирами.

Дома двухэтажные, в основном облезлые (от дождей). Это как-то гармонирует с пальмами, с яркими первыми этажами — магазинами и кучей машин. У нас на судно взяли 25 магнитофонов, старшие офицеры брали стереосистемы. С «Oriapu» приходил в гости бармен. 31 год, лондонец, хороший, весёлый, любознательный парень. Несмотря на мой минимальный запас слов, — беседовали. Разговор шел по такому принципу: идет дождь — показываешь пальцем в небо, говоришь «notes» — показываешь перст в землю. Но самой интересной встречей для меня была встреча с болгарским яхтсменом Георгием Георгиевым. В одиночку с востока на запад идёт вокруг света на яхте. Маленький, живой, с умными глазами, очень весёлый — он очень мне понравился. Жаль, пришел он перед отъездом и мы не смогли сходить к нему в гости. На Суву его загнала серия циклонов и течь в корпусе. Он подарил открытку с изображением яхты и автограф. А на утро в 6-30 мы ушли на Сингапур через Торресов пролив. Задержались так долго, потому что карт в Суве не было и их привезли на самолёте с Австралии.

31 марта подняли кливер.

P.S. Я бы не сказал, что на улицах народу было мало.

6 апреля 1977 года. Ночью подошли к порту Марсби (Папуа-Новая Гвинея). Взяли заказанного лоцмана. Он прилетел из Австралии. Сейчас 03-40 ночи, идем посерединке пролива. Подробности позже.

7 апреля. Как ни страшил нас Торресов пролив, но прошли мы его благополучно и в основном ночью. Днем видели много пакости: змей, акул, рыбы-молот и т.д. Очень тихая погода, облака отражаются до самого горизонта в воде. Загораем. А тёмной ночью начались самые опасные места. Глубины 10-12 метров, при осадке 7 метров. Повороты, мигалки на островах, вращающийся маяк. Ревизор сменился с вахты мокрый и дрожащий. Лоцман попался очень живой, старый, с седой, ниспадающей на плечи гривой волос, маленький и краснолицый. А главное — дело знал. Кстати, шли на 4 дизелях, 15 узлов. На полном ходу. Управа заплатила лоцманской службе 6 тыс. австралийских долларов.

10 апреля. Прошли Арафурским морем, захватили краешек Тиморского моря. Сегодня принял сигнал СОС на аварийной частоте 500 кГц. В 3,5 часа судового хода австралийского рыбака выбросило на камни. От нашей помощи, к сожалению, отказались — ближе оказался их же танкер (он нас днём обогнал, здоровый). К вечеру поступило сообщение, что команду он снял. А наша команда сожалеет, — столько денег потеряли. Да и интересно же. Бонов по 100 получили бы, это 1000 советских денег.

11 апреля. Ночь. Конец вахты. 03-35. Идём проливом. Слева, в 4 милях темнеет северная часть острова Тимор. Судя по «последним известиям» там сейчас накал политических страстей. Индонезийцы хотят присоединить его к себе, а бывшая португальская колония хочет стать независимой. Вчера работал с д/э «Гранитным», он идёт М.З. Э.

18 апреля. Через 4 часа станем на рейд Сингапура.

16 апреля фирма Марисско заказала нам причал на понедельник. Стояли, красились. Море (китайское) очень спокойно, даже не покачивало. Под-

плавали туземцы на моторной лодке (штук 8), взяли соляры и долго болтались в кабельтове. Как стемнело — так ушли. Здорово смахивают на обезьян, особенно некоторые. За бортом, на ходу, вода светится и видны светящиеся маленькие точки-рачки. Как звёздочки. Очень красиво. Перевели часы по-сингапурски. От московского времени — на 4,5 часа вперед. Судов — тьма. Как всегда, полетел один из локаторов. Закон подлости».

На этом записи в дневнике кончились... осталось два письма... и они-то были по-своему интересны...

ДУШНЫЕ ДНИ

Выдыхая зарю и вдыхая восход,
Мы питались теплом земли.
Мы ходили по снежному берегу вброд.
Мы не мёрзли, когда могли,
А потом начиналась волшебная ночь,
Куковали вокруг поезда.
Нас нельзя незаметно в дома уволочь
С этих мест навсегда, навсегда...

Ирина Уральская

Кедры созрели. Вся бригада бегала в солнечный лес рядом со стройкой в обеденное время. Парни лазили на кедры и сбрасывали шишки, полные орехов, вниз, девчонки собирали в вёдра. Вся компания шумела и перекликалась. Попутно собирали грибы. Столько грибов никто не видел. Собирали всё подряд, знатоков не было и все были знатоками. Мариша помалкивала — у них в степи грибов не наблюдалось. Собранные нюхали, разглядывали, поднимая высоко на свет:

— Вроде, хороший. А этот гад, наверное, поганка, видишь — под шляпкой юбочка? Поганка, точно.

— Да какая поганка, белый гриб это! — и опять клали в ведро.

Быстро жарили грибы на сковороде, орешки томили в духовке. Ели тоже быстро, макая хлеб в подсолнечное грибное варево. Сытые, бежали строить город Северобайкальск. Грибное лето не хотело заканчиваться, дни были тягучие, на удивление жаркие. Мелкие дождики выращивали новые грибы.

— Грибницы не вырывайте, срезайте ножом, — сутились маляры, уже потихоньку привыкая к грибным обедам.

На грибы и орехи пожаловали две стройные и ухоженные девицы с высокими укладками, с маникюром и на высоченных тоненьких шпильках, в коротких юбочках, в Ленинграде давно вышедших из моды.

— Сантиметров десять! — шепнула Лёля Маришке.

— Что, юбочки или шпильки? Да кто это такие?

— А Лёля кто будет?

— Я! — сказала спокойная и сразу сделавшая нахальное лицо Леля, развалившись на стуле и доедая масляный хлеб, нисколько не стесняясь непрощенных гостей.

— А Марина? — спросила девушка с колорированными рыже-черными волосами.

— Тут я! — встала, отряхивая крошки, Марина, — чаю будете?

За столом и места не было.

— Ой, остальные свободны, нам бы поговорить.

— А что, обязательно на кухне? — проворчала бригадир Зина.

— Ладненько, пошли, девчата.

Перечить этим девицам просто не было сил. Так важно и многозначительно они выглядели.

— Здравствуй, Лёлочка. Я — жена Андрея, — она посмотрела на Лелю, ожидая реакции, следя за жестами и мимикой, желая её застать врасплох.

— А... — равнодушно сказала Лёля, — ясно, что нужно?

— Лёль, к тебе мой муж говорят, похаживает?

— Похаживают многие. Жена — не стена, можно подвинуть. Держите шибче.

Важные особи заметно скисли.

— Да лан, не бери в голову, муж твой был у нас на дне рождения, перепил и уснул на полу. Кому он нужен, — клеился, да полно у меня мужиков. Так что адью. — Лёлька закурила свой «Беломор». В комнатухе нечем стало дышать, все закашлялись, и Лёлька прищурила глаза, открыла форточку, через которую сразу полетели большие белые моли и летние мушки.

— Марин, хотела поговорить с тобой о Павле, — сказала крашеная.

Не дождавшись ответа, продолжила.

— Он очень переживает, проблемы у него с братом. Ввязался в плохую компанию. Уехал Паша домой, велел передать, что он тебя любит и надеется на встречу.

С полки упало маринкино сердце. Глядя на этих девиц, чужих совсем, распаивать душу? Выворачивать наизнанку? Объяснять и плакать? Не хотелось. Подняла гордо голову и, глядя в бок, сказала:

— Видно будет. Ладно, спасибо за участие.

А сама подумала: — Вот она я. Не пришел, не поговорил по-человечески. Прислал чужих.

Как льдинки ломаются и отрываются от льдины, а, отрываясь, плывут и вертятся и тают в воде, так и Маринкина любовь оборвалась и понеслась по течению бурной кровавой реки. Пойди, догони. Внешне спокойная, проводила непрощенных гостёчков. Что им было надо на самом деле, так и не поняла до конца. Может, любопытство их одолело. Много слухов бродит по стройке. А стройка потекла дальше. Чем дольше жилось, тем больше привыкалось к чистой воде и кристальному воздуху, к буйному, шальному ветру, к Байкалу.

— А пойдём к начальнику, — позвала Лёля, — пусть нас навсегда здесь оставят!

— Пошли, — не раздумывая, согласилась Марина.

— Мечты сбываются, если их немного приближать, — пафосно и смеясь над собой, скороговоркой проговорила Марина.

Они опять шли через тайгу в Северобайкальск, плутали по широким улицам и, наконец, нашли начальника работ.

Строгий дядька в черном костюме с галстуком сразу начал ехидничать:

— Что захотели остаться, девоньки? Не нагулялись? У нас все больницы до Иркутска забиты абортницами, и вы туда же захотели? Идите, идите. Своим женам работать негде! — начальник работ демонстративно уткнулся в бумаги.

Вышли, оплёванные. Секретарша сидела, стучала на машинке. Опустила глаза в бумаги.

— А мы на стройку просимся, а тут вон какие сидят, пальчики в маникюре. А нас и на стройку не берут.

— Да я бы не смогла. Угоди такому начальнику.

Вышли на воздух.

— Паутинки летят. Скоро домой. Как гуси-лебеди полетим в Ленинград.

— Лебеди-раки останутся, — усмехнулась расстроенная вконец Лёля, — стройка встанет скоро, еще несколько месяцев.

Ночью, сидя до утра с песнями под гитару на берегу, слышали, что поезд уже дошел до Северобайкальска, так удивились.

— Странно, где он прошел?

— Да в нескольких километрах, ветка еще до города не дошла, уже трындят.

— А праздничек без нас уже кончился. — Девушки и парни уныло разбредлись по своим комнатам.

Великое строительство железной дороги на этом участке официально закончилось.

Пора в Ленинград к «своим баранам».

Марина легко и просто покинула райское место. Другие люди обживут этот город. Другие девушки будут с волнением одевать фату и белое платье и выходить замуж. Другие парни поведут детей в сад, который они строили. Люди будут жить в этих квартирах, где они красили окна и клеили обои.

«А может быть, вернусь и поклонюсь вокзалу, который только через несколько лет вонзится перышковой крышей в небо, и моё прошлое простит меня? — думала Марина.

Наверное, мы слишком романтики, все до одного. Слишком наивное поколение, выросшее в зыбучем мире грёз и стихии поэзиистроек и морских дорог, — думала Марина, — а как нас ломает, как ломает реальность, лучше б уж сразу быть не наивными простаками, а учиться жить по законам выживания.

Пусть те, кто будет жить в этом небесном городе, будут счастливы и нужны. Не покинет их любовь. А я улетаю вместе со своими полосатыми воспоминаниями, в дневник брата, в дальнее с ним плавание.»

Любовь не умирает просто так,
Расплывчато туманно, некрасиво.
Она живёт в ромашках и стихах,
В слезах дождей, терзающих массивы.
Любовь прилепится к усталым проводам,
Гудящим телеграммами сдалёка...

Вонзится льдинкой в окна «Аз воздам»
И улетит к бушующим высотам...

Ирина Уральская.

МИШИН ДНЕВНИК (последние письма с морей)

«с/спасатель "Исполнительный".

Здравствуйте, мои дорогие, привет вам из далёких морей. Я жив и здоров, извините за неровный почерк — прилично качает. Находимся на острове Шикотан (Малая Курильская гряда), а когда получите письмо, мы будем в заливе Исиномаки (450 южнее).

Вышли мы из Владика 25 декабря 1977 года. Через Сангарский пролив, или Цугару, вышли в Тихий океан и начали работать в районе Южных Курил, в бухте Касатка (о. Итуруп). Варили трещины в корпусе, причем прямо под водой. Оказывается, электросварка варит и под водой, только электроды покрыты водостойкой эмалью, чтоб флюс не отваливался. Также варили разные повреждения на корпусе и в машине. Раз спасли п/х «Украину». Стояла она в бухте Малокурильской, а тут поднялся сильный ветер и стал выбрасывать ее на камни. Завели буксир и вытащили. Так прошел январь. К его концу нам дали штук 15 рыболовных сейнеров (маленькие катерки метров 45 длиной, 400 л/с) и сртр (чуть побольше). Мы их повели вдоль курильской гряды на север.

Надо сказать, хорошие дни можно по пальцам посчитать, в основном — шторма. Длина нашего корабля чуть больше 80 метров. Нас качает между волнами, крен 35 градусов, привыкаешь. Спать плохо, ёрзаешь по койке. Из Северокурильска вывели 7 р.сейнеров на чистую воду. Охотское море в это время обычно забито льдами, но в это время сложилась особенно тяжёлая ледовая обстановка. В конце января между западным берегом Камчатки и льдом образовалась щель метров 100. Туда вошла вся охотоморская экспедиция — что-то около 8 баз и сотни полторы-две сртри р.сейнеров. Нам дали 22 судна-колонну, и мы, как ледокол, повели за собой эту колонну. Лёд был еще не толстый, так что наши 2 тыс. лошадей справлялись. Пришли мы туда и суток двое поохраняли флот, кое-кого подремонтировали, поварили. Тут сменился ветер и ударил мороз. В результате куковали вместе со всеми. Творилось что-то ужасное. У рыболовных сейнеров от сильного сжатия льда лопались корпуса, мы им трещины заваривали. Базы собрали штук по 20 рюсайнеров, прошли миль 50 и тоже позастревали. Вызвали ледокол «Ленинград» и подключился такой же ледокол «Москва». 150 миль прошли за два дня и самыми-самыми последними вышли мы, так как по приказу мы шли в авангарде и собирали всех отстающих и всех калек.

8 февраля у нас треснул корпус в районе провизионки. Запустили водолазов, они варили, а потом всю ночь черпали воду оттуда — чуть наши съестные припасы не погибли. На другой день смеялись до слёз. А вообще во льдах хорошо — не качает. Остаток февраля работали в бухте «Русской» (Камчатка). Спасли один сртр «Нарын». У того в шторм баллов восьми от-

казал двигатель, так брали его на буксир и таскали часов 15, пока он не отремонтировался и не завелся. А так бы выбросило его на берег часиков через 8.

9 марта пришла р.д.о. идти на смену с/с «Сноровистый» в южно-курильскую гряду. У того срок регистра иссек. Часиков через 12 мы с ним встретимся, возьмём документы на вход в режимную зону 200-мильную. Вот с этой оказией пошлю вам письмо. От своей любезной получил 17 рдо. Сейчас в ссоре. А как ждешь писем в морях! Вы не знаете. Ваше поведение считаю недопустимым. Получил всего два письма. Витя хоть бы шевелил ручкой по бумаге... ужель трудно?

Может, конечно, ваши письма болтаются неизвестно где. Наша почта сейчас одна на д/э «Эгершельд», в Совгавани, одна на д/э «Курган», в Токийском заливе. Надеемся хоть в этом месяце вести с земли получить. Да, забыл написать самое интересное. Стояли мы на Камчатке в бухте Вилучинской, так водолазы позволили мне спуститься в скафандре метров на 10! В самом настоящем. На дно, правда, не удалось попасть. Нацепили на меня кг 50 разных свинцовых чушек да башмаки свинцовые — едва добрел до трапа. В воде груз не чувствуешь. Видел винт, рулевую... и пр... За сим до встречи... большой привет всем... Ванечке-япончику от здешних японцев... целую... всех! Миша.

P.S. С работой всё норм.»

Через несколько лет Марине попадается письмо совсем неизвестное...

«10.08.84

Здравствуй, дорогая мама!

Сегодня пришла радиограмма о продолжении рейса. В рейсе мы уже 138 суток. Сделали три захода в Бальбоа.

Сейчас идём в четвёртый раз. Как космонавты, только те прогуляться в космос выходят. Брали дизельное топливо каждый раз (соляр) по 400- тонн (три танка) и по 1100 т. мазута. Мазут и топливо здесь отвратительные. Наши суда ругаются страшными словами — дизеля засоряются. Здесь на юге работают две экспедиции, первая у берегов Чили, здесь собралось штук 80 больших, новых океанских траулеров разных управлений и наших и западных, даже болгарские есть. Вот эту экспедицию мы и бункеруем. Были и на «ревущих сороковых», это у нас сейчас такой рейс Бальбоа-Ю.В. Т. О — мимо о. Пасхи — Бальбоа. Правда, эти «ревущие сороковые» по сравнению с нашими дальневосточными морями — слабо! Был я там (пока писал, сломался радар, ходил чинить) и в Индийском океане, и в р-не Новой Зеландии. Слабо. Ну ладно. Сегодня приходим. Ловят обе экспедиции скумбрию и ставриду. В прилове попадается морской лещ (вроде нашего речного), меч-рыба и т.д. Ловят тралами, на глубинах до 300-500 метров. Ремонтная база у них в Кальяо. Заходят, ремонтируются. Экипаж на самолёт — и через Кубу — домой. Меняются. Здесь сейчас зима. День короткий, не особо холодно, +8. Есть ещё одна экспедиция новозеландская, но мы туда не ходим. Они топливо берут прямо в портах. По плану мы должны сделать два заплыва-слива, и домой, но рейс продлили в связи с производственной необходимостью. В колдоговоре написано рейсы должны делать не более 160 суток, а у нас семь месяцев уже. Сейчас опять шли через пол-океана мимо о.

Пасха в эту осточертевшую Панаму. Мы накатаем 104000 км, это два с половиной экватора (вокруг экватора длина — 40000 км). Еще пересекали экватор с севера на юг. А с этим заходом будет пять раз туда и пять раз обратно. Устали уже. Надоело всё. Экипаж в основном молодой, держатся неплохо, но всё равно тоскливо. Все уже обо всем переговорили, все друг другу надоели. Море да море... Почта наша бродит на танкере «Делегат». Он тоже тут болтается. Недавно пришел. Забрать никак не можем — то мы заняты, то им некогда. Может, и от вас письма есть. Сильно надеюсь. Недавно заправляли болгарский траулер. Ребята все чернявые, бороды по полметра. Зарботки у них — ого! В два раз больше, чем у нас и питаются лучше в два раза. Отдыхают два месяца за счёт государства (после 8 мес. рейса, а потом сколько хочешь, хоть год, за свой счёт). После прошлого рейса первый помощник капитана купил две «Лады» — себе и дочери, только за валюту. А стар.мех. в Канаде взял «Мерседес» 500 л.сил. Говорит, что «Мерседес» — один на всю Болгарию, а гарантия двигателя 18 лет. Еще свои левы получает, как обычно. Они говорят, что флот у них не очень большой, работа считается вредной и их берегут. Нас хотя бы наполовину так бы берегли! Разговаривают почти все по-русски, кто хуже, кто лучше, русский язык изучают в школе.

Говорят «другари». Рейсы протекают стабильно. Качает иногда, но я приспособил в каюте гамак. В шторм сплю даже лучше, никак не добудятся. Видели всяких китов, рыб, птиц. На юге кроме альбатросов и каких-то здоровенных бакланов птиц не вижу.

15.08.84.

Сработали в Ю.З. Т. О. (Юго-Западная часть Тихого океана). Слили 1750 тонн соляры трём судам. Угощали нас морским лецум и тунцом. Вкуснятина. Тунца не ел раньше, мясо прям. мозговое и почти чёрное. Балык из него — пальчики оближешь. А лецум крупнее нашего раза в три, голова крупная и глаза тоже большие. Жареный лецум очень вкусный. Работаем таким образом: выходим малым ходом на ветер, бросаем с кормы буй с проводником. На траулере его ловят (толстый буксир) и передаем концы шлангов. Шланг с топливом легче воды и плавает наверху. Затем качаем им топливо, мазут. Мазут перед этим подогревается паром прямо в танках, т.к. он сильно густой, как асфальт. Сейчас лежим в дрейфе, милях в 200 от о. Пасха к северо-западу. Ближе подойти нельзя — это чилийский остров, а Пиночет объявил 200-мильную зону терводами. Там на острове у него авиабаза военная. Статуи стоят, наверное, читали у Тура Хейердала «Аку-Аку»? Мы бы подошли поближе, хоть бы в бинокль понаблюдать... После выхода из экспедиции сильно качало. Опять гамак повесил. Мне из-за этого гамака весь пароход завидует.

Теперь о Бальбоа. Это пригород столицы Панамы (она одноимённая со страной). Морские ворота. Находится с тихоокеанской стороны, у входа в канал. Когда проходишь — прямо по курсу — вход в канал, затем Бальбоа виднеется, затем островки. Один из них соединён узкой дамбой с берегом, по дамбе ездят машины и бегают спортсмены, а затем, за мысом справа — Панама. Высотные здания, прямо на берегу. Стоит много судов, ждут очереди пройти каналом. Идешь дальше, справа — стоянка всяческих яхт,

есть очень богатые, под старину. На большинстве вышки установлены для ловли марлинов и тунца (смотри из серии жзл «Э. Хемингуэй» — о фотокатере «Пилар»). Затем большой мост через канал. Он соединяет Северную и Южную Америку. Движение большое через него. Входишь в канал, проходишь под мостом — и через 500-600 метров заходишь направо и швартуешься к нефтянику. Берега холмистые. Душно сильно. Канал широкий, с Чаган, может, с Урал летом. Слева на берегу Сев. Америки — американская база, у пирса иногда вояка стоит, коттеджи видать, зелень на берегу. Движение по каналу довольно оживлённое. Каждые 15-20 мин проходит судно. Идут прямо мимо нас. Очень большие бывают, особенно автомобилевозы, наш танкер тогда качает на волне. На подходе к каналу почему-то много рыбы (прямо на поверхности воды пятна, рябь и естественно птицы их атакуют).

Бальбоа не очень мне нравится. Первый раз в город не пустили. Приехал наш представитель и настоятельно рекомендовал не увольняться команде на берег. Произошли президентские выборы, а оппозиция устроила беспорядки. Стреляли, взрывали и т.д. — прямо на улицах. Мы, конечно, были в печали. Сидели и смотрели этот бардак по т.в. Фильмы в основном американские. Взяли топливо и ушли. Зато остальные два раза выходили на берег. Выходишь, на проходной полицейские проверяют пропуски. Садись на такси и через 15 минут в центре. Едешь. Сначала зелень, травка, коттеджи, всё ухожено, короче — идиллия. Это бывшая американская зона. Потом резкий контраст и — Бальбоа... Центральная улица, еще туда-сюда, но чуть в стороне — шхеры. Город более-менее большой, но бедноты много. Население изъясняется по-испански. По своему составу разнородно. Мулаты, метисы, негры, индейцы. Чёрные, коричневые всех оттенков, смуглые, худые и в отрепьях. Белых почти нет.

К нам относятся лояльно, хотя в карман могут запросто залезть, особенно, шпана (были случаи). Бедновато, конечно, живут. Движение большое по улицам, но двигатели, наверное, работают на 66 бензине, на соляре. На центральной улице дышать нечем. Много старых машин, такси на каждом метре. Носятся автобусы, вроде наших «лиазов», впритирку и думаешь, как не сталкиваются. Раскрашенные, на лбу, над стеклом, у каждого картинка с пейзажем в красках, одна другой краше. Много магазинов, на улицах всякая бижутерия в продаже. В магазинах ходишь, выбираешь, а за тобой продавец ходит (в основном девки) и смотрят, как бы чего не украл. День будешь выбирать — день будут ходить. Видно, местными кадрами ученые. Все дорого, товары плохого качества и с наценкой налога государства. К примеру, стоит 10 долларов, а платишь 11. Я ничего не брал. Истратил валюту за месяц, за три захода и все. Посмотрел штук 5 фильмов. Фильмы дешёвые. Платишь 75 центов и сиди хоть весь день. Идут подряд штуки по три. Затем повторяются. Пьёшь пиво, куришь. Фильмы в основном иностранные. Много секса, а иногда такое покажут, что и смотреть неудобно, да еще во весь экран и в цвете. Кинотеатры бедноватые, вроде наших летних. Встречаются церкви, узкие стрельчатые окна и двери, в виде бойниц, на стене прямой с перекладиной крест. Католики. На сопке над городом флаг панамский, ночью его подсвечивают. Когда третий раз заходили —

доктор наш заболела — сердце. Приехали, забрали. Прединфарктное состояние. Пожилая женщина. Квартира, машина (сын водит). Орденом Трудового знамени награждена. Чего еще надо? Сейчас без доктора. А её полечат — и через Гавану в Москву отправят. Кстати, это письмо тоже этим путем пойдёт. Сделает кругосветку. А лечение здесь, как и за кордоном, дорогое. Тысяч в 10 нашему государству обойдётся (долларов), если она дней пять полежит.

18.08.84 год. Вчера пересекли южный тропик. Раза два лежали в дрейфе. Ломалась машина, масло куда-то ушло. Ремонтировались, красились.

24.08.84. Сегодня наконец-то погода успокоилась. А то всю дорогу в лоб дул ветер. Скорость — 8 узлов. Чуть с премией не пролетели. Сейчас пересекаем с 14-узловой скоростью экватор. В восьмой раз. Штиль, дымка. Я все же не уберёгся — сторел на солнце. За пять месяцев (кстати, сегодня круглая дата), солнечных дней было мало: в основном облачно, тучи. На юге солнце было, но там было холодно. Получил от Марины телеграмму, так домой захотелось! Сегодня по радио сказали, что в Уральске на привокзальной площади открыли памятник Чапаеву. Это тот, что ли, где он саблей в приежжих тычет? А конь с хвостом? Так он там, вроде, давно стоит.

26.08.84 год. Ночью связались с т/к «Усть-Карск». Находится у островов Феникса. Идёт нам на замену. Наконец-то!

27.08.84. Вот и стоим мы на рейде п.Бальбоа. Вокруг куча судов, стоит «Делегат». Скоро должны поставить к причалу. Надеюсь, что всё подробно описал. Сильно соскучился по вам. Как там Виктору служится? Жму руку, братан, береги ногу. А то чем защищать нас будешь от Рейгана? Как там, интересно, Алёнка поживает? Наверное, уже в школу пойдёт скоро. А я всё здесь буду болтаться, так мне кажется. Как у тебя, мама, здоровье? Смотри, на огороде не перетруждайся. Ну, вот вроде и всё. Большой привет Ире с Лешей, дедушке с бабушкой, нашим тёткам, дядьям и всем-всем. Крепко обнимаю и целую. Так же привет дяде Коле. Твой и ваш Миша.

Постскриптум.

Далекий периферийный городок Уральск. Шумная свадьба, с баяном и плясками, бабами и мужиками, и дурашливой молодежью. Парень сидит и торопливо ест красную еду за длинным столом. Все танцуют. Марина сидит на другой стороне стола и внимательно наблюдает за парнем. Огромный ворох кудрявых волос обрамляет круглое крупное лицо парня. Большие глаза и нос выразительны. Добродушие и простота притягивают.

Марина медленно встает и идет к парню.

— Можно пригласить вас на белый вальс?

— Ага, сейчас, только доем.

Они улыбаются. А праздник жизни продолжается.

В этом же городе еще через 40 лет старик ведет за руку внучку Ярославу по берегу Урала... смотрит вдаль на маленькие, почти бумажные, кораблики, стоящие у причала, и усмехается, вспоминая с.м.р.т. «Тархан», т/х «О. Карaginский», д/э «Золотой рог», с/с «Исполнительный»... и другие океанские рыболовецкие суда, проплывающие перед его мысленным взором.

*Мария Дьяконова
(Россия, Санкт-Петербург)*

ОРДЕН ТВОРЦОВ РЕАЛЬНОСТИ (продолжение)

— Как, и это все? — не выдержал Сэмюэл, — а пафос?

Ему достался испепеляющий взгляд. Мадам прекрасно все слышала, но не было времени ерундой заниматься.

Все труверы школы были бравы и великолепны, стараниями Базиля, Жилия и мэтра Жака. Кавалькада выдвинулась по аллее замка, справа и слева радостно орал и толпился народ, наша замковая группа поддержки. Захватывающее зрелище!

Переехав через мост кавалькада картинно понеслась рысью по полям шафрана и лаванды, но уже в пригороде Виль де Невер ее встречали зеваки, бабули с детишками, и невесть откуда взявшаяся молодежь в исторических костюмах.

По улицам, забитым людьми, теперь было продвигаться сложно. Для процессий отвели три центральные авеню, что вели к городской мэрии. Площадь охраняли солдаты в парадных мундирах лэндлордов всех Французских провинций.

Для публики отвели деревянные ряды скамеек перед декорированной трибуной.

С горем пополам, участники состязания заняли места на трибунах. Каждая школа — в своем секторе. Свернули шеи, разглядывая друг друга, пытаясь догадаться, кто есть кто?

Перед аркой мэрии восседали почтенные пэры, старейшины ордена, которых мы даже никогда не видели, и признанные мэтры разных лет — Совет. Эти люди и будут определять лучшего из целой толпы труверов, хм, пожелаем им удачи!

Господин мэр держал торжественную речь, с одной стороны, в меру длинную и напыщенную, и сердечную с другой. Представляли пэров и старейшин. Далее — мэтров. Персон было так много, что я оставила попытки запомнить бесконечные имена. В школе мы постоянно слышали про трех монстров господина Прэвэра, мадам Аманти из Италии и господина Штиммеля из Германии.

Мадлен поманила меня рукой и прошептала на ухо:

— Вон, посмотри, легендарный дядя твоего Гийома, Мишель де Трэсси!

Я попыталась взглянуть на человека, на которого она указывала, но он был далеко, и не было шансов разглядеть его хорошенько. Обидно, что я единственная, кто его никогда не видел!

Был невообразимый шум и наконец, мы узрели Мадам, которая представила свою «великолепную Десятку», и трузэров отпустили знакомиться друг с другом.

Праздник начался с шествия герольдов и ристалищ.

Сколько раз я себе представляла, каким он будет, этот день, но всей мощи моего воображения не хватило — действительность была неожиданнее и эпохальнее, чем я силилась представить. Это и был эффект традиции — век за веком каждое событие шлифовалось и доводилось до совершенства. В этом то и была вся соль, не в новизне, а в совершенстве.

Город бурлил, трудно было представить, что интереснее, конные ристалища, акробатика герольдов, танцы глотателей огня, или представление гиньоль в ярком шатре. На центральном авеню на ходулях танцевали монстры.

В рыцарской зале мэрии, самой большой в городе, начался прием.

Столы, у меня не поворачивается язык назвать столами, это шедевр декораторов: кушанья были вплетены в изящную живописную канву, как на натюрмортах поздних времен, среди блеска стекла, серебра и тонкого фарфора.

Столы размещались полукругом, оставляя пространство для действия и так, чтобы никто не сидел к другим спиной. Согласно традиции, молодежь сидела на коврах и подушках, и низеньких табуретах, а на больших блюдах красовались яства и кубки.

С моего места весь зал казался пестрой и многоголосой рекой. Я настроилась на гул этой реки — она была теплой, взволнованной и дружелюбной.

Победно пропели фанфары, и в центр вышел Мэтр глава Совета.

— Я рад вам всем! Каждый год я с волнением жду этой встречи, надеюсь на новое чудо, на открытия и вдохновение! Смотрите, нас так много, и мы одна семья — сказители всех стран, дети дорог и баловни судьбы!

Мадам встала и взмахнула рукой — это означало, что первая тема состязания выпущена в мир и нам осталось только ее поймать. Я почувствовала ее кожей! Потом я дошла до пика волнения, сердце екнуло и волна жара залила грудь, я была уверена, что поймала тему! Тут я быстро взглянула на Жилия, Мадлен, Мирьям и Базиля — они мгновенно поняли меня.

Жиль встал и взял лютню. Базиль — тамбурин, Мирьям — маленькие литавры, а Мадлен — свирель. Выбор сделан!

Бесстрашные Неверцы, мы вышли на середину, нам подвинули табуреты, но мы с Мадлен остались стоять. Раз я капитан, то вышла вперед и взяла Жилия за руку, с минутку мы настраивались, сплетаясь сердцами.

Потом Жиль сел и заиграл. Это была нежная, трогательная тема, пришедшая из глубокой дали, но свежая и чистая. Тамбурин, литавры, свирель ласково и дружно подхватили ее, а я, глядя в живые, радостные и заинтригованные глаза слушателей, запела канцону:

— Вольный дух свободы
Будоражит кровь.
А знамя у трузэра —
Безмерная любовь.

Мой храм — шатер дубравы,
Ручей — моя купель!
Меня ласкают травы
И жаворонка трель.

Солировала Мадлен так живо, будто это был пленительный голос жаворонка, а не маленькая свирель! Слушатели улыбались, они расцвели и расслабились, все были приятно удивлены. А я поглядела в карие глаза Мэтра главы Совета, он мне легонько кивнул, одобрительно и заговорщически. Тогда я продолжила:

— И на восходе солнца,
Пусть выпью я росу,
Спою куплет долине,
И ветер понесу!
Скрипи, ридо!
Повозка — вдаль кати!
Я никогда не знаю,
Цель моего пути.

Базиль сыграл зажигательный фрагмент на тамбурине, и вместе с Жилем повел музыкальный диалог. Я же пела вокализ: это были звуки солнца, ветра, самого состояния воли и безмерного счастья, и лились они, как трель жаворонка или бурный лесной поток.

Мирьям заиграла на литаврах и нежная мелодия немного успокоила страсть. Я закончила с чувством:

— Я просто несу ветер!
Жар солнца!
Блеск травы!
Спою потоку, светел
Исход моей судьбы!
Труверы, пилигримы —
Мы — детища дорог!
Мы музами любимы!
Магистры легких строк!

Музыканты сыграли торжественную коду и сразу перешли на танец, под одобрительный рев зала.

Мне оставалось только громко и ясно запеть вариацию на старую труверскую ретроенку:

Видела волка и лисицу,
Видела зайца и куницу,
Видела, как плясал медведь,
Слышала, как он начал петь!

Кое-кто из гостей похватал инструменты и подхватил тему танца. Я подала руку мэтру главе Совета, Анна — Штиммелю, Марко — мадам Аманти и начали фигуры старинного танца, показывая другим пример. Между фигурами я пела новый куплет, и мэтр глава Совета, лукаво улыбнувшись, спел красивым и мощным голосом ответ:

Танцуй, танцуй, Фьяметт!
Есть у тебя секрет!
Быстра ты, как куница,
Лукава, как лисица,
Дай мне рукав, Фьяметт!

Зал плясал, потом все устали, и музыканты дружно сделали финал. Кричали, аплодировали, смеялись. Я обняла музыкантов и отшнуровала свой правый рукав.

Базиль прошептал: «О, нет!», но не остановил меня. Я подошла к Мэтру главе Совета и с поклоном подала ему рукав.

— Спасибо, девочка моя, утешила! — он обнял меня. Рукав взял, и, поцеловав, положил за пазуху.

Начало было положено. Приём далее пошел легко и радостно.

Каждая школа играла свое представление. Атмосфера в зале пылала, и я пошла подышать свежим воздухом. Пока я тихонечко кралась по коридору, не заметила, что в нише отдыхал Мэтр глава Совета. Он поманил меня пальцем:

— Скажи, дорогая, чьи это были стихи, что ты выбрала для канцюны?

Я лихорадочно думала, что ему сказать. Решила, что врать не буду:

— Они мне пришли, сир, прямо во время исполнения. Просто я «поймала» вашу тему.

— Пришли? Вот так, сразу? — переспросил он.

— Да, сир.

— Часто это приходит к тебе?

— Практически, всегда. Только я не запоминаю слова, — я почувствовала нарастающее смущение.

— Ну, ступай, дорогая, спасибо! — он мне улыбнулся, давая понять, что можно идти. — Это ты герцогиня де Невер? — спросил он вслед.

— Да, ваша светлость.

— Ты бретонка?

— Нет, сир. Я — иностранка.

Так я и ушла, не уразумев, плохо это или хорошо, что я иностранка. Во время приема было столько диковинных вещей, но к концу впечатления от них уже наслаивались.

Наша команда провожала гостей как принимающая сторона. Все мэтры, проходя мимо, обласкали отличившихся Базилья, Мирьям, Мадлен, Жилья. Мне достался поцелуй «страшного» Штиммеля, который оказался весьма милым при ближайшем рассмотрении.

Я дождалась пока пройдет Аманти и подмигнула Базилью с Мирьям:

— Похоже, все получилось!

— Но ты подарила мой прекрасный РУКАВ!!!! — простонал Базиль.

Мадлен и Жиль что-то жевали, а Сэм был окружен барышнями и вещал что-то милое.

Бриджит злилась:

— Вы посмотрите на этого петуха Голландского! Меня теперь просто не существует!

— Милая Бриджит, посмотри туда, и успокойся, — я указала ей на мэтра Гийома, который был среди изысканных дам постарше, что-то горячо и увлекательно излагая. Дамы любовались им. Чувствовалось, что им весело.

— О, да! Это вообще невыносимо! Ты просто святая! — Бриджит закатила глаза и взяла апельсин.

— Гляди веселее, Слоник! Вот тот японец на тебя смотрит! — поддразнила ее я.

— Где-где? — вскинулась Бридж, лучезарно улыбаясь.

Мимо меня прошел разок мэтр Мишель де Тресси. Он кивнул в ответ на поклон, посмотрев на меня внимательно, но ничего не сказал. Он жутко похож на Гийома! Этакий Гийом, лет в сорок. Осталось странное ощущение — присутствия при отсутствии.

ДЕЛА ВЗРОСЛЫЕ

Утром в зале, построенной еще для Людовика II, собрался Совет мэтров дабы договориться. Каждый год форма состязания выбиралась разная. Поэтому мы все изнемогали от любопытства. Подслушивать никто бы не стал, но вот выпросить Жослин, которая была в зале и все слышала, мы разумеется, могли.

Оставалось ждать.

Наконец, дверь распахнулась и радостно улыбаясь, всплыла Жослин. Мы кинулись к ней, не ходу пододвигая ей стул.

— Что, изнемогли, герои? — Жослин наслаждалась нашими мучениями.

— Не томи, Жослин!! — совместный крик отчаяния.

— Ладно, ладно! Компания у них, знаете, безо всякой напыщенности. Мирно так болтали, предвкушали, чем бы всех удивить. То, да се. Молодежь, говорят, просто собрание перлов, нужно что-то из ряда вон. Для уникального проявления талантов. Тут сир Превер и говорит, что будет, мол нам непросто. У нас трое одаренных Богом детей, которые сразу других поставят вне конкуренции. Потому что одно дело — многолетние упражнения, другое дело — дар Источника. Знаете сами, как это редко бывает.

— Про кого это он, интересно? — перебил Жослин Сэм.

— А вот и не скажу, слово дала! Могу продолжать? Так вот, сир Превер рассказал им вот что: «Угадайте, что ответила мне юная особа на вопрос, чьи стихи она выбрала для канцоны? Она ответила: «Они пришли ко мне прямо во время пения». И мило добавила, что так происходит всегда! А ведь эта девочка иностранка! Как же давно путешествует ее дух».

У меня запылали щеки, но к счастью, народ не понял, о ком речь.

— Тут наша Жиневра и говорит, что лично она к этому вполне привыкла, у нее есть девочка, играющая Баха, те произведения, что он не сочинил. (Мадлен закрыла лицо руками). Есть мальчик, пишущий, как Джотто, (Базиль затеребил мочку уха) только в наши дни, есть поэтесса сочиняющая древние баллады один в один. От подлинника не отличишь (Мирьям кашлянула), и вообще, целых десять таких девочек и мальчиков.

Мы довольно засмеялись, это было приятно слышать, тем паче от Мадам.

Жослин продолжала:

— Тут они стали совещаться и решили отъявленных импровизаторов отделить, и долго решали кого именно.

— Ну и кого???

— Боюсь, вас это не порадует... Фламенку, Мадлен, Базиля, Серджо, Хайнца, Марко и Гийома.

— Как это?! — дружно возмутились мы.

— А вот так! Вы не будете соревноваться, а выступите командой. Мэтр де Тресси придумал вам трудное задание: все семеро вы будете разыгрывать лэ, а какое — определит публика перед вашим выступлением.

— Нечестно! У нас не будет времени! — возмутился Марко.

— Еще бы! В этом то и вся фишка, Марко! Именно на это они и желают посмотреть, как мы выкрутимся, — спокойно произнес Гийом.

— Ребятоньки, это ж не все! — призвала нас к порядку Жослин. — Они решили всех уравнивать в шансах и разбить привычные команды отдельных школ! Теперь все школы делятся только на жанры, и соединятся в новые команды. И еще темы им скажут за три дня, вытянут, как жребий! Здорово, правда, просто бомба!

— Ага! Вот поэтому нас и разлучили, им нужна объединяющая сила внутри жанра! Хотя я и сильно скромна, но понятно, что каждый из тех, кого не выбрали, потащит за собой смесь из разных школ, это точно так, — изрекла Анна, и было ясно, что она совершенно права.

— И еще одно, — таинственно сказала Жослин, обращаясь к Гийому, — за женушкой-то, пригляди! А то мэтра Превера вышутили, что у него появилась любимица — герцогиня Неверская. Он давай возмущаться, что мол, неправда, а все ему говорят — вы же выпросили у нее рукав! «О, рукав! — с этими словами Мэтр расстегнул пуговицу камзола и вытащил краешек рукава, — не об этом ли рукаве мы говорим?» И рассмеялся, как мальчишка. Все добродушно его поддержали.

— Мэтр Превер куртуазен. Не будем его осуждать! — и Гийом послал мне воздушный поцелуй.

Тем дело и кончилось. Мы отложили свой совет до близкого знакомства с Сержио и Хайнцем.

После обеда мы пришли слушать решение Совета и смотреть на реакции школяров. Шуму было нimalo. И растерянность, и возмущение. Поскольку жанров было несколько, мы решили развести всех по залам для начала, дабы сплетались в новые рисунки.

МАРЖИНО

Вы знаете, что это такое — маржино? Самое общее название — «отверженные», а более точное — «за полями общества».

Хотя нас и оставили вне рамок состязания, дел нам хватило. Мы переключились на режиссуру, всемерно помогая соратникам, чем могли, словом, делом или бутербродом.

Мэтры уже отсмотрели все жанры. Осталось сложить впечатления в стройную систему и определиться с выбором победителей.

Жизнь удивляла, раскрывая каждого из наших товарищей в неожиданном свете. Во-первых, Анна оказалась лидером команды мимов. Ведь теперь японо-мэтру нельзя было ученикам помогать.

А Сэм неожиданно, стал декоратором, артистам гиньоль потребовалось создать специальное пространство, и он справился с этим столь авангардно, что гиньольцы не мыслили свое выступление без него. Вот он и стал, кем-то в роде клоуна, общавшегося с куклами, материей, то певшего, то игравшего на лютне.

Бридж оказалась гением дирижирования — ее усилиями объединились музыканты. Один Бог знает, как ей это удалось! Но ее команда играла, как один человек, хотя они говорили все на разных языках. «Пантомима — мое все!» — гордо сказала мне она.

Жиль шаманил с исполнителями канцон и ретроенок, кого-то подпирая, кого-то выделяя, а кого-то спасая. Даже тексты им приискивал. Пяток текстов, честно скажу, мы просто с ним сочинили. Поставили пару красивых танцев для отрады Совета.

Мирьям творила реальность с балладо сочинителями и баллад исполнителями. Она побила собственный рекорд, сочинив три новых баллады в стиле менезингеров, одну в стиле перуанских икерос.

Зрители, наблюдавшие за Состязанием, болели за любимцев, и казалось, совсем забыли о семерке маржино. Но лишь кончились основные состязания, публика начала жаждать кульминацию.

Сир Прэвэр, наконец, объявил, что сегодня всех ждет испытание семерки труверов, трех стран-участниц, которые были вынесены за рамки программы, как импровизаторы. Им предстоит исполнить драму, содержание которой никто из нас не знает, времени на подготовку которой у них не будет, за исключением пяти минут настройки и семи тактов музыкального вступления, — великодушно закончил он.

— А тема? — заорало несколько голосов из зала.

— Тема будет найдена прилюдно и озвучена всенародно, только перед исполнением, — интригуяще сказал он.

Так вот в чем дело! Базиль, Фламенка и Гийом переглянулись.

Гийом прекрасно понимал, в чем подвох, он сам никогда не был импровизатором! Чья-то искусная рука толкала его в неведомое. Мадлен вдруг расплакалась от перенесенного напряжения, Серджио обнял ее и утешал, как мог. Марко кусал губы, Ханц то краснел, то бледнел. Я подошла к нему:

— Мой дорогой Ханц, только ты, волшебник, сможешь сыграть эти семь тактов, я знаю! — тут он зарыдал и кинулся мне на шею.

По-настоящему спокоен был только Базиль. Он внезапно понял, что уже сделал свое дело, создав среду «Сада поэтов», которую, кстати, еще никто не видел. Вся внутренняя логика его «малой Вселенной» была отражением философской идеи «Источника Вдохновения». Человек, мироздание, Бог — так говорил его учитель, так понимал врата искусства и сам Базиль.

Он отозвал Гийома и стал рассказывать ему отправные точки своей идеи. Он опирался на то, что в умело построенной среде нужен хороший кормчий, чтобы вести весь корабль от события к событию. Знаки, находящиеся внутри пространства, подскажут ход. Мастерство поэта поможет облечь

это в слова. А хорошие импровизаторы — подхватят парус. До начала оставалось четыре часа и труверы проведут их вместе. Они ушли в тайное место на берегу реки.

Развели костер.

— Садитесь и будем медитировать, друзья, — Базиль пригласил всех к огню.

— Базилью есть, что сказать, — начал Гийом.

— Помните миф о Саде поэтов? И Базиль подробно рассказал о своем замысле. О среде, которую создал, и о знаках, скрытых внутри пространства. И в целом, о том, что он предложил Гийому.

— И еще, — прибавил он, — нам нужен медиум, тот кто выловит жемчужину смысла.

— Фламенка! — твердо сказала Мадлен, — это точно ее работа.

Серджио даже рассмеялся от радости:

— Да, Базиль, истинно, ты — Джотто! Ты нас спас!

Молчал только Марко. Хотя слушал он внимательно. Все ждали. Наконец, он сказал:

— Ну, будь по-твоему, брат!

Это было событие века! Я взяла их за руки, Марко и Гийома и прочла:

Лежала пропасть, рыцари, меж вами
Вражды столетней темнота.
Лишившись слуха, зренья, сами
Нашли вы выход, слепота
Сердец, вас не лишила благородства!
И поднят был сраженья стяг!
Окрасит солнце землю цветом крови,
Все белые знамена станут — алы!
И побегут за вами в бой вассалы!
Поклявшись вам кольцом сеньорским!

Когда я сама воодушевлена, могу совершать чудеса воодушевления. У Серджио и Ханца были такие лица, будто читала я эти слова только им.

Мои герои дрогнули, я это чувствовала всем существом. Оставалось свети их руки, предлагая им зарыть топор войны. Мужчины медлили, но потом Гийом протянул Марко руку, и тот ее пожал.

ПЕСНИ СЕРДЦА

— Я не знаю способа настроиться лучше, чем спеть друг для друга. Пусть в песне прозвучит нечто очень личное, что поможет нам почувствовать единение, — предложила всем я.

— Тогда я начну, — и Мадлен запела одну из своих эльфийских песен. Про миры, скрытые в капле росы, про блуждающие по лугу огни. Про крохотных существ, Духов стихий и их чарующие песни.

Зазвучал нежно тамбурин и под серебристый его ритм Базиль пел песню своей Родины, про таинственную утреннюю звезду Ясин, пел тем самым, переливчатым звуком, который разносится по вечерам с минаретов Марокко. В этой песне была хрупкая красота и печаль.

Дальше заиграла волынка Ханца, ее звук напоминал пение молодой и сильной девушки, которая пела о Тирольских холмах, о весеннем цветении, празднике жизни и о предчувствии любви.

Серджио пел о радости, смелых ожиданиях рыцаря и о прелестях его дамы сердца. От песни веяло кипением в крови, удачью и вольной силой.

— Фламенка, спой мне колыбельную! — попросил меня Марко.

Я, конечно, удивилась, но спела. Это была колыбельная для мужчины, поддерживающая его дух, укрепляющая его силы. Дарящая ему нежность и защиту.

— Спасибо, кара! Это было то, что нужно. — И Марко спел песню солдата, который прощается с домом, мирной жизнью и матерью.

Это было так удивительно и так не похоже на Марко! Я словно увидела другого Марко — старшего сына в большой семье. Обожаемого брата, надежду отца и горечь расставания с близкими.

Гийом взял лютню и заиграл что-то очень старинное, песня была на старом романском диалекте и была про простые радости вагабонда и про счастье странствий.

Среди распутицы дорог
Скрипит мое ридо.
Звучит среди летучих строк,
Скрипучей нотой «ДО».
«Жермен, Жермен, ты так мила,
И очень мил твой дом,
Но не судьба мне жить была,
С тобой, Жермен, вдвоем!»
Милее мне полей простор,
Непознанность пути.
Реки потока разговор,
И мост, чтоб перейти.
«Жермен, Жермен, ты так мила,
И очень мил твой дом.
Но не судьба мне жить была.
С тобой, Жермен, вдвоем...»

Что-то кольнуло у меня в сердце, но спрашивать об этом было неуместно.

В большой танцевальной зале яблоку негде было упасть, и все же вместить всех желающих не удалось. Решили оставить только приглашенных.

Третью зала была отгорожена бархатным занавесом. А на остальном пространстве был построен амфитеатр. На третьем ряду сидели мэтры. Сеньора Аманти обернулась к залу:

— Друзья, из библиотеки Кракассона я прихватила пять томов: это Лэ Марии Французской, несколько рыцарских романов, стриботы и куплеты 11-13 веков. Они пред вами и вам решать, какой том я возьму! Но до этого я хочу пожелать удачи нашим молодым друзьям!

Зал одобрительно загудел и заплодировал. Когда шум стих, слово взял сир Превер:

— У нас есть правила. Вы можете наблюдать, сопереживать, но сдерживайте свои чувства и не аплодируйте до конца драмы. Прошу вас! Душевное напряжение трувера велико и тонка связь с Источником! Окажите уважение!

— Итак? — сеньора повернулась к залу.

— Красный том, красный! — Несколько голосов из зала выкликали с задором.

Аманти открыла красный том:

«... Гони любовь — покой гоня.
И тот безумец для меня,
Кто хочет, оставаясь праздным,
Утехам предаваясь разным,
Добиться у любви отставки.
Но кто о петле иль удавке
Мечтает для нее
Иль плене хотя б,
Тот — откажись от лени!»

Я так и ахнула, это был мой любимый роман — о Фламенке, чье имя я и взяла для себя как псевдоним! Хороший знак! Только он необыкновенно сложный и в нем полно сюжетных линий.

— Это Роман о Фламенке, — возвестила Аманти, — придется выбрать сюжет!

На этот раз встал Мишель де Тресси:

— Дочь короля, любимица Фламенка
Объявлена для брака,
Но она не может выбрать
Из двух достойнейших сеньоров одного.
Чем дольше, тем сложнее!
Они же любят оба.
Сердце дамы поделено меж ними наравне.
Разгневался король,
И объявил сеньорам,
Коль не один не смог снискать
Благоволенья дочери,
Пускай же бьются насмерть
В конном поединке.
Столкнулись сеньоры на турнире,
Но ни один не может
Другого победить.
Спасая жизни рыцарей своих
Фламенка в водах тонет.
И доблесть торжествует и любовь.

Остальные мэтры согласно кивнули.

— У вас пять минут!

— Нам нужны еще музыканты, — попросила я Прэвэра.

— Прошу! — сир широким жестом показал на ряды.

Гийом громко позвал:

— Жиль, Леа. Мирьям и Жан.

Когда вызванные спустились, мы встали кругом, и я быстро им изложила: мы не люди — мы Силы. Источник радости, Доблесть, Амор, Маг, Колдунья. Поэт и Рыцарь. Это вариация «Ундины» — королева выпросила у Духа вод дитя, Фламенку. Маг может это увидеть. Колдунья — сделать ее снова Источником, когда нужно спасти любимых. Амор и Доблесть спорят меж собой, есть ли в людях любовь и доблесть. Гийом — роли! Они меня поняли с полуслова.

— Мадлен — колдунья, Базиль — Маг, Ханц — Амор, Серджио — Доблесть, Марко — поэт, Фламенка — Источник. А я — рыцарь.

Мы соединили на минуту руки и разошлись по местам. Люстры загасили и зажгли огни рампы. Открылся занавес, и все увидели чудо Базиля — мифический Сад поэтов.

На бортике золотого фонтана сидел Амор, взъерошенный, чертовски милый, обаятельный мальчуган, а не Ханц играл на своей волынке, знаменитые с этой минуты семь вступительных тактов:

— Зачем же всяк клянет Амор?

Ах, да! Не в этом ли причина,

Да, я уверен, что похоже,

Исчезла Радость, Доблесть — тоже,

И стыд — сам при смерти. Ему

От знания ждать ли исцеленья?

Клянусь, что нет!

Благоволение — сегодня рыночный товар!

Любой совет, не то, что дар,

Дается человеком лишь,

Когда приносит то барыш,

Ему иль другу, иль когда

Врагу довольно в том вреда.

Что спорить, коль стоит при всех

Любовь с поникшей головой!

Но я рассказ продолжу свой:

Нашла на Скардность кручина...

— Добро пожаловать! — в ответ ей дама Сплетня,

«Столько лет, мы ждали случая Сестрица,

Хоть будет чем нам поживиться»!

Ханц так уморительно передавал интонации старых сплетниц, что народ захихикал. С первых аккордов интрига набирала оборот, никто не ждал такого выпада труверов. Мэтры довольно качали головами.

Меж тем к Амору подсел бравый Доблесть, и они стали думать, как быть с человечеством, забывшим и долг, и стыд, и саму любовь. Канцона Доблести вышла очень хороша, но еще лучше оказался их дуэт с Амором:

— Мой брат, меж нами нет раздоров! — такой вот рефрен, Серджо его поддержал обертоновой флейтой.

Зрители заметно возбудились. Вместо рыцарской драмы они наблюдали сговор двух несерьезных негодников испытать сердца людей. Мы, как гончие, ловили слово и ноту друг друга.

Дальше нужен был переход, и вспомнив слова Базиля о знаках, я стала оглядывать пространство, а Базиль пальчиком мне указал на дерево. Ага, вот и майское дерево, под которым делают признания влюбленные. Я помахала рукой Марко и Гийому, показав на дерево взглядом. Те мне кивнули.

Начался мой эпичный проход к майскому дереву, когда из движения рождается музыка действия, нужна была метафора, передающая все то, что мэтр Мишель описал, как «сердце дамы поделено меж ними наравне...» Мысли кругом, головокружение, точно!

Я встала, и начала очень медленно кружиться, потом быстрее, почти как кружатся суфии, шелестели юбки, я то раскрывала руки, то складывала их на груди. Ты вытягивала вверх, призывая небо, то опускала вниз к земле. Литавры тоненько задрожали, их поддержал тамбурин и вот уже магический ритм овладел всеми. Кружение — как головокружение, как мысли кру́гом. Как молитва, как карусель! Эта Фламенка была самым ожиданием и надеждой. Через всю сцену, самым длинным проходом, как в театре Но, шла она навстречу судьбе, и голос ее то был тих и глух, то взлетал вверх, как слышимые сомнения. Обходя дерево и обращаясь к божеству Мая я спела так:

— Два дерева в саду моем
Высокий тисс и стройный бук.
Прекрасны оба, зелены,
И сердцу равно дороги,
И бук, и тисс.
Сравнить мне Солнце и Луну,
Возможно ли, Владыка Май?

Подняв ленты майского дерева, явились герои. Рыцарь и Поэт. Я стала с ними танцевать старинный танец «Венок», танцевался он, не отрывая рук, сплетаясь и расплетаясь в головоломном рисунке. Трудно описывать то, что вообще не объяснить словами, всю тонкую игру слова, голоса, взгляда. Совершенно условная реальность баллады становилась живою и волнующей. Мы пели и говорили о том, что действительно чувствовали.

На поворот в действии решился Amor: он появился и завязал моей героине глаза, чтобы она услышала голос сердца. И это было отличной находкой, потому что движения мои тут же утратили уверенность, все для Фламенки стало зыбким.

Я, сделав несколько неуверенных шагов, остановилась, Рыцарь-Гийом взял меня за руку и усадил рядом. Он запел канцону о любви. Чувства, проистекавшие из его голоса, заполнили не только меня, но и всех, до последнего человека в зале. Конечно, Гийом оставался мэтром, и многим из нас еще до него расти и расти, это стало так ясно!

У меня встал в горле ком, я просто не могла петь. Мне осталось одно — молча поцеловать Рыцаря. И тут появился Поэт-Марко, сел рядом, а потом положил мне голову на колени, и как это было днем у костра, попросил спеть колыбельную, но пока я ее пела, он вытаскивал шпильки из прически и распустил мои волосы по плечам, а потом, перебирая пряди, запел о своей любви. И сейчас стало неважно, ко мне или моей героине. Мы много слышали песен о любви, но в этой было столько пронзительной нежности, что

я как-то внутренне дрогнула. Возникло желание укрыть его, Поэта, от всех невзгод, я наклонилась над ним так, что волосы мои плащом укрыли его, и поскольку нас никто не мог увидеть, я шепнула ему «Спасибо», и тоже его поцеловала.

Зал замер. А мы, трое так и продолжали сидеть вместе, пока Маг-Базиль не зажжет свой фонарь.

Сюжет нашего повествования причудливо разворачивался: Маг спел о Тайне рождения Фламенки, о том, как королева вымолила у Духов природы рождение дочери. Мне осталось поддержать сюжетный ход: моя героиня пришла и умоляла Мага, помочь понять, почему она не может сделать выбор, почему не может быть, как все. Канцона вышла очень жалобная, из всех сил я убеждала Мага, как велико страдание души, не ведающей причин.

Размышления Мага — вышли самым завораживающим музыкальным действием во всей истории. Какая это была причудливая мелодика! Сочетание и игра Востока и Запада. Базиля поддерживали инструменты Мирьям и Леа. А цветные лампы, которые зажгли ребята, создали миражи света.

Подумав, Маг открыл мне правду, что я не человек, а Дух воды, Источник. Источник Радости поит всех.

Народ в зале заерзал, это было неожиданно. Мне казалось, что Мэтры наблюдали, как же мы выкрутимся дальше.

Но на самом деле, они были целиком поглощены наслаждением от процесса.

Доблесть и Амор решали, вмешаться или нет, ведь Король в гневе. И тут они учинили произвол, сидят и судят:

«По сюжету, Король войну им должен объявить!»

«Нет, мой друг, ничуть не ново это! Пусть он в тюрьму их заточит!»

«Ну, фи, тюрьма — вульгарно! А вот если б,

Их на корабль посадить, да в море!»

«Пока мы спорили с тобой, смотри,

Не на корабль, а в лодку посадили,

И шторм послал им Посейдон!»

«Фламенка! Гонит тучи ветер!

Гнев Короля послал их в шторм!»

«Ну, полно, видишь: сошлись в ристалищах они

И бьются крепко! Преломились копья,

Изломаны мечи, помяты латы,

Настала середина дня — а оба устали не знают!»

Амор и Доблесть расступились и на авансцену выскочили полуобнаженные Рыцарь и Поэт рубясь неистово на палках, демонстрируя уже нешуточную ярость. Потом они отступили слегка назад, оттеснив Амора и Доблесть.

«Бьюсь об заклад — они убьют друг друга!»

Рыцари опять выкатились вперед клубком, уже без палок, просто рукопашную.

«Фламенка!!!»

Сюжет наши друзья развернули, теперь осталось бежать к Колдунье Мадлен и просить, умолять вернуть моей героине прежний облик — Источника, чтобы спасти обоих возлюбленных.

Помните Снегурочку, вымолившую у матери-Весны возможность любить, было очень похоже!

Мадлен сотворила настоящее колдовство: ее лютня, и ее эльфийские песни заморозили народ в зале. Ведь они слушали Мадлен впервые.

И вот она — кульминация, моя героиня встает между рыцарями и произносит заклинание Духа воды, и становится Поток, разлившимся между двумя влюбленными. Друзья мои играют шедевральную пантомиму, как их сносит невидимым потоком.

И один вытаскивает из воды другого. Оба живы, но Фламенки больше нет.

Колдунья Мадлен поет грустную песню об Источнике, что питает вдохновением всех.

Наши молодцы — Амор и Доблесть пожали друг другу руки.

Осталась последняя композиция в великолепном пространстве Базиля — это Кастальский ключ вдохновения. И все герои собрались у него: Рыцарь, Маг, Поэт, Колдунья, Доблесть и Амор. Моя героиня позади, как тень, в капюшоне.

Фламенка протягивала к ним руки, но не могла дотянуться из мира теней. Тогда я подала Магу конец своего пояса, он привязал к нему конец своего рукава и отдал Рыцарю, тот привязал свой платок и передал Доблести, Доблесть вставил шнур от своей лютни, передал Колдунье, та, сняла ленту и привязала ее, отдав Поэту, Поэт подвязал свой платок и отдал зрителю... зрители стали вплетать кто что мог под элегию, которую наигрывал Поэт.

Волна докатилась до сира Превера, который решительно впледел свой платок, далее рядами, обегая зал. Конец этой связи получил Амор и отдал его Фламенке. Все соединились с Источником.

Амор пел под звуки колесной лиры, баллады о силе любви, доблести и радости. И об источнике вдохновения. Когда он закончил, меня уже на сцене не было. Два конца пояса соединяли моих возлюбленных через весь зал.

Прозвенела последняя нота. Наступила очень долгая пауза.

Ханц первый вышел из образа, став печальным и встревоженным, и с ожиданием глядел в зал. Помалу все участники действия вышли из образа и ждали хоть какой-то реакции.

Сир Превер поглядел по сторонам, люди сопереживали, они не отжили еще трепет момента, у многих на глазах были слезы.

Тогда сир Превер счел нужным отменить собственный запрет и сказал негромко:

— Браво, труверы! — и стал аплодировать.

Лавина звуков понеслась по залу.

— Браво, — заорали с энтузиазмом зрители.

И так радостно было наблюдать, как напряженное ожидание труверов лопнуло и разлилось глубоким выдохом облегчения.

Наши ребята стояли счастливые и опустошенные. Энергия еще играла в их теле, как поток, глаза горели. Взявшись за руки цепочкой, они поклонились.

— И где же Источник? Хотим Источник, — задорно прокричал сир Превер.

Базиль пошел за мной. А я стояла и ревела, как ребенок, сотрясаясь всем телом, потому что прожитое на сцене вывернуло меня наизнанку.

— Идем, Ясин, они зовут тебя, — Базиль вытер мне рукой слезы, — надо идти!

Я шмыгнула носом, завязала волосы узлом и мы пошли с Базилем.

Зал обдал жаром, светом и шумом. Труверы пустили нас в цепочку. И все еще раз поклонились.

Стояла я, заплаканная, будто обнаженная, и думала о том, что не хочет моя душа больше ни драм, ни похвал, ни песен. Только покой.

Нас долго не отпускали, потом занавес, наконец, упал.

С ликующим кличем все кинулись в кучу, целуя и обнимая друг друга. И тут появился мэтр Жеан. Он ласково похлопал по плечу каждого из мужчин, обнял Мадлен, кивнул Гийому и направился ко мне.

— Мое восхищение, — тихо сказал он, — вы догадались об аллегориях, это было интересно. Молодец.

Он поклонился, развернулся и пошел. Я же стояла, как столп соляной, не зная, что делать.

С гиканьем ввалились наши дорогие товарищи: Анна, Сэм и Бридж, Жиль, а за ними мэтры, Жак, Японец. Все обнимались, как в конце баталии. Так оно, в общем-то, и было! И тут вошла Мадам. Она сказала:

— Вы лучшие, я не сомневаюсь!

Лица у нас вытянулись — уж Мадам ли это? Она нам улыбнулась, и клянусь, это была искренняя улыбка.

Знаете, это ужасное ощущение, долго-долго идти к цели, а потом вдруг дойти, и понять, что интересен и важен был сам процесс, а совсем не результат. Я изначально не сомневалась, что мы справимся с импровизацией, даже Гийом, который ее всегда боялся. Волновалась только за то, насколько интересно и верно поймем свою задачу.

(Продолжение следует)

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ. ГОДЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

Сразу после окончания Великой Отечественной войны Г. Свиридов создает романсы и песни на стихи советских поэтов (1948). Необходимо вспомнить песню «Услышь меня, хорошая» на слова М. Исаковского. В отличие от В. Соловьева-Седого Свиридов написал романс не только о любви, но и о русской природе, вступающей в свое весеннее цветение. Мы слышим в этой песне не только голос сердца, но и «зеленый шум» пробудившейся природы, шелест трав, шепот деревьев, звучание острой косы. Другие свиридовские песни написаны на слова К. Симонова («Я много жил в гостиницах») и А. Прокофьева («Протяжная песня»). Композитор обрабатывает также болгарские народные песни, посвященные родине («Любовь к отчизне» и жестокой борьбе «с чужой ордой» («Смерть Тодора»).

Продолжая традиции Чайковского и Мусоргского, Свиридов составляет «Детский альбом» (1948), включающий в себя 17 номеров и воспроизводящий разнообразные детские характеры («Упрямец», «Попрыгунья») и передающий зарисовки природы и быта («Дождик», «Перед сном»). Здесь сказалась редкая человечность композитора.

Интенсивно работает Свиридов в сфере театра и кино. Он пишет музыку к таким разным спектаклям, как «Победители» (для Театра драмы имени А. С. Пушкина) и «Рюи Блаз» (для БДТ в Ленинграде), к таким своеобразным фильмам, как «Пржевальский» (реж. С. Юткевич) и «Римский-Корсаков» (реж. Г. Рошаль). Его музыка к ним отличается тонким чувством

стиля, что было отмечено в печати Д. Шостаковичем.

Познакомившись в 1949 году со стихами армянского поэта Аветика Исаакяна, Свиридов проникся идеей создания вокальной поэмы «Страна отцов». Она была окончена композитором в 1950 году, будучи основанной на едином музыкально-драматургическом сюжете, передающем в большом ряду картин образ страны Армении и ее народа, их прошлое и настоящее. Свиридов отобрал 11 стихотворений Исаакяна в переводах А. Блока и советских поэтов и выстроил их в продуманной последовательности. Поэма начинается с Пролога «Слово отцов», где впервые возникает образ Родины. Словно набатный колокол, раздаются мощные аккорды фортепиано, ощущается эпическое величие древней страны, и приоткрывается завеса прошлого. Вторая картина названа «В дальний путь». Она безмятежна и лирична, поскольку передает облик теплой и нежно любимой родной земли. Герой здесь предстает юношей, радостно созерцающим мир. Третий эпизод — «Песнь о хлебе». Странствующий поэт (гусан) благословляет труд крестьянина, а музыка утверждает величие этого неутомимого скромного труда сеятеля, на который отзывается своей мелодией проходящий мимо гусан. Очередной номер цикла передает мечту юноши о своем баштане и его песню восточного типа. Неожиданно в «Страну отцов» вторгается тема борьбы за свободу («долина Сално»). В музыке оживают интонации русских и французских

революционных песен. Лирическим отступлением выглядит шестой эпизод — «Черный орел». Здесь Свиридов утверждает тему высокого призвания поэта, похожего на горного орла. В следующем номере цикла — «Моей матери» — изгнанник мечтает увидеть далекую мать хотя бы во сне. Песня «Дым отечества» выражает горячую любовь к родной земле, и этому служат просветленный мажор. Герой, однако, по-прежнему разлучен с отчизной и страдает не столько о себе, сколько о поращенной родине. В си-мажорном разделе песни возникает теплый образ родного дома. Девятый эпизод — «Бранный клич» — заключает в себе образы битв далекого прошлого и призыв к сегодняшней борьбе, что передается тревожным маршем. В песне «Сестре», начатой звонкой фанфарой, слышится проникновенная русская мелодия и гитарный аккомпанемент отечественного романса. Последний эпизод — «Моя родина» — обобщает основные мотивы цикла. Он покоряет не столько мелодической яркостью и броскостью, сколько монументальностью и эпической мощью [1]. Связывая «судьбу народную» и судьбу человеческую, он перекликается с прологом и еще раз несет высокую патриотическую тему.

В 1951 году Г. Свиридов возвратился к жанру оперетты и написал музыкальную комедию «Огоньки» (либретто Л. Захарова и С. Полоцкого). Она посвящена русским дореволюционным рабочим и воспроизводит быт заводской окраины Петербурга (первоначально оперетта называлась «За Невской заставой»). Чем-то ее сцены и герои напоминали кинофильм «Юность Максима». Эта музыкальная комедия впервые в таком жанре раскрывала эпизоды революционной борьбы русского пролетариата. Свиридов разрабатывал такую тему впервые, но так ответственно и глубоко освоил новый материал, что создал живое и оригинальное произведение, воспринятое как энциклопедия музыкальной жизни дорево-

люционных рабочих Петербурга. К числу героев оперетты относились большевик Петр Нечай, преследуемый полицией и учительница-революционерка Татьяна Мальцева, его жена, а также молодые рабочие Шурка и Катя. Свиридов наделил их песнями «Чем ночь тяжелей грозовая», «Песня о соколе» и «Город фабричный», близкими известным свободлюбивым русским песням типа «Славное море, священный Байкал». В оперетте звучат и вещи других жанров: частушки, «жестокий» романс, полька, галоп, марш, мелодии шарманки. Либретто музыкальной комедии оказалось перегруженным номерами и растянутым, но «Огоньки» вошли в историю советской оперетты как эксперимент, несомненно, удачный и новаторский. Начиная с 1952 года, «Огоньки» были поставлены в Киеве, Ленинграде, Омске, Свердловске и других городах.

Свиридов вновь вернулся к поэзии А. Исаакяна и, развивая проблематику «Страны отцов», написал ряд романсов на его стихи: «Черный взор», «Страдания любви» и «Изгнанник».

В 1955 году композитор снова обратился к зарубежному материалу и создал цикл «Песни на стихи Роберта Бернса» для баса и фортепиано. Работа заняла всего один месяц. Цикл вообрал в себя девять частей, основанных на переводах С. Маршака и связанных цельным музыкально-драматургическим замыслом. Главным мотивом цикла стало душевное богатство бедняка, благородного и честного человека. В отличие от сюиты на слова А. Исаакяна, ставшей широким монументальным полотном, цикл на слова Р. Бернса состоит из сценок и портретных зарисовок бытового и лирического характера. Но, подобно предыдущему циклу, сочинение, посвященное поэзии Бернса, рассказывает о народе и его величии, духовной силе и нравственной красоте. Единого сюжета здесь нет, но отдельные песни объединены значительными философскими темами и цельной музыкальной композицией.

Поэт и композитор размышляют здесь о преемственности поколений, ценности человеческой дружбы и силе любви. Героями становятся самые простые деревенские парни и девушки, жизнь которых чрезвычайно интересна поэту, переводчику и композитору. В основном это персонажи из бедных семей, но они наделены гордостью тружеников и чувством собственного достоинства. Они резко противопоставлены богатым и чиновным людям, потому что они заняты повседневным трудом.

Цикл начинается песней «Осень», где слышится грусть и об уходящем лете, и об осени жизни. Мелодия соединяет декламацию с песенным распевом, а вся песня построена так, что в ней трехчастность формы сочетается с куплетностью. Авторы «Осени» утверждают мысль о неустанном течении жизни. В песне «Возвращение солдата» композитор рисует вчерашнего молодого воина, используя четкий ритм походного марша. Но вот герой встречается с любимой девушкой, и марш преобразуется в мелодию лирического характера. Пьеса «Джон Андерсен» рассказывает о трогательной дружбе двух седовласых стариков. Их мудрая старость трезво смотрит в лицо подступившей смерти. Песня «Робин» говорит о рождении ребенка в бедной крестьянской семье. Основываясь на жизнерадостных шотландских песнях, «Робин» воспринял их оптимизм и живость, задор и добрый юмор. «Горский парень» (№ 5 цикла) рисует на фоне неподвижных гор славного юношу, неколебимого и стойкого, как северные горы. Фортепианные аккорды напоминают четкую барабанную дробь, чтобы напоминать о боевом прошлом шотландцев, традиции которых наследует славный юноша с гор. Песня «Финдлей» строится как диалог деревенского парня с его любимой девушкой. Здесь много лукавства, задора, игры, но эти особенности передаются лаконичными средствами вокальной партии героя. В музыке возникают контрастные образы мужественного парня Финдлея и его

нежной возлюбленной, настойчивой и одновременно лукавой и кокетливой. То, что не высказывают юные герои, говоря о своих интимных чувствах, выражает свиридовская музыка, очень ясная и прозрачная.

Песня «Всю землю тьмой заволочло» воспроизводит собравшихся за столом бедняков, которые пьют с горя и гневно протестуют против царящей в жизни несправедливости. В центре этой группы нарисован пьянчуга-богатырь, который полон сознания своей могучей силы и своего бессилия одолеть социальное зло. Л. Полякова удачно называет его «шотландским Варлаамом» [2]. Выкрики «Налей, налей, хозяйка!» и «Еще вина!» преобразуются в конце песни в грозное негодование измученного, но еще могучего человека. Угловатый ритм музыкального сопровождения и передача «рокошущего» мотива на фортепиано помогают донести до слушателя это преобразование.

Песня «Прощай» — образец свиридовской любовной лирики, переданной в эпизоде разлуки шотландца с любимой. Но герой пьесы избегает сентиментальных вздыханий и свое чувство выражает в гимне любви. Три мелодически родственных куплета поддерживаются партией фортепиано, динамичной и усиливающейся мощными аккордами. Девятый (последний) номер цикла отдан песне «Честная бедность». Мелодия здесь вырастает в исполненный юмором, жизнерадостный гимн народу, гордящемуся своей бедностью, поскольку только она в этом мире честна, справедлива и по-настоящему нравственна. Куплетная форма этой веселой песни в финале меняется и завершается праздничной кодой.

Так весь цикл прославляет душевное здоровье народа и утверждает его бессмертие.

Раннее обращение к творчеству Шекспира и «Страна отцов», цикл на слова армянского поэта и «Песни на слова Роберта Бернса» свидетельствуют о глубоком интересе Свиридова к культуре других народов и об интернацио-

нализме его творчества. Не случайно в ряде произведений композитор опирался на музыкальное наследие Бетховена, Шумана и Шуберта [3].

Однако отечественная тематика и русская культура всегда особенно волновали и влекли к себе Г. Свиридова.

Это тяготение сказалось в 1955 году при создании оратории «Декабристы» (или «Песни вольности»), для которой были положены на музыку стихи А. Одоевского, Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, К. Рылеева, А. Бестужева, М. Бестужева, а также «Послание в Сибирь» А. Пушкина. Композитор раскрыл здесь героико-эпическую тему борьбы за свободу и величественный образ России. К сожалению, по ряду объективных причин оратория осталась не законченной.

Другим проявлением пристрастия к российскому материалу стало обращение к самому дорогому для Свиридова творчеству Сергея Есенина. Этой теме было посвящено несколько замечательных произведений. В 1956 году композитор создает «Поэму памяти Сергея Есенина». Создает достаточно быстро — за две недели. Поэма предназначается солисту (тенору), хору и оркестру. Она прозвучала впервые 31 мая 1956 года в Концертном зале имени П. И. Чайковского в Москве, куда в это время переехал Свиридов.

Если музыканты той поры интерпретировали только любовную и пейзажную лирику Есенина, то Свиридов показал поэта широких гражданских масштабов и художника переломной, противоречивой эпохи, драматизм есенинской лирики и безграничную любовь поэта к жизни.

В поэме девять частей и финал. Первая часть трактует стихотворение «Край ты мой заброшенный». Здесь нарисована картина горестной народной жизни с ее бедностью и нищетой [4]. От музыки веет тоской, болью за грусть русских равнин, глубокой печалью, и это настроение передает минорный напев солиста. Вторая часть — «Поет зима» — изображает неумолчную выюгу

и передает скрип фантастических саней. На этом фоне третья часть — «В том краю, где желтая крапива» — рисует каторжан, бредущих по дороге в Сибирь. О них поет крестьянин, и музыка передает его горестное сострадание. Иное настроение содержится в четвертой части, названной «Молотьба», где предстает картина тяжелого крестьянского труда. Флейты и кларнеты воспроизводят утренний призыв пастуха, а затем вступает мощный хор. Возникает ощущение начатой дружной работы. Это тяжелый труд, но его не покидает бодрость, слаженность и энергия. Свиридов славит эту работу, передает звуки молотбы, наполняет сцену солнечным светом.

Две следующие части рисуют музыкальными средствами «Ночь под Ивана Купала». Зримо передается языческий праздник, на который реагирует и вся природа. Музыка несет ощущение красоты, удали, волнения. Звучит челеста, передавая звон колокольчиков. Солист ведет свою песенную речь. Седьмая часть поэмы — «1919» — основывается на фрагменте из «Песни о великом походе». Показана картина разрухи, раздора и одичания в родном краю: слышатся звуки тамтама, медных инструментов и барабана — это раздается набатный звон, которому вторит хор. Восьмая часть — «Крестьянские ребята» — содержит солдатские прибаутки, частушки, подобию «Яблочка». Это крестьяне ушли в «великий поход», на поля борьбы за новый строй жизни. В основу девятой части поэмы положено стихотворение «Я последний поэт деревни». Музыка здесь с трагедийной силой передает предсмертную исповедь героя произведения. Литавры отбивают удары — шаги похоронного шествия. Звучат два громких аккорда оркестра, идет пауза и слышатся удары настоящего колокола. Финал поэмы — «Небо — как колокол» — объединяет весь оркестр и хор, которые «заглушают» певца. Мощная звонница, словно морские волны, наплывает на слушателя и напоминает плакаты революции,

просторы неба и безграничность космоса.

О поэме Свиридова высоко отозвался Д. Шостакович и такие видные музыковеды, как Г. Поляновский, А. Сохор и М. Элак.

В 1957 году Свиридов дополнил эту поэму циклом песен на слова Есенина «У меня отец — крестьянин». Здесь композитор затрагивает такие грани творчества поэта, как изображение быта дореволюционной деревни, горестные расставания с молодостью, любовные переживания. Это тоже сюита, как песни на слова Бернса. Части этого нового цикла объединены образом молодого крестьянского поэта, который исполняет здесь сольные теноровые песни. Всего в новом цикле семь песен. «Сани» — лирический монолог поэта, который возвращается в родные деревенские края после долгой разлуки с ними. Образ дороги, господствующий в песне, сливается с образом Родины [5]. Слышится звон бубенцов, передаваемый аккомпанементом. На миг сани остановились, чтобы поэт мог передать свои думы о дороге, березах и стране в целом, и снова продолжается бег этих саней по пустынной дороге, и звон бубенцов становится все тише и глуше. Вторая часть цикла — «В сердце светит Русь» — передает колорит страны, который по-особому дорог поэту и композитору. Кульминацией становится средний эпизод, где звучит широкий мелодический распев. Солист произносит знаменательную есенинскую фразу и восклицание: «О, край разливов грозных и тихих вешних сил!».

«Березка» — так называется очередная часть сюиты, которая рисует очеловеченный лик природы. Березка — это и выразительная деталь природы, и нарядная девушка со своими переживаниями. Причудливо-необычное соединяется здесь с человеческим, теплым и нежным. «Рекруты» — это жанрово-бытовой эпизод проводов крестьянских юношей на службу в армию. И потому мелодия здесь напоминает солдатскую походную, хотя включает в себя при-

знаки плясовой песни и частушки. «Песня под тальянку» воспроизводит другую сцену народного быта. Хотя слышится веселая россыпь гармонии, но в ее подтексте звучит грусть о пролетевшей юности, которую передает герой. Шестая часть свиридовского цикла — «Вечером». Снова волнует гармонь, аккорды которой передаются фортепиано. Возникает картина деревенских гуляний парней с девушками теплым летним вечером.

К лучшим песням цикла относится «Есть одна хорошая песня у соловушки». Она передает горькое чувство одиночества, осознанное поэтом. Речитатив излагает эти печальные размышления, в которых возникает скорбная мысль о близком конце. В целом цикл пронизан не только лирикой Есенина, интерпретированной Свиридовым, но и русской народной песней, обогатившей репертуар композитора.

В конце 50-х годов широко развернулась не только творческая, но и общественная деятельность Свиридова. Он стал членом редколлегии журнала «Советская музыка», заместителем председателя оргкомитета Союза композиторов РСФСР, членом Правления СК РСФСР.

Композитор сочиняет «Пять хоров без сопровождения» на слова Н. Гоголя, С. Есенина, А. Прокофьева, С. Орлова, ставшие вкладом Свиридова в нашу хоровую литературу; он создает песни на слова Б. Корнилова («Лесная сторона»), А. Прокофьева («Рыбаки на Ладоге»), М. Исаковского («Осенью») и А. Твардовского («Смоленский рынок» и «Станция Починок»).

К тому же времени относится и первый опыт обращения к творчеству В. Маяковского. Свиридов сочиняет песню-лубок «История про бублики и про бабу, не признающую республику». Стихи этой вещи написаны в стиле частушки или раешника, и это определило стиль лубка композитора (куплетную его форму, частушечный говорок, солдатские песни, четкий ритм, подражание гармонии).

Обращение к «Окну РОСТА» Маяковского стало серьезным поводом к созданию крупнейшего произведения по творчеству поэта — «Патетической оратории». Она была рождена в 1959 году и впервые исполнена в Большом зале московской консерватории 15 октября того же года. Дирижером был А. Е. Рахлин, а солистами А. Ведерников и Н. Исакова.

Свиридов не ограничился здесь одним литературным произведением поэта: он свободно соединил отрывки из поэмы «Хорошо!» с рядом стихотворений поэта. Он сам создал композицию своей оратории. Семь частей этого произведения условно группируются в три раздела. Первый включает начальные три части, посвященные периоду революции и Гражданской войны. Второй раздел (4, 5 и 6 части) повествует о мирной жизни, созидательном труде советских людей, передает размышления о родной стране и ее людях. Третий раздел — радостный, жизнеутверждающий финал и итоги всего произведения. Одним из наиболее ярких в оратории стал «Марш», где мы слышим синтез стихотворений «Наш марш» и «Левый марш», мощный голос оратора, «слово поэта» и «музыку революции», переданную Свиридовым. Тромбоны, туба, литавры и два рояля вводят нас в самую гущу событий. На призыв — «Левой!» — откликается хор, словно толпы матросов.

Не менее выразительным становится «Рассказ о бегстве генерала Врангеля». Резко контрастно маршу звучит молитва генерала. Здесь композитор «проявил удивительную чуткость, творческую фантазию и мастерство» [6]. Яркое впечатление оставляет ритмизованный рассказ свидетеля последующих событий, который поддержан аккордами оркестра. При этом Свиридов характеризует Врангеля объективно, без тени тенденциозности и карикатуры.

Третья часть — «Героям Перекопской битвы» — звучит как гимн в честь тех, кто одолел Врангеля и его

войска. Здесь доминирует пение хора, мажорная интонация, широкая распевность, торжественность звучания.

Четвертая часть — «Наша земля» — воспринимается как лирический центр оратории. Оркестр тихо передает музыкальный пейзаж русских просторов. Свиридов резко противопоставляет здесь чужие края и родную землю, используя экзотическое звучание арфы и челесты — и строгие аккорды оркестра [7]. Ощущается громкая патетика басов и резкие звуки медных инструментов. Пятая часть — «Здесь будет город-сад» — основана на стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» и соответственно — на музыкальных строфах и их рефрене, которые контрастны по характеру мелодии, тембра и фактуры. Мелодия передает жуткую картину промозглой дождливой ночи. То же настроение содержится в напеве солистки (меццо-сопрано), хотя ее песня несет и оптимистические краски в третьем куплете. В ее партии побеждают интонации радостные, мажорные, энергичные, и их поддерживает оркестр.

Шестая часть — «Разговор с товарищем Лениным» — заключает в себе и элегию, и печальный ноктюрн, и речитатив виолончелей и контрабасов, соответствующий авторскому размышлению и прямому обращению к вождю. Финал, названный словосочетанием «Солнце и поэт», начинается колокольными звучаниями, мажорной тоникой, аккордами арф и роялей. Это — сияние «ста сорока солнц», о котором поет хор и которое вваливается гостем к поэту. Идет диалог Маяковского с ярким светилом, и в музыке все настойчивее утверждается мажор. Он усиливается и у солиста, и у хора, и у оркестра. Звучат победные фанфары медных, мощные fortissimo остальных инструментов. Возглас «Светить всегда» получает мощный отклик у контрабасов и тромбонов.

Оратория Свиридова по своей выразительности, композиционной слаженности, по своему масштабу и цельности

звучания может быть сопоставлена с крупным симфоническим произведением. Она ярко раскрыла образ нашей Родины, поступательный ход истории, образ великого поэта.

Совершенно справедливо «Патетическая оратория» была высоко оценена

нашей общественностью, и автор этого сочинения в 1960 году был удостоен Ленинской премии. А пластинка с записью этой оратории была в 1970 году удостоена Большого Приза французской Академии вокальной музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова Л. Вокальные циклы Г. Свиридова. Изд. 2-е, дополн. М.: «Советский композитор», 1971. С. 45.
2. Там же. С. 62.
3. См.: Сабина М. Романсы Г. Свиридова // «Советская музыка», 1955. № 11.
4. Шлифштейн С. Еще о есенинской поэме Г. Свиридова // «Советская музыка», 1956, № 12. С. 25.
5. Васина-Гроссман В. Есенинский цикл Г. Свиридова // «Советская музыка», 1958, № 5. С. 16.
6. Кабелевский Д. Маяковский входит в мир музыки // «Музыкальная жизнь», 1968. № 2. С. 4.
7. Живов В. Патетическая оратория Г. Свиридова. М.: «Советский композитор», 1973. С. 25.

Алексей Воронов
(Россия, Санкт-Петербург)

«САТИРИКОН» КАК ЗЕРКАЛО «ПОСТСОВЕТСКОЙ» РОССИИ

«Диковинный сон... Будто бы в царстве теней, над входом в которое мерцает неугасимая лампада с надписью «Мёртвые души» шутник-сатана открыл двери. Зашевелилось мёртвое царство, и потянулась из него бесконечная вереница... И двинулась вся ватага на Советскую Русь, и произошли в ней тогда изумительные происшествия».

Этими словами открываются «Похождения Чичикова» — «поэма в двух пунктах с прологом и эпилогом», написанная в 1922 году Михаилом Булгаковым и повествующая о том, как вольготно жилось гоголевским персонажам в «красной Москве», охваченной голодом, разрухой и тифом. Именно это произведение становится квинтэссенцией моноспектакля «Сатирик-кон», премьера которого недавно состоялась на сцене арт-кафе «Бродячая собака» (автор инсценировки и режиссёр-постановщик — заслуженный деятель искусств России, профессор Дженни Катъшева, исполнитель — Леонид Таранов).

Благодаря этому творческому содружеству, на сцене «Бродячей собаки» за последние годы появилось уже несколько постановок, каждая из которых стала значительным событием в современном театральном Петербурге. «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Без предрассудков» А.П. Чехова, «Нервные люди» Михаила Зощенко, «Истории из чемодана» и «Компромисс» по произведениям Сергея Довлатова — каждый из этих спектаклей отличается безукоризненной драматургической выстроенностью, точностью найденных деталей, тщательным отбором выразительных средств. А самое главное — знакомые всем, как будто «зачитанные до дыр» произведения предстают в этих постановках по-настоящему современными, во многом отличающимися от привычных стереотипов их восприятия.

К какому бы литературному первоисточнику не обращались бы Дженни Катъшева и Леонид Таранов, «сверхзадача» их совместных постановок остаётся неизменной: вскрывать замысел автора с точки зрения содержания, находить в актуальном — вечное. Всё это в полной мере относится и к «Сатирикону» — спектаклю, объединяющему под одной афишей произведения Антона Чехова, Михаила Булгакова, Михаила Зощенко, Тэффи и Аркадия Аверченко, созданные либо в предреволюционной России, либо вскоре после 1917 года. Казалось бы, всё это «дела давно минувших дней» — и, тем не менее, спектакль неизменно вызывает горячую зрительскую поддержку и самые искренние симпатии. Значит зрители «века нынешнего» находят в картинках «века минувшего» то, что по-настоящему берёт их за душу, заставляя их не только без умолку смеяться, но и по-настоящему

глубоко задуматься. Это свидетельствует о том, что создатели спектакля, в соответствии с одним из основных режиссёрских принципов Г.А. Товстоногова, сумели «вскрыть» инсценируемых авторов, нащупать в их текстах «болевы́е точки», актуальные и сегодня.

Одна из причин столь горячей зрительской реакции заключается в узнаваемости героев спектакля. Порой они воспринимаются как будто отражение наших современников — только в кривом зеркале. Например, «Демоническая женщина» из одноимённого рассказа Тэффи как две капли воды похожа на некоторых современных «дамочек неопределённой профессии», которых мы сегодня видим на телевидении в многочисленных репортажах, светских хрониках и нескончаемых ток-шоу. Там они без умолку щебечут о всякой чепухе, пытаясь любой ценой привлечь к себе внимание — и при этом прилагая титанические усилия, чтобы скрыть свою пустоту и никчёмность. То же самое можно сказать и о чиновнике-мздоимце из рассказа А.П. Чехова «Совет», который всячески демонстрирует посетителям свою озабоченность важнейшими государственными проблемами. Однако на проверку оказывается, что главная из этих проблем — определить размер взятки, которую он намерен содрать с очередного горемыки-просителя, тщетно обивающего пороги его приёмной. И уже совсем безошибочно угадываются в рассказе Аркадия Аверченко «Прогулки по Петрограду», написанном в самый разгар революционных событий в России, до боли знакомые всем реалии «лихих девяностых», когда отечественные криминальные хроники то и дело пополнялись кровавыми новостями с очередной «разборки». Аверченко доводит эту ситуацию до трагифарсового абсурда, когда его герой, привыкший «мочить» всех подряд, сам нарываясь на ответную пулю, а его вдова и служанка, вместо того чтобы отвезти труп на кладбище, тайком закапывают покойника во дворе — чтобы и дальше получать на него продовольственные карточки как на живого. Действительно жизнь в так называемой «большевистской совдепии» как и в «постсоветской» России слишком часто была похожа на отчаянную борьбу за выживание,

Однако помимо внешнего сходства между персонажами «Сатирикона» и публикой, до отказа наполняющей уютный подвальчик «Бродячей собаки», обнаруживается и внутренняя связь. Если временами по ходу спектакля в зале с весёлых зрительских лиц неожиданно исчезают улыбки, а вместо смеха воцаряется гробовая тишина — значит, для нынешнего поколения, актуальны те же самые проблемы, от которых мучились наши соотечественники сто лет назад, в бесовские «окаянные дни». И главная из этих проблем — безраздельное господство всеобъемлющего, всевластного, всепоглощающего и от того кажущегося порой непобедимым хамства.

При слове «хам» в нашем сознании чаще всего возникает образ невоспитанного, наглого и развязного человекообразного существа, от которого бесполезно ждать чего-нибудь кроме очередной порции оскорблений и унижений. Однако на самом деле хамство многолико. Оно способно искусно мимикрировать, принимая самые разные облики — от грубого и невежественного до утончённого и респектабельного. Однако его суть при этом остаётся неизменной. Хам — это беспредельный гордец и законченный эгоист, который всех окружающих считает пигмеями, жалкими лю-

дишками, с которыми можно обращаться как угодно во имя достижения своих эгоистичных целей. Внешне он может выглядеть очень любезным и учтивым — но при этом оставаться абсолютно холодным и бесчувственным к чужой боли. Не то чтобы он испытывал по отношению к окружающим какую-то особенную патологическую ненависть — нет, он просто никого не замечает и равнодушно проходит мимо. Живые люди для хама всего лишь своеобразный «стройматериал», пригодный для прокладки дороги к собственному «светлому будущему» — и, разумеется, в этой радужной перспективе он не видит рядом с собой никого кроме «себя любимого, единственного и неповторимого».

Первым, кто со всей беспощадностью поднял в русской литературе эту проблему, был Николай Васильевич Гоголь. Именно он с безжалостной точностью отразил «вечный» парадокс нашей действительности — на святой, великой и прекрасной земле, которая обязана рождать богатырей и великанов, обитают никчёмные, жалкие карлики, давно уже утратившие способность различать что-нибудь дальше собственных свиных рыл. Не случайного поэму «Мёртвые души» можно назвать «энциклопедией русского хамства», а имена её отрицательных героев закрепились в нашем сознании как синонимы жадности, зависти, праздности и других известных всем человеческих пороков. О том, что наша «почва» (в том понимании, какое вкладывал в это слово Б. Пастернак) слишком обильно унавожена хамством, говорили многие представители отечественной интеллигенции XIX века. А уже на заре XX столетия В. Соловьёв, В. Розанов, Н. Бердяев и другие выдающиеся русские мыслители с тревогой писали о надвигающейся на Россию катастрофе. Вопреки царившим в обществе оптимистическим настроениям и радужным прогнозам, они предупреждали, что от былого духовного единства русского народа давно осталась лишь внешняя оболочка — а, значит, неминуемо приближается роковой день и час, когда матушка-Русь и её народ станут лёгкой добычей тех самых «адовых сил».

Тогда же, в начале XX века над Россией зловеще прозвучало пророчество Дмитрия Мережковского о «Грядущем Хаме», а его супруга Зинаида Гиппиус в 1908 году под псевдонимом «Антон Крайний» опубликовала «Литературный дневник», многие высказывания из которого актуальны и сегодня. Особенно остро и современно воспринимаются её слова: «Люди продвигаются вперёд разбросанной, беспорядочной кучей, хотя и по одной дороге — и никто никого не слышит. До каждого доносится лишь гул чьих-то голосов, ему бы подойти ближе и прислушаться — но некогда подходить, у него своё отчаяние, он сам оскорблён, что его не слышат. Люди не потеряли ещё голоса, дара слова, — но оглохли; пройдёт время, и, как всякий глухой, люди потеряют речь и погибнут... Только сознав глухоту, можно освободить в себе волей свою первоначальную любовь, внимание к людям... Каждая душа — драгоценность, теряя её, мы теряем свою. И мы её теряли, и редкий человек этого не видит».

Проблема «всеобщей глухоты» как некоего фатального рока, неотвратимо тяготеющего над людьми, давно переставшими слышать не только друг друга, но и самих себя, стала одной из доминирующих в творчестве русских писателей «серебряного века». Из авторов, чьи произведения представлены

в «Сатириконе», особое внимание уделял этой проблеме Антон Павлович Чехов. Достаточно вспомнить его рассказы «Тоска», «Новая дача» или пьесу «Предложение», в которых тема катастрофического непонимания людей, как будто изъясняющихся на одном языке, решена в различных жанровых регистрах — от эксцентрической комедии с элементами абсурда до неприкрытой, обжигающей душу трагедии. Этой же проблеме посвящён и включенный в спектакль рассказ «Разговор человека с собакой». Леонид Таранов исполняет это произведение так виртуозно, что заставляет зрителей и смеяться над его героем, прожжённым взяточником и интриганом Романсовым — и одновременно переживать за этого «недотёпу», который настолько одинок, что может излить свою душу только перед облезлой бездомной дворнягой. Да, он ведёт бесцветную, никчёмную и пошлую жизнь — но он человек, а значит, имеет право быть выслушанным, имеет право на сочувствие и сострадание. И невольно вспоминаются слова из записной книжки А. П. Чехова: «Какое наслаждение уважать людей»!

Если расцвет литературного таланта Чехова, Аверченко или Тэффи пришёлся на тот период истории страны, когда будущая национальная катастрофа только угадывалась, то Михаил Булгаков и Михаил Зощенко творили в эпоху уже не «грядущего», а «победно торжествующего» хама. Они, как и все истинные художники, горячо и страстно любившие свою Отчизну, испытывали колоссальную душевную боль от того, что на их глазах всё самое лучшее, что составляло истинную духовную кладёзю русского народа, беспощадно опопашалось, оплёвывалось и обливалось грязью. Да, жалкая горсточка Чичиковых, Ноздрёвых и Собакевичей, получившая возможность безнаказанно мошенничать и разворовывать страну, благоденствовала и процветала (и это они же, только под другими именами и обликами, делали с Россией в 1990-е годы всё что угодно, вдохновлённые призывом тогдашнего главы государства: «Берите себе столько, сколько сможете унести»). Зато честному человеку стоило немало усилий, чтобы выжить и не свихнуться в беспросветном кошмаре, издевательски именовавшемся «свободной и счастливой жизнью». В спектакле эта тема с особенной остротой звучит в рассказе М. Зощенко «Мокрое дело», герой которого настолько запуган хулиганами и воришками всех мастей, что готов принять любого случайного прохожего за бандита и убийцу — даже собственного соседа по лестничной площадке.

Р. С. Возможно, не все наши читатели знают о том, что популярное в народе слово «гопник» имеет самое что ни на есть пролетарское происхождение. В 1920-е годы на Лиговском проспекте в здании нынешней гостиницы «Октябрьская» располагалась «Государственное общежитие пролетариата» или сокращённо «ГОП». Его обитатели, известные своим буйным нравом, то и дело с наступлением темноты нападали на прохожих, отбирали у них деньги и ценные вещи. В результате, слово «гопник» вскоре стало синонимом бессовестного хулигана, вора и пьяницы — сначала на берегах Невы, а затем и по всей России.

Несмотря на то, что сегодня наша жизнь внешне выглядит как будто приличнее, нежели в двадцатые годы минувшего столетия, тотальное хамство и попираание человека как личности и поныне никуда не делись, более

того — воспринимаются как неотъемлемая часть нашего «постсоветского» бытия. При этом чем более активным становится процесс всеобщего «охаивания», тем всё более острой и актуальной становится проблема тотального «раскультирования». Впрочем, подобная тенденция на протяжении всего XX века явственно прослеживается не только в отдельно взятой «стране победившего социализма», но и на всей планете, приобретающая характер общемировой культурной катастрофы.

Известно, что эстетические потребности человека относятся к разряду «вечных», их невозможно отнять — но отучить от подлинного искусства, от истинных культурных ценностей вполне реально. Еще в 1930-е годы один из видных представителей русского зарубежья Владимир Вейдле опубликовал во Франции книгу «Умирание искусства», в которой писал о том, что «судьба искусства, судьба современного мира — одно. Там и тут бездуховная сплочённость всего утилитарного, массового, управляемого вычисляющим рассудком, противопоставляется распылённости личного начала, еще не изменившего духу, но в одиночестве, в заблуждении своём — в заблуждении не разума только, а всего существа — уже теряющего пути к целостному его воплощению». По мнению учёного, из подобной ситуации возможен был лишь один выход — противопоставить всё более господствовавшей тенденции к раздробленности и хаосу разумное, созидательное начало.

Увы, слова Вейдле и других мыслителей, предупреждавших об опасности «исчерпания культуры», не были услышаны ни тогда, ни позже. В результате, уже в «перестроечное», а затем в «постперестроечное» время многие представители отечественной науки, культуры и общественной мысли с горечью констатировали, что так называемое «истончение культурного слоя» вплотную подошло к той критической отметке, за которой процесс может принять необратимый характер. Например, выдающийся оперный режиссёр, народный артист СССР Борис Покровский в 1989 году опубликовал статью, в которой делился с читателями своей тревогой по поводу того, что «у нас отсутствует не только культура, отсутствует потребность в ней. У всех, почти у каждого из нас». А лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын уже в 1990-е годы выступал с докладом в Российской Академии наук, где специально заострил внимание на этом вопросе: «Не первое столетие идет в цивилизованном мире далеко не сразу замеченный процесс потери духовной сосредоточенности и высоты, процесс рассеяния, быть может, невосполнимой растраты духовных ценностей. В XIX веке еще редко кто различал его. Но уже весь XX век, столь технически успешный, а психологически поспешный, разными путями действовал к снижению культуры».

Впрочем, несмотря на все беды и напасти, которым подвергается сегодня отечественная культура, в современном обществе всё более отчётливо проявляются тенденции, свидетельствующие о том, что энергия «духовного сопротивления» у русского народа никуда не исчезла — а, значит, наше будущее не так беспросветно и безнадежно. Свидетельство тому — всё более возрастающий интерес к русской классике. Если в конце 1980-х — начале 90-х годов её ставили не очень охотно, то за последние 20 лет она с каждым театральным сезоном всё увереннее завоёвывает сцену. В ней пытаются

найти опору посреди расштатавшегося мира; за неё хватаются как за спасательный круг в водовороте социальных коллизий; из неё вычитывают «осуществившиеся» пророчества, объясняя прошлое настоящим; с её помощью пытаются вновь соединить «времен разорванную нить». Герои русской классики почти напрямую воспринимаются как наши современники, что подтверждает и оглушительный успех «Сатирикона» в «Бродячей собаке».

Создатели этого спектакля проводят зрителей по своеобразному «коридору времени», объединяющему целых три века (если брать за точку отсчёта время создания гоголевских «Мёртвых душ») — и при этом показывают, как мало осталось в нас доброты и человечности, насколько разрушительны для человеческой души драматические общественные «переломы». Новые смысловые пласты возникают в «Сатириконе» из коллизий реальности, из жизненно важных проблем современности. Театр не хочет успокаивать тех, кто пришёл к нему в зрительный зал, не хочет, чтобы мы принимали жестокость и бесчеловечность за некую «объективную реальность», с которой ничего нельзя сделать, и которую невозможно изменить. И ради того, чтобы мы не мирились со злом — он бьёт тревогу.

В сценической редакции «Похождений Чичикова» создатели спектакля позволили себе слегка отступить от булгаковского текста. В финале этой миниатюры они вложили в уста рассказчика слова из записной книжки Марины Цветаевой о том, что у нас, куда ни глянь — одни только Чичиковы, Ноздрёвы да Собакевичи, только вот Гоголя нигде не видно. И эта своеобразная «переключка» двух талантливейших художников, так близко к сердцу принимавших все несовершенства и нестроения окружавшей их «совдеповской» действительности, дарит нам ощущение того, что не всё ещё потеряно. «Новых Гоголей», конечно, нет — но есть другие замечательные творцы, способные и сегодня бороться за наши души, оставлять надежду на то, что рано или поздно мы сумеем найти выход из того духовного и эстетического тупика, в который во многом сами себя загнали.

Сегодня на «вечный» гоголевский вопрос «Куда несёшься ты?» — мы вряд ли услышим сколь-нибудь вразумительный ответ от большинства вечно озабоченных сограждан, пролетающих в дорогах иномарках по Невскому проспекту или до отказа набивающих вагоны метро. А ответ нужен, и как можно скорее. Потому что сегодня всё настойчивее, всё изощрённее нам пытаются навязать так называемые «постмодернистские ценности», в которых принципиально уничтожаются всякие различия между добром и злом, между божественным и дьявольским. Нетрудно понять, какая катастрофа ждёт нас впереди, если мы позволим восторжествовать подобным идеям в умах и сердцах наших сограждан. Вот почему обрести новый смысл бытия, устояв перед «постмодернистскими» соблазнами, искушениями и провокациями — это единственно возможный выход «от тьмы к свету». Не только для «отдельно взятых граждан» — для всего русского народа.

Дженни Катышева

(Россия, Санкт-Петербург, Гуманитарный университет профсоюзов)

В ПОИСКАХ ДОБРА И КРАСОТЫ (к 200-летию М.И. Петипа)

Произошло знаменательное событие исторической важности и новизны. Впервые в России на государственном уровне отмечается юбилей великого балетмейстера. И 2018 год объявлен «годом Петипа».

200-летие Мариуса Петипа оказалось своевременным поводом, чтобы вспомнить подлинные достижения отечественного культурного наследия в области искусства. Причем, балетного — наиболее приближенного к воплощению сценического образа, близкого к идеальному, весьма далекого от восприятия массовой аудиторией. Вспоминается А. С. Пушкин:

«Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов...».

Балетный театр, мировой и отечественный, усвоил от мировой драмы и театра наличие и, в известной степени, преобладание «духовной вертикали» — высшего духовного начала, как и «горизонтали» — среды, системы жизни, в которой пребывает человек. «Духовная вертикаль» в классическом балете, вершину развития которого представляет Петипа, достигла своего высшего достижения в «Белом балете», «инструментальной хореографии», отражающей музыкальную драматургию композитора. В ней исконные, сущностные начала танца — стремление к идеальному человеку, гармонии, красоте, физическому и духовному совершенству личности, иными словами к человеческому и эстетическому идеалу. Классику, которую наиболее ярко представляет Мариус Петипа, Игорь Стравинский справедливо назвал «торжеством порядка над хаосом».

В отечественном искусстве само понятие «образ» соотносится с образом для подражания, стремлением к идеалу — в отличие от европейской культуры, где, по мысли Ю. Лотмана, главенство принадлежит этическим и эстетическим нормам поведения человека, принятым в обществе.

Почему из череды памятных юбилеев великих российских писателей-классиков, выдающихся деятелей искусства, выделен М. Петипа, выходец из Франции? И почему он оказался в России, где прошел долгий и трудный путь восхождения к вершинам творчества?

М. И. Петипа — талантливый французский танцовщик и балетмейстер — неслучайно выбирает Россию, чтобы отдать ей 60 лет своей успешной деятельности. Как справедливо отмечает Дж. Баланчин: «Петипа привез в Россию, которая обладала несравненно большей жизненной силой, чем упадочные и реакционные оперные театры, — квинтэссенцию галльского изящества, чувство абсолютного совершенства зримой формы и высокую

гуманную символику. Во главу угла он поставил танцующего актера, в то время как Западная Европа пыталась навязать условную поэтичность балету». Подлинная поэтичность предполагает ярко выраженное духовное начало. Без него не создать полноценного образа в театре [1].

М. Петипа приехал в Россию, где на балетной сцене уже складывалась национальная традиция танцевального искусства в лице его предшественников, сначала балетмейстеров пушкинской эпохи (И. Вальберх, А. Глушковский, Ш. Дидло), затем представителей романтического балета — Ж. Перро, А. Сен-Леона. Для русского сценического искусства как в драме, так и в балете было свойственно «откровение души» в создании образов, как писал А.С. Пушкин. Его же известное высказывание о танце А. Истоминой в балетах Дидло — «душой исполненный полет» — становится формулой сущности русского балета.

Это было важно для Петипа, так как он привез в Россию животворные идеи французского реформатора балета XVIII века Ж.-Ж. Новерра, развитые позже Дидло и Перро. Речь шла о неприятии бессмысленного механического танца, о котором писал Новерр — «предназначенного для услаждения глаз... никто ещё не подозревал, что он может обращаться к душе» [2].

Чтобы осуществить идею Новерра об «одухотворенном», «действенном» танце, нужны были российские танцовщицы и танцовщики, наиболее расположенные к осуществлению искусства ярких чувств, идущих от сердца и души. Перефразируя Пушкина, можно сказать, что танец, движения, жесты, слитые с музыкой, рождала «не память рабская, но сердце». Неслучайно в следующем веке В. Нижинский, в своем творчестве продолжавший развивать исконные черты русского танцевального искусства, озаглавил свой знаменитый дневник-исповедь словом «Чувство».

Петипа добивался органики и выразительности воплощения эмоциональной природы танца, благодаря своему таланту выстраивать музыкально-хореографическое действие спектакля и отдельных ролей, насыщенных смысловым потенциалом. «Что», «о чем», и «как» были слиты воедино. Создавались предпосылки для развития хореографических идей Петипа в новых редакциях его балетов у других хореографов, вплоть до XX века. Выигрывали те балетмейстеры, которые понимали исторически и эстетически обусловленные изменения в психотехнике артистов, постановочной практике, сценическом воплощении образа — однако стремились максимально сохранить сущностные, ключевые начала его балетов, быть верными духу первоисточника. Таков был Константин Сергеев в его редакциях «Спящей красавицы» П.И. Чайковского, «Раймонды» А.К. Глазунова. Он усилил эмоциональную природу музыкального действия, создав лирические дуэты, приоткрывая внутренний мир героев. Тем более Мариус Петипа стремился в создании балетных партий солистов воплотить зоны «жизни человеческого духа», чем воспользовался в XX веке балетмейстер и танцовщик Рудольф Нуреев. Он вводит монолог Зигфрида в конце первого акта «Лебединого озера» П.И. Чайковского, размышляя о судьбе своего героя.

Именно в России, благодаря тандему с Чайковским и Глазуновым, Петипа подошел к вершинам академического танца, используя симфонию музыкальной партитуры композиторов. Он укрепил «инструментальную

хореографию», танцсимфонические структуры в балетах, частично опробованные в более ранних его постановках: «Баядерка» Л. Минкуса («Тени»), «Корсар» А. Адана («Оживленный сад»), «Дон Кихот» Л. Минкуса («Сон Дон Кихота»). И в полную мощь он развернул их в содружестве с Л. Ивановым в «Лебедином озере», «Спящей красавице», в замысле «Щелкунчика», поставленного Л. Ивановым.

В симфонизме музыки П. И. Чайковского, с которым тесно сотрудничал М. И. Петипа, балетмейстер обрел философский, более обобщенный масштаб, расширяющий рамки сюжета, конкретной человеческой истории, обретая «вечное» в единичном. Так открывались новые сценические ресурсы для раскрытия духовной сущности сценических образов. Исповедуя идеи романтизма с его обращенностью к «внутреннему человеку», Петипа в танцсимфонических зонах своих спектаклей обретал новые масштабы духовной сферы личности.

Симфонизм по своей природе обладает особым качеством — сосредоточенностью на масштабных и глубинных проблемах бытия человека не только в бытийной, но и метафизической, духовной сферах. К примеру, образы Зигфрида и Одетты в «Лебедином озере» в хореографической ткани балета воплощали зарождение любовного чувства, клятву в любви перед лицом неба, божественного начала, ее нарушение, муки совести, покаяние, прощение. И все это воплощалось языком танца, приемами танцевального выражения и высказывания. Следует заметить, что духовно-поэтическое пространство в балетах Петипа не является демонстрацией неких абстрагированных форм классического танца. Оно насыщено непрерывным сценическим движением, воплощая музыкальную партитуру композитора. Каждое движение имеет свое начало и последовательное развитие. Это наблюдается в каждом дуэте, вариациях солистов, кордебалетных эпизодах. В вариациях балетов Петипа — отнюдь не подбор танцевальных движений вообще, а продолжение и развитие смыслообразующего сценического действия. В них могла ярко проявиться индивидуальность конкретной танцовщицы или танцовщика.

Образная концентрация смыслов балета обусловила их выход на вершину хореографии — к симфоническому танцу, который получил широкое развитие в XX веке и начале XXI столетия (М. Фокин, Ф. Лопухов, К. Голейзовский, Дж. Баланчин, Л. Мясин, С. Лифарь, И. Бельский, М. Бежар, Дж. Ноймаер, Ю. Григорович и др.). Были рождены большие танцевальные ансамбли и хореографические сюиты; многообразие форм наблюдалось во взаимодействии солистов и кордебалета в соотношении с сюжетным началом балета. Все это способствовало созданию спектакля большой формы, где идейно-художественная целостность определяется соотношением всех его компонентов: музыки, танца, декорационного оформления. В нем органически сочетались разные направления хореографии: классический танец, характерный танец (народно-сценический), историко-бытовой. Благодаря достижениям Петипа была укреплена и развита школа академического танца в России. Она передается из поколения в поколение, вплоть до настоящего времени. Так создается почва для доминирования отечественного балета в мировом культурном пространстве.

Балеты Мариуса Петипа составляют основной репертуар классических компаний мирового музыкального театра, постоянно и неизменно востребованного зрительской аудиторией.

М. И. Петипа — образец и пример для новых творческих исканий и открытий в области балетного театра, творчества современных балетмейстеров, о чем писал Ю. Н. Григорович: «Он учит... уважительному и трепетному отношению к избранной профессии. И, что самое главное, помимо бесценных уроков в области хореографической формы, он учит высокому строю мысли, высокому пониманию жизни человека» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидов А. «Лебединое озеро». М.: Искусство, 1985. С.159.
2. Новерр Ж.-Ж. Письма о танце и балетах. Л.: М.: Искусство, 1965. С.52
3. Смирнов А. Мастера русской хореографии. СПб.: 2009. С.154.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ФРАНСУА РАБЛЕ (16 в.) ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ. ФРАНЦИЯ

Франсуа Рабле (1490-1553) родился в семье адвоката города Шинона в Турени. Отец хотел видеть сына священником, поэтому поместил его на учение в монастырь. Но Рабле не выдержал монастырской жизни и отправился на учебу в университет Монпелье, чтобы приобщиться к медицине. Легенды об учености Рабле поражают воображение — чтобы добиться сохранения привилегий за университетом в Монпелье, Рабле обратился к канцлеру Франции на латинском, греческом, английском, немецком, итальянском, испанском языках. Рабле содействует распространению медицинских знаний в Лионе. Здесь же печатаются и первые части его бессмертной книги «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Толчком, побудившим Рабле взяться за эту книгу, было появление незадолго перед тем народной книги под заглавием «Великие и неоценимые хроники о великом и огромном великане Гаргантюа», которой, как сообщает Рабле, «в два месяца было продано столько, сколько не купят Библий за десять лет». Главный интерес этой книги составляла, с одной стороны, ее широкая фольклорная основа, с другой — содержащаяся в ней явная сатира на фантастику и авантюрную героику старых рыцарских романов. Это произведение было задумано Рабле, как продолжение народной книги, сохраняющее в некоторой степени стиль и имитирующее наивную эпичность оригинала: тот же сюжет, те же великаны, но совершенно иной смысл и иное настроение.

Герои книги Рабле — гротеск ренессансного духа — добродушные и мудрые великаны с великим аппетитом, великой жаждой дел, великой мечтой о счастье и справедливости. Порождены они народной фантазией и оказались весьма кстати для осмеяния аскетизма. Об успехе книги говорит факт — она выдержала в 16 в. сто изданий.

Эпопея Рабле состоит из пяти книг, выходивших в разные годы по мере их создания — с 1532 по 1552 г. Последняя, пятая часть вышла в 1564.

Первая часть романа называется «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенций». Здесь Рабле предвосхищает жанр романа воспитания. Рассказывая о детстве Гаргантюа, писатель открыто издевался над средневековой системой оболванивания человека с помощью вдалбливания азбучных истин, чтения церковного календаря, прослушивания обеден. Видя, что ребенок совсем отупел, отец решает растить его в духе новой школы гуманистов, ратовавших за всестороннее развитие человека.

Вторая часть эпопеи — жизнеописание сына Гаргантюа Пантагрюэля — содержала убийственную сатиру на всю средневековую науку, судопроизводство и нравы. Шарлатанство в науке, псевдонаучность, страсть к цитированию древних авторов — предмет язвительной насмешки Рабле. В эпизоде чудесного воскрешения сподвижника Пантагрюэля Эпистемона рассказывается в духе Лукиана о том, что удалось увидеть в загробном мире, где рассказывается о знаменитых людях прошлого. На том свете греческий философ Диоген, живший, по преданию, в бочке, колотит палкой Александра Македонского за неумение правильно чинить обувь.

Часть третью эпопеи Рабле посвящает духу Маргариты Наваррской, показывая, что идея вольномыслия остается его путеводной звездой.

Четвертая часть эпопеи представляет фантастическое путешествие флотилии Пантагрюэля. На своем пути к оракулу он встречает дикий страны и острова, обитатели которых почти утратили человеческий облик.

В пятой части эпопеи, опубликованной посмертно, Пантагрюэль с друзьями достигает оракула Божественной бутылки, который дает ему короткий ответ: «Пей!». Его философский смысл выходит за пределы удовольствий, даруемых Бахусом, так как у Рабле вино — источник знания, радости и полноты жизни.

Рабле — автор празднично-карнавальная эпопеи как бы завещал людям жить полноценной жизнью, постигать науку, неустанно искать истину.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ (16 в.) ФРАНЦИЯ

Маргарита Наваррская (или Валуа, или Ангулемская) (1492-1549) — сестра французского короля Франциска I Валуа, после смерти первого мужа — герцога Алансонского — вышла замуж за Генриха д'Альбре, короля Наварры, и с 1543 г. самостоятельно правила маленьким королевством. Ее двор в Нераке превратился в центр культурной жизни. Уже ее первый поэтический опыт «Зерцало грешной души» был признан Сорбонной еретическим. Маргарита Наваррская писала помимо стихов о платонической любви, пьесы в форме моралите элегического характера. Посмертная слава ее связана с «Гептамероном», что по-гречески означает «Семидневник». Это произведение было написано по аналогии с «Декамероном» Боккаччо и представляет собой сборник веселых новелл, которые рассказывают друг другу знатные молодые господа и дамы в течение недели. Семьдесят две новеллы тематически группируются в циклы. В первый день рассказывали о том, какие проделки совершали женщины, чтобы обмануть своих мужчин, и мужчины, чтобы обмануть женщин; во второй — «о том, что каждому пришлось на ум»; в четвертый — «о добродетели и терпении дам...»; в седьмой — «о тех, кто поступал так, как ему не следовало поступать...».

В новеллах автора причудливо сочетаются утонченность и грубоватая откровенность, показана насмешка автора над невежеством, развратом, лицемерием духовенства, и в прославлении земных радостей жизни и любви. Первое издание этого сборника «История о счастливых любовниках...» вышло в 1558 году. Второе издание (1559) и последующие входят в историю литературы как «Гептамерон».

Из «Гептамерона»

Новелла пятая

Перевозчица и монахи

«На пристани Куллон, близ Ниора, была женщина перевозчица, которая день и ночь только и делала, что перевозила всех с одного берега на другой. Пришлось ей однажды перевозить двух братьев-миноритов, а так как это самый длинный переезд из всех, какие есть во Франции, то они, чтобы ей с ними не соскучиться, стали склонять ее на любовь, на что она дала им достойный отпор. Они же, не утомившись в дороге и нисколько не охлажденные близостью воды, да к тому же пристыженные ее отпором, решили меж собой взять ее силой, а в случае жалоб с ее стороны сбросить в реку.

Женщина эта была, однако, столь же умна и дальновидна, сколь они были дерзки и хитры. Она сказала им: «Я вовсе не так сурова, как прикидываюсь, и если вы исполните две мои просьбы, то увидите, что я более вас хочу того, чего вы у меня просите». Братья поклялись ей св. Франциском, что нет такой вещи, которой бы они не сделали, — чтобы получить от нее желаемое. «Я требую от вас, во-первых, — сказала она, чтобы вы поклялись не говорить о нашем деле ни одной живой душе». На это они согласились весьма охотно. «И еще, — добавила она, — я хочу, чтобы получили удовольствие со мной не на глазах друг у друга, этого стыда я не вынесу. Решайте же теперь, кто хочет иметь меня первой»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргарита королева Наваррская. Гептамерон. Л. 1967.
2. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

НАРОДНАЯ КНИГА О ТИЛЛЕ ЭЙЛЕНШПИГЕЛЕ (16 в.) ГЕРМАНИЯ

Старейший вариант на верхненемецком языке «народной книги» о похождениях лукавого бродяги Тилля Эйленшпигеля восходит к 1519 г. Книга была очень популярна в 16 в. Единственный сохранившийся экземпляр этого издания хранится в княжеской библиотеке в Гоше.

Тиль Эйленшпигель — лицо историческое. Он родился в Кнейтлингене (Брауншвейг) в 1350 г. Ведя жизнь бродяги, Тиль в различных частях Германии устраивал свои шутовские проделки. Постепенно биография Эйленшпигеля начала приобретать легендарный характер. Его образ стано-

вится собирательным. К его жизни добавляют эпизоды, почерпнутые из различных старинных немецких и иноземных источников: шванки о попе Амисе и попе Каленберге; анекдоты о шуте Генелле и др. Образ плутоватого бродяги, крестьянского сына Тилля Эйленшпигеля, оставляющего в дураках всех, с кем ему приходится сталкиваться, прочно вошел в историю европейской литературы — книга Шарля де Костера. В Германии она выдержала множество изданий, 10 изданий вышло на фламандском и голландском языках, книгу переводили на французский, английский, датский, польский и латинский языки. В конце 18 в. она была переведена с польского на русский язык под названием «Похождение ожившего нового увеселительного и великого в делах любовных плута и шута Совестдрала, большого носа».

ГЛАВА 2

Повествующая о том, как все крестьяне и крестьянки жаловались на молодого Эйленшпигеля и говорили, что он озорник и плут, и как он ехал на лошади позади своего отца и молча, показывал народу свой зад.

«...Отец посадил его за собой на лошадь. Тогда Эйленшпигель оголил зад, показал его всем людям и затем вновь сел на место. И стали на него указывать соседи и соседки и говорить: «Тьфу, что это за безобразник!». И сказал Эйленшпигель: «Послушай отец, ты же видишь, что я молчу и никого не задираю, и все же говорят люди, что я безобразник». Тогда решил отец посадить Эйленшпигеля, свое любимое чадо, впереди себя на лошадь. И Эйленшпигель сидел, молча, но он разинул рот, скалил на мужиков зубы и высовывал язык. И люди сбегались и говорили: «Глядите, что это за озорной мальчишка!» И молвил отец: «Ты, наверно, родился в недобрый час, ты сидишь спокойно и молчишь, никого не задираешь, и все же говорят люди, что ты озорник».

ГЛАВА 56

О том, как Эйленшпигель нанялся к портному.

«...Портной взял кафтан и невшитые рукава, кинул их Эйленшпигелю и сказал: «Прикинь рукава к кафтану и иди, потом спать». Эйленшпигель сказал: «Хорошо». Мастер отправился спать, а Эйленшпигель повесил кафтан на крючок, зажег две свечи, с каждого бока кафтана по свече, и взял один рукав и кинул его в кафтан и, зайдя с другого бока, кинул в него также и другой рукав. А когда обе свечи догорели, зажег он пару новых и всю ночь на пролет до самого утра все кидал рукава в кафтан. Но вот поднялся мастер и пришел в мастерскую... и сказал: «Что это за забава? Разве я знал, что ты неправильно поймешь мои слова? Я имел в виду, чтобы ты пришил рукава к кафтану». И начал ругать нерадивого ученика... Эйленшпигель поспешно собрал свои пожитки и отправился в путь-дорогу».

ЛИТЕРАТУРА.

1. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

НАРОДНАЯ КНИГА О ДОКТОРЕ ИОГАННЕ ФАУСТЕ, ЗНАМЕНИТОМ ВОЛШЕБНИКЕ И ЧЕРНОКНИЖНИКЕ (16 в.) ГЕРМАНИЯ

Эта книга вышла в Германии в 1587 г. и является первой литературной обработкой легендарной биографии доктора Иоганна Фауста, жившего в первой половине 16 в. в Германии. Он родился около 1480 г. в городе Книттлингене. В 1508 г. он получил место учителя в Крейциахе, но вскоре отправился путешествовать по Европе в качестве чернокнижника и астролога. Историки считают его хвастуном и шарлатаном, который выдавал себя за великого ученого. Иоганн Фауст похвалялся, что может сотворить все чудеса Иисуса Христа. В то время фигура доктора Фауста приобрела легендарные очертания и широкую популярность. В «Народной книге» доктор Фауст изображен дерзким нечестивцем, вступившим в союз с дьяволом ради приобретения великого знания и силы. У него пытливый и ищущий ум, он исполнен жажды славы, чувственных удовольствий. Заключительная глава книги повествует о трагическом конце Фауста: бесы разрывают его на части и душа его идет в ад. В 18 веке легендой о Фаусте воспользовался ряд немецких писателей — Лессинг, Мюллер, Клингер, Гете.

О ТОМ, КАК ДОКТОР ФАУСТ СПУСКАЛСЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ

«Прошло уже семь лет со дня заключения договора между чертом и доктором Фаустом, начался восьмой год, и ближе еще подвинулся Фауст к положенному пределу, и он большую часть своего времени продолжал уделять исследованиям, учению, расспросам и спорам. Между тем вновь начала ему мерещиться и наводить на него страх преисподняя, и поэтому он потребовал от своего слуги, беса Мефистофеля, чтобы тот потребовал и вызвал к нему своих повелителей Велиала или Люцифера. Однако они послали ему беса, который назвался Вельзевул и который спросил Фауста, каково его желание или требование. Не может ли какой-нибудь демон ввести его в преисподнюю, а затем вывести оттуда, чтобы он мог увидеть и познать ее свойства, основания, проявления, а также субстанцию? «Хорошо, — отвечал Вельзевул, — в полночь я явлюсь и тебя возьму». И вот, когда настала ночь и воцарился мрак, явился Вельзевул, на спине у него был костяной стул, замкнутый со всех сторон, в него сел доктор Фауст и отправился в путь. А теперь послушайте, как ослепил черт Фауста, обморочил его настолько, что тот и впрямь, вообразил, что побывал в преисподней. Он взлетел с ним на воздух, и от этого Фауст задремал, как если бы он сидел в теплой воде или в ванне. Вскоре после этого поднимается он на высокую гору, огромную, как остров, из которой вырывались сера, смола и огненные языки и с

таким неистовством, что Фауст от этого проснулся. Чертов гад ринулся в эту пропасть вместе с Фаустом. И хотя Фауста со всех сторон охватило ужасное пламя, однако он не почувствовал ни жара, ни ожогов, но лишь ветерок, какой бывает в мае или весной; доносились до него также звуки различных инструментов, весьма нежные и приятные, все же, несмотря на яркое пламя, не мог он увидеть ни одного инструмента или понять, какого рода они были. При этом не мог он даже спросить о том, что вокруг него происходит, так как было ему наперед запрещено бесом вести разговоры или задавать вопросы. Между тем к чертову гаду и Вельзевулу подскочили еще трое, схожие с ним видом. Когда доктор Фауст еще ниже спустился в пропасть, а трое упомянутых бесов летели впереди Вельзевула, повстречался там доктору Фаусту огромный крылатый олень с могучими ветвистыми рогами, он вознамерился сбросить Фауста в бездну, чем его до крайности испугал. Однако трое впереди летевших гадов прогнали оленя. И вот, когда Фауст еще ниже опустился в пропасть, он увидел, что со всех сторон окружен густым роем мерзких насекомых и змей. При этом змеи были непомерных размеров. Но ему на помощь явились крылатые медведи, они начали биться и сражаться со змеями, победили их, так что он благополучно миновал опасное место, но лишь только он опустился несколько глубже, увидел он гигантского крылатого быка, выходявшего из каких-то старинных ворот или расселины; чудовище яростно и с ревом набросилось на доктора Фауста, и с такой силой толкнуло его стул, что стул перевернулся вместе с бесом и Фаустом. Доктор Фауст выпал из стула и стремительно полетел в бездну...»

ЛИТЕРАТУРА.

1. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ (16 в.) НИДЕРЛАНДЫ

Дезидерий Эразм, прозванный Роттердамским (1466-1536), родился в городе Роттердаме. Рано потерял родителей. Поступил в монастырь. С 1469 г. учился в Париже. Он посещает Англию, Нидерланды, Италию. Эразм преподает в Кембриджском университете греческий язык и богословие, затем живет в Германии на службе у императора Карла V.

Литературное наследие Эразма весьма значительно. Ему принадлежит ряд сочинений на философские и богословские темы. Огромный успех имели его сатирико-дидактические «Домашние беседы». Значительной известностью пользовалось его произведение — сборник изречений и анекдотов, почерпнутых из различных античных писателей. Сам Эразм основным трудом своей жизни считал исправленный им греческий текст евангелия и комментарии к нему. Однако в историю мировой литературы он вошел как автор сатирического памфлета «Похвальное слово глупости» (1509). Это произведение примыкает к знаменитому «Кораблю дураков» немец-

кого гуманиста. Огромное влияние на Эразма оказал Лукиан. В этой книге представлен монолог глупости, которая сама себе произносит похвальное слово. Эразм представляет широкую сатирическую картину современной ему европейской жизни, бичует различные суеверия, пережитки феодализма.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ГЛУПОСТИ.

Глупость говорит.

«И так... мужи глупейшие! Ибо какое более почетное прозвище может даровать богиня Глупость... Родителем моим был не Хаос, не Орк, не сатурн, не Иапет и никто другой из устарелых, полуистлевших богов, но Плутос, который, не во гнев будь сказано Гомеру, Гесиоду и самому Юпитеру. Плутос породил меня от Неотиты (Юности), от прекраснейшей и шутливейшей нимфы. И не в узах унылого брака, а от вождения свободной любви. И сам отец мой был тогда не дряхлым полуслепым Плутосом, но бодрым и ловким юношей, охмелевшим от нектара, которого хлебнул он изрядно на пиру у богов. Родилась я на тех счастливых островах, где все растет несейное и не паханное. Там нет ни труда, ни старости, ни болезней, там на полях не увидишь мальв, морского лука и всякой другой дряни, но повсеместно глаза и обоняние твое ласкают молия, панацея, амарант, лотосы, розы, фиалки, гиацинты, достойные садов Адонисовых. Меня питали своими соками две прелестные нимфы — Мете (Опьянение), рожденная Ваххом, и Апедия (Невоспитанность), дочь Пана».

СПУТНИКИ ГЛУПОСТИ.

«Вот эта — с горделиво поднятыми бровями — Филавтия (Самолюбие). Та, что помавает глазами и плещет в ладоши, носит имя Колакии (Лесть). А эта, полусонная, словно дремлющая, зовется Мисопонией (Лень). Эта, увитая розами и опрысканная благовониями, — Гедонэ (наслаждение). Эта с дерзкими блуждающими взорами называется Анойя (Безумие). Эта с лоснящейся кожей с раскормленным телом носит имя Трюфэ (Чревоугодие). Взгляните также на этих двух богов, затерявшихся среди девушек: одного из них зовут Омос (Разгул) и другого — Нигретос-Гипнос (Непробудный сон). При помощи этих верных союзников я подчиняю моей власти весь род людской, отдаю приказы и самим императорам»...

ГРАММАТИКИ.

«...Знала я одного ученого, настоящего царя всех наук, человека уже лет шестидесяти, который, позабыв все на свете, лет двадцать корпит и мучается над грамматикой, утешая себя мыслью, что доведется ему дожить до того дня, когда он научится безошибочно различать все восемь частей речи, чего, как известно, не мог вполне достигнуть никто из греков и латинян... Среди этих несносных трудов он жалко трусит, как бы не похитил у него кто вожаделенную славу»...

ПИСАТЕЛИ.

«...Поглядите, как мучаются писатели: прибавляют, изменяют, переставляют заново, показывают своим друзьям, затем печатают лет эдак через девять, все еще недовольные собственным трудом, и покупают ценой стольких бдений, стольких жертв и стольких мук лишь ничтожную награду в виде одобрения нескольких тонких ценителей... Напротив, сколь счастлив сочинитель, послушный моим внушениям. Он не станет корпеть по ночам, он записывает все, что ему набредет на ум, хотя бы даже собственные свои сны, зная заранее, что, чем больше будет вздорной чепухи в его писаниях, тем вернее угодит он большинству, т. е. всем дуракам и невеждам»...

ЛИТЕРАТУРА.

1. Библиотека всемирной литературы. М. 1971.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В. ОРЛОВА

Франсуа Рабле (16 в.)
Гаргантюа и Пантагрюэль.
Франция









Маргарита Наваррская (16 в.) Франция







Народная книга
о докторе Иоганне Фаусте,
знаменитом волшебнике и чернокнижнике (16 в.)
Германия





Эразм Роттердамский (16 в.) Нидерланды







Подписано в печать 30.08.2018 г. Формат 70х100/16.
Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Заказ №
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru